

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего образования  
«Саратовская государственная юридическая академия»

*На правах рукописи*

**Слива Эдуард Отарович**

**ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В АРБИТРАЖНОМ  
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О БАНКРОТСТВЕ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

**Диссертация**  
на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

**Научный руководитель:**  
доктор юридических наук, профессор  
Афанасьев Сергей Федорович

Саратов – 2026

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                                                                                                                                    |            |
|----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|------------|
| <b>Введение .....</b>                                                                                                                              | <b>3</b>   |
| <b>Глава 1. Правовая природа процессуальных соглашений .....</b>                                                                                   | <b>17</b>  |
| 1.1. Общая характеристика правовой природы<br>процессуальных соглашений .....                                                                      | 17         |
| 1.2. Цели и задачи заключения процессуальных соглашений<br>по делам о несостоятельности (банкротстве) .....                                        | 39         |
| <b>Глава 2. Виды процессуальных соглашений в арбитражном<br/>судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) .....</b>                 | <b>61</b>  |
| 2.1. Субъектный состав процессуальных соглашений<br>по делам о несостоятельности (банкротстве) .....                                               | 61         |
| 2.2. Роль дискреционных полномочий арбитражного суда<br>в заключении процессуальных соглашений<br>по делам о несостоятельности (банкротстве) ..... | 82         |
| 2.3. Темпоральность процессуальных соглашений<br>в делах о несостоятельности (банкротстве) .....                                                   | 102        |
| <b>Глава 3. Реализация процессуальных соглашений в арбитражном<br/>судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) .....</b>           | <b>117</b> |
| <b>Заключение .....</b>                                                                                                                            | <b>143</b> |
| <b>Список использованной литературы и источников .....</b>                                                                                         | <b>146</b> |

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы исследования.** Динамичное развитие экономических отношений и усложнение их формы приводят к увеличению числа судебных споров по делам о несостоятельности (банкротстве). В материально-правовой и процессуальной доктрине суть данных отношений традиционно раскрывается с позиции императивно-диспозитивного регулирования. Однако, как известно, доминирование императивного подхода при разрешении экономических конфликтов существенным образом ограничивает гибкость судебной системы.

В соответствии с Конституцией РФ каждому гарантируется государственная, в том числе судебная, защита его прав и свобод (ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46)<sup>1</sup>. Любая правовая система, включая отечественную, стремится к созданию таких норм, которые обеспечивали бы наиболее эффективное разрешение спорных правовых ситуаций. К их числу относятся и положения цивилистических процессуальных кодексов, предусматривающие возможность заключения процессуальных соглашений, что делает правосудие более вариативным и адаптивным к запросам участников судебного производства.

Очевидно, что дела о несостоятельности (банкротстве) характеризуются высокой степенью конфликтности. Это, с одной стороны, обуславливает применение императивного инструментария, а с другой – открывает участникам доступ к более гибким процессуальным средствам, включая процессуальные соглашения. При этом арбитражный суд в процедурах банкротства вынужден соотносить публичные интересы с защитой частных прав.

---

<sup>1</sup> См.: Конституция РФ (с изм. и доп. от 04 октября 2022 г., № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)). 2023. 10 окт. № 0001202210060013.

Процессуальные соглашения выступают значимым субсидиарным компонентом правового регулирования банкротных дел. Они позволяют суду и сторонам оптимальным образом реагировать на нестандартные обстоятельства, возникающие в ходе разрешения спора по существу. Использование таких соглашений способствует реализации гарантий баланса интересов сторон и ускоряет достижение целей процедуры несостоятельности.

Важно отметить, что в российской юридической науке сформировалось несколько подходов к пониманию процессуальных соглашений в современном цивилистическом процессуальном праве. Процессуальная концепция рассматривает их как одно из средств регулирования процессуальных прав и обязанностей; материальная – квалифицирует через призму сделки; смешанная – сочетает оба подхода со всеми вытекающими правовыми последствиями.

Вместе с тем специфика дел о банкротстве обострила необходимость разрешения целого ряда проблемных вопросов теоретического и практического свойства: под влиянием правоприменительной практики устоявшиеся доктринальные положения о процессуальных соглашениях стали подвергаться существенной трансформации.

Правовая природа банкротных споров тесно связана с предпринимательской деятельностью, основанной на принципе диспозитивности. Это предполагает возможность сторон вступать в различные договоренности, условия которых могут прямо не предусматриваться законом, но не должны ему противоречить. Вариативность сделок и использование нестандартных юридических конструкций позволяют участникам наиболее полно удовлетворять свои потребности.

Хотя данные характеристики относятся к сфере материального права, процедура банкротства не ограничивается ею и имеет выраженное процессуальное измерение. Кроме того, публично-правовой характер банкротства обусловлен выполнением важных социально-экономических задач. Таким образом, арбитражное судопроизводство по делам о

несостоятельности выступает точкой пересечения частно- и публично-правовых начал.

На данную взаимосвязь указал Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». В частности, он подчеркнул, что в таких делах имеется тесное и неотъемлемое единство материального и процессуального права. Аналогичной позиции придерживаются многие российские ученые и практики, доказывающие, что материальное право нельзя рассматривать в отрыве от процессуального.

Таким образом, имеющиеся в российской правовой доктрине знания о процессуальных соглашениях не учитывают весь спектр особенностей, признаков и видов таких соглашений. Исходя из вышесказанного, актуальность темы исследования заключается в формировании целостного научно-прикладного представления о системе и правовой природе процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) посредством выявления нетипичных видов таковых, установления их нормативных и функциональных признаков, а также детального анализа их специфических черт.

**Степень научной разработанности темы исследования.** Процессуальные соглашения являлись и являются предметом широкого научного интереса. Наиболее детально они анализировались в следующих работах: М.А. Рожкова «Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия» (2010 г.); Н.Г. Елисеев «Договорное регулирование гражданских и

арбитражных процессуальных соглашений» (2016 г.); О.Н. Шеменова «Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве» (2017 г.). Отдельное внимание следует уделить следующим работам: С.А. Курочкин «Соглашения в системе гражданского судопроизводства» (2012 г.); С.А. Курочкин «Частные и публичные начала в цивилистическом процессе» (2012 г.); Е.А. Иванова «Соглашение в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект» (2020 г.) и др.

Системные вопросы, связанные с правовой природой процессуальных соглашений и их видов, затрагивались также в работах Д.Б. Абушенко, Е.В. Васьковского, Д.Х. Валеева, М.А. Викут, А.В. Габова, В.В. Груздева, Я.В. Греля, Р.Е. Гукасяна, М.А. Гурвича, Г.А. Жилина, А.А. Карповой, С.Н. Лебедева, О.А. Мачучиной, Е.В. Михайловой, С.Ю. Некрасова, Л.М. Орлова, И.А. Покровского, Е.С. Раздьяконова, Е.Г. Стрельцовой, М.А. Фокиной, Д.А. Фурсова, В.Н. Щеглова, А.В. Юдина, Т.М. Яблочкова, В.В. Яркова и др.

Исследования проблематики отдельных видов процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве) нашли свое отражение в работах С.А. Карелиной, являющихся одними из ключевых для правовой доктрины несостоятельности (банкротства), В.Д. Шапиро, Г.Ф. Шершеневича и др.

Не исчерпали своей многогранной актуальности работы В.О. Ватаманюка, В.В. Витрянского, Е.Г. Дорохиной, А.В. Егорова, Е.В. Любимовой, Е.А. Махневой, Н.В. Минимулина, Е.Л. Налбандян, С.В. Одинцова, В.Ф. Попондопуло, А.Г. Смирных, А.А. Титкова и др., которые в том или ином аспекте выделили базовые характеристики такого вида соглашения.

**Цель исследования** заключается в решении научной задачи, имеющей значение для развития арбитражного процессуального права, а именно в получении новых доктринально-прикладных знаний о видах, признаках и специфике процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве в

делах о несостоятельности (банкротстве) и правовых факторах, оказывающих влияние на их формирование.

Постановка указанной цели определяет необходимость решения комплекса взаимосвязанных **задач**:

- проанализировать основные доктринальные подходы к определению правовой природы и понятия процессуальных соглашений;
- определить целеполагание процессуальных соглашений по делам о несостоятельности (банкротстве);
- выявить влияние субъектного состава на формирование процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве);
- установить влияние дискреционных полномочий арбитражного суда на заключение процессуальных соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве);
- изучить темпоральность процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве);
- раскрыть на основании проведенного исследования отдельные особенности реализации института процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве).

**Объектом исследования** выступает совокупность общественных отношений, урегулированных соответствующими нормами процессуального и материального права в связи с арбитражным судопроизводством по делам о несостоятельности (банкротстве) в той его части, которая связана с применением процессуальных соглашений.

**Предмет исследования** составляют нормы, принципы, научно-теоретические работы, затрагивающие вопросы процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве).

**Методологическую основу исследования** образует комплекс общенаучных и частно-научных методов. К общенаучным методам относятся: анализ, дедукция, индукция, синтез, сравнение, обобщение и другие.

Общенаучные методы позволили определить общие характерные черты процессуальных соглашений, которые сложились в отечественной доктрине, и провести границу между ними и особенностями процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве).

В ходе исследования были использованы такие частно-научные методы, как сравнительно-правовой, метод анализа, обобщения судебной практики, формально-юридический и другие. Частно-научные методы позволили выявить и описать различные виды процессуальных соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве), установить их отличительную специфику.

С помощью формально-юридического метода удалось определить нормативно-правовую базу, регулиующую порядок и способы заключения процессуальных соглашений и сформулировать предложения по их совершенствованию.

Сравнительно-правовой метод позволил конкретизировать критерии отличия процессуальных соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве) от иных процессуальных соглашений, а метод анализа и обобщения судебной практики – установить главные факторы влияния на процессуальные соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве).

**Теоретическую основу исследования** составили научные труды в области процессуальных соглашений, а также процессуального договора, в частности работы Д.Б. Абушенко, С.Н. Абрамова, Р.А. Ахмерова, М.И. Брагинского, Е.В. Васьковского, Д.Х. Валеева, В.В. Витрянского, М.А. Викут, А.В. Габова, Т.А. Григорьевой, Е.Г. Дорохиной, Н.Г. Елисеева, А.В. Егорова, Г.А. Жилина, Я.В. Греля, Р.Е. Гукасяна, М.А. Гурвича, В.В. Груздева, О.В. Исаенковой, С.А. Карелиной, А.А. Карпова, С.Е. Кован, Д.В. Князева, Д.В. Ковтуна, А.Н. Кузбагарова, С.А. Курочкина, С.Н. Лебедева, Е.В. Любимовой, И.И. Мазур, Е.А. Махневой, О.А. Мачучиной, Е.Л. Налбандян, С.Ю. Некрасова, Л.М. Орлова, В.Ф. Попондопуло, Е.Г. Потапенко, И.А. Покровского, Е.С. Раздьяконова, С.Ж. Соловых, М.В. Телюкина, А.А. Титкова, М.А. Фокиной, Д.А. Фурсова, М.Г. Суханова,

Е.Г. Стрельцовой, М.А. Рожковой, О.Н. Шеменевой, Г.Ф. Шершеневича, В.Н. Щеглова, А.Г. Смирных, Н.В. Минимулина, Е.В. Михайловой, С.В. Одинцова, В.Д. Шапиро, А.В. Юдина, Т.М. Яблочкова, В.В. Яркова и др.

**Нормативную основу исследования** составили Конституция РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и иные нормативно-правовые акты.

**Эмпирическая основа исследования** включает в себя правовые позиции и материалы Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда (материалы в части, сохранившей свою актуальность), а также судебные акты арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов, рассматривающих дела в качестве суда первой инстанции, принятые при рассмотрении и разрешении дел о несостоятельности (банкротстве).

**Научная новизна диссертации** заключается в том, что в рамках проведенного исследования сформулированы целостные и системные теоретико-прикладные представления о процессуальных соглашениях в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве).

На основе всестороннего и критического анализа существующих доктринальных подходов (процессуальной, материальной и смешанной концепций) в работе предложено авторское определение процессуального соглашения по делам о несостоятельности (банкротстве), выявлены его основные юридически значимые признаки, а также критерии отграничения от смежных правовых категорий, прежде всего от процессуальной сделки.

Обосновано, что определяющим критерием разграничения выступает целевая направленность соглашения: оно определяет согласованный способ реализации процессуальных прав и исполнения обязанностей их носителей, тогда как процессуальная сделка направлена на достижение правового результата в сфере материальных правоотношений.

Кроме того, разработана авторская классификация процессуальных соглашений по делам о несостоятельности (банкротстве), основанная на характере регулируемых правоотношений и целях участников соглашения, что позволяет систематизировать их виды и определить особенности их реализации в арбитражном судопроизводстве.

В научный оборот введена категория «латентное процессуальное соглашение», характеризующаяся отсутствием формализованного соглашения и проявляющаяся в общей процессуальной цели участников, согласованности их поведения и взаимной обусловленности процессуальных действий. Сформулированы теоретические положения и практические рекомендации по выявлению и учету таких соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве).

Научная новизна диссертационного исследования нашла отражение в следующих основных **положениях, выносимых на защиту**:

1. Раскрыта суть доктринальных подходов к определению правовой природы процессуального соглашения в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве), в рамках которой выделены процессуальная, материальная и смешанная концепции. На основе изучения указанных концепций сформулировано определение процессуального соглашения как согласованного волеизъявления двух или более участников правоотношений в сфере банкротства, направленного на определение способа реализации принадлежащих им процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей в связи с рассмотрением конкретного дела о несостоятельности (банкротстве).

2. Выявлена система юридически значимых признаков процессуального соглашения по делу о несостоятельности (банкротстве), включающая: обусловленность основным материальным правоотношением, что обеспечивает возможность урегулирования правового конфликта; темпоральную связь с развитием материальных и процессуальных правоотношений, детерминирующую допустимость заключения соглашения

как до возбуждения, так и после возбуждения судебного производства по делу; особый субъектный состав, предполагающий заключение двусторонних или многосторонних соглашений с учетом прав и законных интересов третьих лиц; комплексный характер содержания, выражающийся в согласовании способов реализации процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей.

3. Аргументировано, что в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) заключение процессуального соглашения во многом предрешается процессуальной целью, содержание которой связано с природой основного правового конфликта, многоступенчатостью банкротных процедур и множественностью субъектов правоотношений с различающимися интересами.

Установление целевой направленности соглашения является базовым критерием разграничения процессуального соглашения и процессуальной сделки. Процессуальное соглашение направлено преимущественно на определение согласованного способа реализации процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей участников дела о несостоятельности (банкротстве), тогда как процессуальная сделка сфокусирована на достижении конкретного правового результата, связанного с разрешением вопроса в сфере материальных правоотношений.

4. Развито положение о допустимости заключения процессуальных соглашений между субъектами одной группы участников дела о несостоятельности (банкротстве), которые имеют совпадающую процессуальную цель. Обосновано, что возможность таких соглашений обусловлена согласованием указанными участниками объема и порядка реализации принадлежащих им процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей, но она ограничивается необходимостью соблюдения прав и законных интересов иных субъектов сложившихся правоотношений.

5. Обоснована возможность существования латентного процессуального соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве), под которым предлагается понимать не выраженную в форме самостоятельного соглашения, но объективированную в совокупности взаимосвязанных процессуальных действий участников согласованную волю относительно способов реализации процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей.

Сформулированы критерии выявления такого соглашения: наличие у участников общей процессуальной цели; согласованность их процессуального поведения; взаимная обусловленность совершаемых действий; невозможность объяснить совокупность соответствующих юридически значимых действий исключительно независимым осуществлением участниками принадлежащих им процессуальных прав.

6. Установлено, что процессуальное соглашение по делу о несостоятельности (банкротстве) может содержать положения, связанные с реализацией материально-правового требования, не утрачивая при этом своей процессуальной природы. Обосновано выделение особого вида процессуального соглашения – процессуально-процедурного (банкротного) соглашения, предметом которого является определение способов реализации процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей участников соглашения применительно к конкретному материально-правовому требованию. Другими словами, предмет такого соглашения процессуальный, а объект, по поводу которого участниками осуществляется процессуальная координация, – материально-правовой.

**Проведенное диссертационное исследование позволило диссертанту сформулировать ряд взаимосвязанных предложений по изменению действующего цивилистического процессуального законодательства, а именно:**

– изложить п. 8 ст. 42 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в следующей редакции: «В случае

если до назначенного судом заседания на рассмотрение арбитражного суда поступают заявления о признании должника банкротом от других лиц, все поступившие заявления рассматриваются арбитражным судом как объединенные требования к должнику в порядке, предусмотренном пунктом 5 статьи 39 настоящего Федерального закона.

При поступлении возражений об объединении требований к должнику от заявителей арбитражный суд откладывает судебное заседание по проверке обоснованности поданного объединенного заявления с указанием на рассмотрение первого поданного заявления, а остальных – в качестве заявлений о вступлении в дело о несостоятельности (банкротстве). Данные заявления должны быть рассмотрены в течение пятнадцати дней с даты судебного заседания по проверке обоснованности требований первого заявителя, обратившегося в арбитражный суд.

Лица, рассмотрение заявлений которых отложено, обладают правами, предусмотренными пунктом 7 настоящей статьи»;

– внести дополнительный абзац в п. 9 ст. 42 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», изложив его следующим образом: «При поступлении нескольких заявлений о признании должника банкротом и последующем их объединении арбитражный суд выносит на обсуждение заявителей вопрос о кандидатуре временного управляющего, финансового управляющего, подлежащего утверждению в деле о несостоятельности (банкротстве). Согласованная кандидатура временного или финансового управляющего должна быть представлена заявителями, объединившими свои требования к судебному заседанию по проверке обоснованности заявления о признании должника банкротом, а при отсутствии согласованной кандидатуры заявителями представлена саморегулируемой организацией арбитражных управляющих посредством случайной выборки»;

– пункт 1 ст. 224 АПК РФ после слов «с заявлением» дополнить словами «объединенным заявлением»;

– изложить п. 2 ст. 61.9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в следующей редакции: «Заявление об оспаривании сделки должника может быть подано в арбитражный суд наряду с лицами, указанными в пункте 1 настоящей статьи, уполномоченным органом, если размер кредиторской задолженности перед ним, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований уполномоченного органа».

**Теоретическая значимость результатов исследования** заключается в том, что разработанные теоретические положения развивают научное знание о процессуальных соглашениях в аспекте арбитражного судопроизводства применительно к делам о несостоятельности (банкротстве). Выводы, сформулированные в диссертации, дополняют российскую правовую доктрину новой группой банкротных соглашений, что способствует восполнению наличествующих пробелов в данной области научных исследований. Диссертация содержит не только перечень новых видов процессуальных соглашений, но и имеет в своем содержании понятийный аппарат таких соглашений. Полученные результаты могут быть использованы в качестве основы для дальнейших исследований процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве).

**Практическая значимость результатов исследования** состоит в том, что сделанные предложения и выводы могут быть использованы в правотворческой деятельности в рамках совершенствования законодательства, а также в функциональной деятельности судов арбитражной юрисдикции. Кроме того, сформулированные на основе проведенного диссертационного исследования теоретические положения и заключения могут быть использованы в учебном процессе в рамках преподавания курсов «Арбитражное процессуальное право», а также специальных «Банкротство физических и юридических лиц», при подготовке

соответствующей учебной литературы, лекций и учебно-методических пособий.

**Степень достоверности результатов исследования.** Достоверность полученных результатов подтверждается существенной теоретической и эмпирической базой исследования. Выводы и предложения, сформулированные в работе, основываются на изучении и анализе широкого перечня научных трудов по указанной тематике, нормативных правовых актов, материалов правоприменительной судебной практики.

**Апробация результатов исследования.** Настоящее диссертационное исследование подготовлено и обсуждено на кафедре арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Основные положения и выводы проведенного диссертационного исследования изложены в 8 статьях, в том числе в 4 статьях, в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Отдельные положения и выводы диссертационного исследования излагались автором в рамках научных докладов и сообщений на научно-практических конференциях различного уровня, среди них: VIII Всероссийская научно–практическая конференция «Современный цивилистический процесс: публично-правовые и частноправовые составляющие» (г. Саратов, 2024 г.); I Приволжский форум судей «Электронное правосудие как вектор развития судебной системы Российской Федерации» (г. Саратов, 2024 г.); I Всероссийский молодежный научно–практический форум «Банкротство и антикризисное управление: новые тенденции и вызовы» (г. Москва, 2025 г.); VIII Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Тенденции развития юридической науки на современном этапе» (г. Кемерово, 2025 г.);

Межвузовский круглый стол «Актуальные проблемы несостоятельности (банкротства) граждан: перспективы и пути развития», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева» (г. Москва, 2025 г.); III Всероссийская научная студенческая конференция с международным участием «Современные правовые проблемы: взгляд молодого поколения», приуроченная к 95-летию Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, 2025 г.); X Всероссийская научно-практическая конференция «Неволинские чтения – 2025. Экономическое правосудие» (г. Киров, 2025 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная компетенция и подсудность гражданских, административных дел и экономических споров: развитие науки, законодательства и практики» (г. Санкт-Петербург, 2026 г.); «X Всероссийская научно-практическая конференция «Судебные и внесудебные механизмы защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов: вопросы применения и соотношения» (г. Саратов, 2026 г.); Второй Всероссийский молодежный форум по банкротству «Несостоятельность (банкротство): новые проблемы и вызовы» (г. Москва, 2026 г.); V Саратовский юридический форум, посвященный 95-летию Саратовской государственной юридической академии «95 лет служения праву государства и государству права» (г. Саратов, 2026 г.); V Всероссийская научно-практическая конференция «Правосудие современности» (г. Екатеринбург, 2026 г.).

**Структура работы** обусловлена поставленными целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих пять параграфов, заключения, а также списка использованной литературы и источников.

## ГЛАВА 1.

### ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

#### 1.1. Общая характеристика правовой природы процессуальных соглашений

Регулирование объема прав, свобод и обязанностей сторон в рамках сложившихся, а равно складывающихся правоотношений, подчинено действующим нормам права, а также может быть скорректировано договоренностями участников этих правоотношений. При этом требуется соблюдение условия о соответствии таких соглашений закону. Подобные уступки могут существовать и достигаться либо до возникновения спора между сторонами, либо непосредственно в ходе судебного разбирательства.

Анализируя какое-либо понятие, предмет или событие, необходимо изначально иметь представление о том, как конкретная форма материального мира развивалась и почему она существует в настоящем в том виде, в каком подвергается изучению. Законодательство РФ не содержит прямого определения термина «процессуальное соглашение», однако в юридической литературе оно встречается часто и при упоминании о нем обязательно затрагивается дискуссия о его правовой природе.

За множеством позиций, касающихся содержательной и понятийной части упомянутого термина, по сути скрыт только дуализм подходов: одни представители юридической науки утверждают о строго процессуальном характере соглашений и призывают отличать их от гражданско-правового договора, вторые – приходят к умозаключению о сложносоставном характере таких сделок, выражая мнение о слиянии норм материального и процессуального права в структуре процессуальных договоренностей сторон. Также можно встретить позиции ученых об особой природе таких соглашений, но такие идеи не получили в доктрине массового развития.

Чтобы понимание авторского подхода к определению процессуального соглашения сложилось верно, необходимо кратко обратиться к историческим

истокам учения о процессуальных соглашениях, которые берут свое начало еще в римском праве.

И.Б. Новицкий писал о том, что для римского права в части соглашений существовали две их основные формы: стипуляции и спонзии. Стипуляция характеризовалась устной формой своего изложения, являясь видом соглашения между кредитором и должником по обязательству. Под спонзией понималась более строгая форма, являющаяся разновидностью стипуляции и уже содержащаяся в договоре. Оба явления выступали способом защиты в рамках судебного разбирательства<sup>1</sup>. Особо необходимо отметить, что И.Б. Новицкий упоминал изречение Ульпиана о том, что само соглашение возникает в тот момент, когда желания двух и более лиц совпадают<sup>2</sup>.

И.А. Покровский, анализируя формы соглашений в римском процессе, указывал, что такие соглашения заключаются по согласию сторон, влияют на ход и движение процесса (способствуют переходу на новую стадию), а стороны принимают на себя новые права и обязанности<sup>3</sup>.

Соглашения сторон возникали в рамках сложившегося спора и своим смыслом имели создание благоприятных условий не только для спорящих, но и для эффективного судебного разбирательства. В работах, посвященных особенностям римского права, найти присутствие термина «процессуальное соглашение» не представляется возможным в силу его отсутствия. Представление о том, что стороны могут влиять на судебные тяжбы своими договоренностями, не осталось только в рассматриваемом историческом периоде и успешно перешло в романо-германскую правовую семью. Стоит отметить, что в дореволюционном, а также советском периоде, правоведы не углублялись в изучение процессуальных соглашений и их особенностей, однако уже на тот момент наблюдались сложившиеся позиции ученых по этому вопросу.

---

<sup>1</sup> См.: Новицкий И.Б. Римское частное право / под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М., 2000. С. 297-298.

<sup>2</sup> См.: Там же.

<sup>3</sup> См.: Покровский И.А. История римского права. СПб., 1998. С. 220.

Е.В. Васьковский описал так называемые «процессуальные договоры», которые могут заключаться между тяжущимися и быть направленными на процессуальные последствия. Ученый отмечал, что соглашения сторон, по своей природе, имеют процессуальный характер, являются процессуальным действием, что позволяет рассматривать такие договоры в достаточно широком понимании. Например, процессуальным соглашением ученый считал достижение сторонами одинакового волеизъявления, сделанного даже устно и доведенного до сведения суда (что отсылает к стипуляции в римском праве). Е.В. Васьковский считал, что ходатайство об отложении судебного разбирательства, о вызове эксперта, о приостановлении производства по делу, если таковые заявлены как ответчиком, так и истцом (то есть идентичные по своему смыслу) – являются процессуальным договором<sup>1</sup>. Стоит отметить, что развитие мысли о природе соглашений в эпоху советского права не получило своего должного продолжения, поскольку возможность изменения, прекращения гражданских процессуальных отношений на основании договоренностей сторон отрицалась<sup>2</sup>.

В более поздний советский период стали появляться существенно новые подходы к природе соглашений. Р.Е. Гукасян в своих работах задавался вопросом о сопоставлении гражданско-правового договора и договора, совершенного сторонами судебного спора и утвержденного судом. Ученый справедливо отмечал, что по своему смыслу, договор не может заключаться между истцом и ответчиком, однако соглашения, заключаемые между сторонами, существенно влияют на развитие процессуальных отношений.

Р.Е. Гукасян утверждал, что главным отличием гражданского договора, регулирующего материальный аспект, от процессуального, является то, что последний является частью юридического состава. Договор между сторонами является по своей природе самостоятельным юридическим фактом, а вот

---

<sup>1</sup> См.: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. М., 1913. Т. 1. С. 661; Васьковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. М., 1917. С. 182-183.

<sup>2</sup> См.: Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М., 1966. С. 73.

процессуальное соглашение – часть факта, в котором обязательным является воля суда на утверждение такого соглашения<sup>1</sup>.

Примечательным в развитии концепций, посвященных процессуальным соглашениям раннего периода, является то, что большинство ученых придерживалось позиции об отнесении такого вида договоренностей строго к процессуальным. Возможность процессуальных соглашений изменять, дополнять и влиять на материальные правоотношения отрицалась. Подобные подходы можно встретить и в работах современных ученых.

В.В. Груздев полагал, что «процессуальный договор принципиально отличается от гражданско-правового договора... такие процессуальные соглашения призваны регулировать ход конкретного судебного процесса, каждый из которых обладает своей спецификой. Соглашения сторон в этом случае лишь направляют процессуальную деятельность<sup>2</sup>». Отголоски подхода сугубо процессуального характера достигаемых в ходе судебного разбирательства соглашений наблюдаются и в содержании судебных актов. Например, в Определении Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О, в котором суд дал трактовку мировому соглашению как соглашению сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок, что является одним из процессуальных средств защиты субъективных прав<sup>3</sup>.

Можно сказать, что одной из первых доктринальных позиций относительно природы и характера процессуальных соглашений являлось убеждение о чисто процессуальном значении таких явлений. Между тем, развитие советского, а в последующем российского законодательства,

---

<sup>1</sup> См.: Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов, 1970. С. 131.

<sup>2</sup> Груздев В.В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву. М., 2010. С. 14.

<sup>3</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О «О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества «Энергопромкомплект» на нарушение конституционных прав и свобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» //СПС «КонсультантПлюс».

ознаменовало тенденцию и необходимость к четкому разграничению роли соглашений процессуальных и договоров, имеющих материальный характер. Такая потребность объяснялась прежде всего специфичным набором признаков, который появлялся у процессуальных соглашений с течением времени и развития законодательства. Являясь процессуальными соглашениями, некоторые из них стали затрагивать материально-правовой аспект взаимоотношений сторон. Отдельные процессуальные соглашения стали, на первый взгляд, приобретать признаки гражданско-правовой сделки, то есть характеризоваться в некоторой степени как двусторонний договор, с присущими для него последствиями. Важно отметить, что процессуальное соглашение может содержаться в структуре договора. Об этом еще в советскую эпоху, наряду с доктринальными положениями о строгой процессуальной характеристике соглашений, утверждала Л.М. Орлова. Она описывала, что стороны, заключая обычную гражданскую сделку, могут предусмотреть те условия, которые способны вызвать соответствующие правовые последствия. Несмотря на то, что такие распоряжения заключаются еще на стадии согласования самого гражданского договора, они уже несут в себе характеристику процессуального соглашения<sup>1</sup>.

С принятием Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в 2002 г., который закрепил в себе положения об альтернативных формах урегулирования споров, а также существенно расширил возможности мирного урегулирования разногласий, внимание науки стало приковано к формированию наиболее полной концепции. Она должна была с максимальной точностью отражать характеристику и природу процессуальных соглашений. Это усилило дискуссию в научном сообществе<sup>2</sup>.

Так, М.И. Брагинский указывал на материально-правовую квалификацию договоров, которые касаются процессуальных соглашений.

---

<sup>1</sup> См.: Орлова Л.М. Права сторон в гражданском процессе. Минск, 1973. С. 186.

<sup>2</sup> См.: Фокина М.А. К вопросу о некоторых концептах цивилистического процесса: итоги двух десятилетий // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 15-43.

Ученый придерживался мнения о том, что соглашения сторон имеют признаки и составные части договора, тем самым, такие соглашения призваны регулировать именно материально-правовую сторону спора<sup>1</sup>.

Одним из первых комплексных исследований в рассматриваемом вопросе стали работы М.А. Рожковой. Она предложила различать по своей структуре соглашения, направленные на защиту прав и те соглашения, которые выступают в качестве юридических фактов. К содержанию (предмету) процессуального соглашения М.А. Рожкова относит такие действия сторон, которые направлены на течение процесса и осуществление судопроизводства<sup>2</sup>.

Противоположную позицию высказал М.Ю. Чельшев. Ученый пришел к выводу о том, что для цивилистического процесса характерны: соглашения, которые имеют исключительно процессуальное наполнение; гражданско-правовые договоры, содержащие «процессуальный элемент». Примечательно, что подобный вид соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве) практически не встречается, поскольку такая категория урегулирована специальными нормами, в том числе не подразумевающими, например, возможность предусмотреть договорную подсудность. Ученый также приходит к выводу о том, что процессуальные соглашения (мировое соглашение, альтернативные формы урегулирования), должны занимать самостоятельное и отдельное место в системе соглашений<sup>3</sup>.

Следует отметить, что концепции о наличии материального аспекта в процессуальных соглашениях, нельзя категорично отрицать, как и отрицать тот факт, что ряд процессуальных соглашений регулирует исключительно процессуальные вопросы. Однако существование двух противоположных

---

<sup>1</sup> См.: Брагинский М.И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / Брагинский М.И., Витрянский В.В. М., 2001. С. 82.

<sup>2</sup> См.: Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 418 с.

<sup>3</sup> См.: Огородов Д.В., Чельшев М.Ю. Смешанный договор и вопросы теории правового регулирования // Законодательство и экономика. 2007. № 3. С. 49-55.

позиций не означает абсолютное согласие с ними. Далее в исследовании будет дано авторское представление о природе процессуального соглашения в делах о банкротстве, что обоснует ответ на дискуссионный вопрос о взаимосвязи материального и процессуального в соглашениях сторон. Во многом, развитие различного рода подходов к природе процессуальных соглашений, стало следствием усложнения правоотношений в обществе в целом, особенно правоотношений экономического характера<sup>1</sup>. Это усложнение породило рост свободы не только договора, но и положений, которые касаются порядка разрешения возникающих споров. По этой причине процессуальные соглашения стали видоизменяться, предоставляя почву для научных изысканий и теорий об их межотраслевом характере.

О смешанных формах соглашений подробно пишет в своей диссертации Н.Г. Елисеев. В своем труде он приводит понятийный ряд к определению соглашения на основе законодательства зарубежных стран:

« — договор, основное непосредственное действие которого осуществляется в процессуальной сфере;

— согласованная воля противостоящих лиц о достижении непосредственного процессуально-правового результата;

— согласованное взаимное волеизъявление сторон, которое направлено на регулирование процессуального положения и по воле сторон создает такое положение»<sup>2</sup>.

Под предметом процессуального договора Н.Г. Елисеев понимает «... те процессуальные правила, права и возможности, обязанности и обременения, которые осуществляются, изменяются или создаются посредством соглашения сторон; и объект — материальные отношения (дела, споры), для обслуживания которых предназначается процессуальный договор»<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11-21.

<sup>2</sup> Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 41 с.

<sup>3</sup> См.: Там же.

Нельзя отрицать тот факт, что в упомянутой работе ученым представлена достаточно стройная и логически обоснованная концепция соглашений. Однако ряд положений имеет дискуссионный характер. Например, отождествление понятий «процессуальное соглашение» и «процессуальный договор, сделка». Для настоящего исследования, разграничение таких понятий будет иметь ключевое значение. Тем не менее, позиция Н.Г. Елисеева достаточно полно иллюстрирует сочетание материального и процессуального начала в договоренностях сторон.

Особого внимания заслуживает позиция О.Н. Шеменевой, которая в своей работе доказывает кардинальное отличие процессуальных соглашений от гражданского-правовых сделок по основанию их публично-правовой природы (или на основании их публично-правового характера). Под понятием процессуального соглашения О.Н. Шеменова подразумевает «согласованные процессуальные действия сторон и иных лиц, участвующих в деле, направленные на выбор одного из предусмотренных законом альтернативных правил рассмотрения и разрешения гражданских дел, выступающие в роли юридических фактов-условий реализации процессуальных прав и в рамках завершенного фактического состава обязывающие суд к совершению ответных процессуальных действий»<sup>1</sup>.

С.Н. Лебедев, в свою очередь, подвергал критике как процессуально-правовую, так и материально-правовую трактовку арбитражного соглашения, объясняя это наличием самостоятельного предмета у такого правового явления<sup>2</sup>.

Как видно из позиций о природе соглашений, юридическая доктрина базируется на отнесении последних либо к процессуальному, либо к материально-правовому институту. Единого мнения о понятийном содержании термина «процессуальные соглашения» не существует, каждый из

---

<sup>1</sup> Шеменова О.Н. Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2017. 54 с.

<sup>2</sup> См.: Лебедев С.Н. Международный торговый арбитраж. М., 1965. С. 65.

исследователей формирует его исходя из тех факторов, которые считает наиболее важными, будь то цель и задачи, юридический факт, завершённый или не завершённый юридический состав.

Стоит отметить, что приведенные выше позиции, существующие в юридической доктрине, весьма обоснованы, хотя и противоречат друг другу. Тем не менее, как доводы о публично-правовом, так и доводы о материальном характере процессуальных соглашений имеют место быть, лишь с той поправкой, что являются частью одного целого. Анализируя мнения, очевидным является вывод о том, что основной причиной разногласий в юридической науке о месте процессуальных соглашений является как раз само понятие. Каждое из доктринальных положений, касающееся вопроса правовой природы процессуальных соглашений, имеет свою значимость в общей картине современных подходов к их пониманию. Приведенные выдержки из трудов ученых не являются исчерпывающими, но наиболее ярко иллюстрируют многообразие мнений об определении места процессуальных соглашений и их специфике.

В вопросе правовой природы именно процессуальных соглашений думается логичным придерживаться подхода, который определяет такую природу как процессуальную. На первый взгляд, кажется верным считать, что процессуальное соглашение по своему значению в отдельно взятых случаях может прямо сочетать в себе как элементы управления процессом, так и материально-правовые нормы. Однако отдавая предпочтение только лишь одному из проявлений правовой природы соглашений в цивилистическом процессе, их смысловое наполнение будет представлено только в узком смысле. В этом случае будет упущен ряд важных деталей.

Во-первых, если исключить материально-правовой аспект, автоматически исключается возможность использовать такие формы, виды и типы соглашений по своему содержанию, которые не предусматриваются процессуальным законом. Это ограничивает стороны в процессе разрешения конфликта, существенно влияет на судебную нагрузку в целом.

Предусмотреть все вариации тех договоренностей, которые могут возникнуть на современном этапе отношений, особенно экономического характера, просто не представляется возможным.

Во-вторых, логично вытекая из первого тезиса, расценивая процессуальные соглашения строго по их процессуальной характеристике, мы исключаем критерий «гибкости» таких соглашений. Материально-правовой аспект любого соглашения подразумевает под собой свободу волеизъявления сторон конфликта. Стороны способны избрать и урегулировать сложившийся спор именно так, как будет наиболее выгодно для них в конкретной ситуации. Расценивая такие соглашения, как влияющие исключительно на процессуальную форму, мы исключаем возможность самого вариативного развития сложившегося спора. Иными словами, облачаем в сугубо процессуальную форму то, что не может существовать в ограниченных рамках процессуального закона.

Стоит обратить внимание на положения статьи 164 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)<sup>1</sup>, которые закрепляют основания для расторжения мирового соглашения. Под расторжением мирового соглашения прямо понимается возможность в судебном порядке признать мирное урегулирование спора несостоявшимся по истечении времени в силу нарушения его условий. При этом законодательство Российской Федерации ни в одном другом процессуальном кодексе не предусматривает возможности расторгнуть мировое соглашение. Как видно из содержания указанной нормы права, сам законодатель понимает такое соглашение в области банкротства как соглашение, в котором не только может присутствовать материальный аспект, но и фактически присутствует. Такой пример достаточно ярко иллюстрирует полемику, возникающую в научном сообществе.

---

<sup>1</sup> См.: Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 № 127-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

Подобные детали были также отмечены в диссертации Н.Г. Елисеева. Ученый указывает и на еще одну специфику: отрицание материальной природы соглашений лишает сторону возможности сослаться на пороки сделки, которые свойственны гражданским договорам<sup>1</sup>. Например, сослаться на тот факт, что соглашение было заключено под влиянием обмана, введения в заблуждение. В этом случае процессуальное законодательство не содержит в себе таких категорий, они присутствуют лишь в материальном праве. Отрицая связь материального аспекта, приверженцы процессуальной теории соглашений напрямую лишают сторону спора возможности обжаловать заведомо незаконное соглашение. Стоит особо акцентировать внимание на указанном умозаключении, поскольку для процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве вопросы о пороке, каузе и недействительности соглашений имеют место, но мало разработаны в доктрине.

Если же расценивать процессуальное соглашение исключительно как материально-правовую сделку, то, например, теряется сам смысл ее утверждения судом, то есть исключается процессуальная роль, что также в корне не верно. Важно понимать, что само процессуальное соглашение в современном цивилистическом процессе имеет не только признак обязательного утверждения судом, но и признак обязательной судебной оценки. Этот признак прямо взаимосвязан с возрастающей ролью судебной дискреции, и для дел о несостоятельности (банкротстве) имеет также особое значение. В качестве иллюстрации можно отметить, что арбитражному и гражданскому судопроизводству известны такие формы как консолидация требований, следствием которой становится появление соистцов, соответчиков. Если исходить из тезиса о том, что для соглашений в цивилистическом процессе преобладает материально-правовой аспект, то в таком случае становится противоречивым применение к консолидации

---

<sup>1</sup> См: Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 41.

процессуальных норм о проверке и обоснованности такого объединения. В главе, посвященной субъектному составу процессуальных соглашений, будет дан подробный анализ такого явления в делах о несостоятельности (банкротстве), однако уже сейчас можно прийти к кажущемуся верным умозаключению о невозможности рассматривать соглашения в цивилистическом процессе исключительно с точки зрения отсутствия взаимовлияния процессуальных и материальных норм.

Я. В. Грель высказывался в поддержку правильности отнесения процессуальных соглашений к смешанной категории, утверждая, что они содержат в себе и процессуальные и материальные элементы. Однако их содержание, в частности материального элемента, отличается от общепринятых гражданско-правовых договоров, поскольку такие договоры влияют опосредованно или прямо на регулирование процессуальных аспектов<sup>1</sup>. Смешанная (межотраслевая) правовая природа процессуальных соглашений характеризуется как некий универсальный подход к определению их влияния на процессуальную составляющую и, по мнению приверженцев такой теории, является наиболее верным и актуальным доктринальным подходом. Такая дифференциация позволяет воспринимать в теории права соглашения как явление, обладающее набором тех элементов, которые актуальны для конкретной ситуации. Задача доктринального определения места и природы процессуальных соглашений видится в создании эффективного научного подхода, который будет позволять разрешать сложившиеся практические проблемы. Поэтому природу процессуального соглашения также нельзя рассматривать в отрыве от взаимосвязи с практикой.

Если посмотреть на сложившуюся дискуссию немного с иного ракурса, становится очевидным то, что сама суть проблематики может скрываться в содержании исследуемого понятия.

---

<sup>1</sup> См.: Грель Я.В. Соглашение о подсудности в гражданском процессуальном праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 8. С. 1.

Как уже было сказано ранее, российское законодательство не содержит в себе определения термина «процессуальное соглашение». Трактовки такого понятия присутствуют лишь в области доктрины, то есть юридической науки. Они зависят от видения и позиции самого автора относительно природы таких соглашений. Допуская в содержание понятия процессуальных соглашений договоры, регулирующие только материальные и (или) материальные и процессуальные (смешанные) аспекты, фактически допускается ошибка в формулировке такой категории. Иными словами, с одной стороны, «процессуальные соглашения» – термин, возможный к употреблению только по отношению к видовой классификации непосредственно тех соглашений, которые имеют процессуальную природу. С другой стороны, термин «процессуальное соглашение» должен восприниматься не как существующий самостоятельно, а как полноценный институт, в состав которого входят иные виды процессуальных договоренностей.

Включение смешанных и материальных соглашений в понятие процессуального является недопустимым с точки зрения логического противоречия. Таким образом, на современном этапе развития юридической доктрины, термин «процессуальные соглашения» – это устоявшееся словосочетание, не отражающее все многообразие таких соглашений, в силу чего, порождается неопределенность и в вопросе их места в правовой действительности.

Примечательно, что, если воспринимать термин «процессуальное соглашение» через призму института, включающего в себя иные виды договоренностей, выводы ученых, придерживающихся исключительно процессуальной природы такого явления – абсолютно логичны, верны и не вступают в противоречие с работами ученых, в которых господствует идея о материальном или межотраслевом характере соглашений в цивилистическом процессе. Объясняется это тем, что в первом случае, авторы сужают группу соглашений: в которых явно выражен процессуальный элемент, а вторая группа – описывает соглашения в целом, то есть не только процессуальные, но

и смешанные виды, межотраслевые, описывает наполнение всего института. О возможности таких суждений свидетельствует наличие в юридической литературе работ, которые близки к описанной мысли.

С.Н. Лебедев утверждал, что теории, которые рассматривают арбитражное соглашение с точки зрения только материального или процессуального права – ошибочны. Ученый указывал, что у арбитражного соглашения имеется свое индивидуально сложившееся предметное содержание. Кроме того, обладая таким отличным от иного содержанием, арбитражное соглашение имеет и большой объем посвященного ему правового регулирования<sup>1</sup>. На примере одного из видов соглашений, ученый справедливо указывает на отсутствие типичных признаков, позволяющих отнести такое соглашение к процессуальной или материальной отрасли. Отдельная уникальность арбитражного соглашения виделась как основание, позволяющее возвести такое соглашение к иной, собственной форме.

Приведенные ранее примеры определения процессуального соглашения иллюстрируют разнообразие акцентов, за счет которых достигается основная смысловая нагрузка в содержательной части этого понятия. Удивительным и важным является тот факт, что в доктрине не встречается полноценных трудов, посвященных изучению вопроса, о том, почему такую категорию соглашений принято именовать именно «процессуальными». С одной стороны, уже было определено, что в понятии соглашения присутствуют такие виды, которые носят смешанный характер, то есть не всегда имеют исключительно процессуальный характер. С другой стороны, именовать такие договоренности в зависимости от их специфики и конкретного правоотношения не представляется разумным в силу огромного количества их разновидностей. При этом широкие по своему содержанию определения процессуальных соглашений, равно как и узкие, выведенные в рамках конкретных специфик, не являются полезными с точки зрения доктрины.

---

<sup>1</sup> См.: Лебедев С.Н. Указ. соч. С. 65.

Деятельность, направленная на разрешение экономических споров – сущность арбитражного судопроизводства. Природа таких конфликтов связана с непрерывно усложняющимися рыночными отношениями. Динамика их развития создает запрос участников экономического сообщества на справедливую и быструю защиту нарушенного права. Под быстротой защиты права понимается тот временной отрезок, в течение которого бизнес-субъект разрешает возникшую проблему по существу. Чем короче этот временной промежуток – тем эффективнее хозяйствующий субъект способен принимать участие в экономической жизни и, наоборот, длительный и затяжной характер судебного разбирательства в арбитражном суде вызывает для бизнеса дополнительные расходы, необходимость осуществления контроля и затраты ресурсов. Именно по этой причине процессуальные соглашения выступают инструментом ускорения судопроизводства по делу, делая само правосудие доступным, гибким, быстрым и эффективным.

Чтобы понять специфику соглашений в цивилистическом процессе, необходимо иметь общее представление о том, какая система процессуальных договоренностей сложилась в арбитражном судопроизводстве на современном этапе.

Прежде всего стоит обратить внимание на подход к классификации процессуальных соглашений, который сделан С.А. Курочкиным. Он разделял такие соглашения на две объемные по своему содержанию группы: «... досудебные (касающиеся будущего спора) и судебные (касающиеся возникшего спора). К соглашениям, касающимся будущего спора, ученый относил, например, медиативное соглашение, третейскую оговорку, претензионный порядок»<sup>1</sup>.

Заслуживающий внимания подход к определению характеристик процессуальных соглашений был описан Е.А. Ивановой. Согласно этому подходу, процессуальные соглашения о выборе формы защиты и

---

<sup>1</sup> Курочкин С.А. Соглашения в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 8.

процессуальные соглашения по порядку разрешения будущего спора отличаются между собой по разным правовым последствиям. В частности, Е.А. Иванова утверждает о том, что процессуальное соглашение первой группы характеризуется как юридический факт, влияющий исключительно на процессуальные права и обязанности, а вторая группа – выступает не только юридическим фактом и влияет на процессуальную сторону, но и способна изменять материальные правоотношения<sup>1</sup>. Такой подход к определению классификации процессуальных соглашений выстраивается Е.А. Ивановой на основании разграничения норм материального и процессуального права, о природе влияния которых на процессуальное соглашение было описано выше.

Изучение роли материального и процессуального в структуре и содержании процессуальных соглашений привело Д.Б. Абушенко к значимым выводам. Ученый утверждает, что материальное право имеет прямое влияние на процессуальные соглашения и классифицирует их по двум группам:

« – соглашения, имеющие двойственную природу. В таких соглашениях, материальное право выступает как «необходимая предпосылка для конструирования самого института».

– соглашения, внешне не имеющие материально-правовой основы. К такой категории ученый относит, например, соглашения по фактическим обстоятельствам, об изменении подсудности. Отличительной особенностью таких соглашений является хоть и внешнее отсутствие материального права, но имеющее место быть материальное начало<sup>2</sup>. О влиянии материального права на процессуальное высказывается и Е.Г. Потапенко, акцентируя внимание на опосредованном характере<sup>3</sup>. Если опираться на приведенные

---

<sup>1</sup> См.: Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект. М., 2020. С. 178.

<sup>2</sup> Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 44.

<sup>3</sup> См.: Потапенко Е.Г. К вопросу о роли материального права в специализации цивилистического процессуального права. Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 126-133.

подходы к природе процессуальных соглашений, можно отметить, что в законодательстве содержится широкий круг договоренностей, которые можно отнести к процессуальным соглашениям. Арбитражный процессуальный кодекс РФ<sup>1</sup> (далее – АПК РФ), предусматривает различные виды таких соглашений, например, соглашения о третейском разбирательстве, соглашение о подсудности, мировое соглашение, соглашение по обстоятельствам дела, об определении компетенции арбитражных судов в Российской Федерации по делам с участием иностранных лиц и многие другие.

Соглашения, к которым пришли стороны их заключившие, выражаются в различных формах, которые зависят от стадии заключения, но однозначно имеют письменное выражение. Так, рассматривая соглашения досудебного этапа, которые были сделаны, например, в рамках претензионного порядка, несомненным является их выражение в форме досудебного соглашения, в котором стороны добровольно разрешают сложившийся конфликт. Мировое соглашение, как соглашение, оформленное на судебном этапе, также имеет только письменную форму и утверждается арбитражным судом.

Стоит отметить, что к вопросу о форме и моменте заключения именно процессуальных соглашений существует неоднозначный научный подход. Так, М.А. Рожкова полагает, «... что процессуальный договор может быть заключен с момента возбуждения производства по делу до момента окончания рассмотрения дела, т.е. в период реально ведущегося производства по делу»<sup>2</sup>. Такой подход, во многом, объясняется тем, что М.А. Рожкова разграничивает процессуальные договоры и сделки, направленные на защиту прав.

Понимая процессуальное соглашение шире по своему значению, согласиться с подходом М.А. Рожковой в этом вопросе не представляется

---

<sup>1</sup> См.: Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 01 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012; СЗ РФ. 2025. № 14, ст. 1587.

<sup>2</sup> Рожкова М.А. Теория процессуального договора и сделки, направленные на защиту прав // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. С. 184-208.

возможным. Возникновение возможности заключить процессуальное соглашение прямо связано с юридическим фактом – сделкой, которая порождает взаимные права и обязанности сторон, в том числе право на основе свободных договоренностей определять возможные нюансы судебной защиты своих нарушенных прав. Такое определение возможности на заключение соглашения описывалось еще в системе германского гражданского права, а именно при раскрытии существа распорядительных и обязывающих сделок: распорядительной сделкой стороны могут предусмотреть процесс изменения своих прав, передавать их, обременять, прекращать или изменять.<sup>1</sup> Процессуальные права в этом случае не являются исключением. Таким образом, юридический факт является отправной точкой, при которой появление процессуального соглашения становится возможным.

Схожей позиции по этому вопросу придерживается О.Н. Шеменова, которая утверждает, «заключение процессуальных соглашений возможно и на этапе, предшествующем обращению в суд. Данное убеждение основано на том, что среди их основных признаков в настоящей работе называется то, что они представляют собой юридические факты – условия реализации процессуальных прав, а также то, что момент достижения соглашения по вопросам процесса и наступление желаемых правовых последствий могут быть разделены значительным временным периодом»<sup>2</sup>.

Немаловажным является и то, что такой подход позволяет поддержать классификацию о делении процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве на досудебные и судебные.

Еще одной характеристикой является то, что соглашения в арбитражном судопроизводстве можно разделить по их временным последствиям. Часть соглашений направлена на ускорение рассмотрения спора, либо же прекращение производства по делу (мировое соглашение). Другая часть

---

<sup>1</sup> См.: Шапп Я. Система германского гражданского права: учебник / пер. с нем. С. В. Королева. М.: Международные отношения. 2006. С. 357.

<sup>2</sup> См.: Шеменова О.Н. Указ.соч. С. 54.

соглашений напротив способствует «затягиванию процесса», увеличивает сроки рассмотрения дела. Казалось бы, временная характеристика не является одной из важнейших составляющих для понимания специфики процессуальных соглашений, однако для арбитражного судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве), это выступает одним из ключевых факторов влияния.

Например, в Определении Верховного Суда РФ от 21 сентября 2023 г., № 308-ЭС20-3526 вышестоящая инстанция давала разъяснения относительно принципа реабилитационного паритета при утверждении мировых соглашений в деле о банкротстве. Эти разъяснения будут подробно описаны в настоящей работе далее, однако уже на данный момент, соотнося их с временной характеристикой процессуальных соглашений, хотелось бы отметить то, что Верховный Суд РФ высказался о запрете на восприятие мирового соглашения в деле о банкротстве как инструмента для скорейшего прекращения производства по делу. Заявление об утверждении мирового соглашения не должно восприниматься арбитражным судом как возможность скорейшего прекращения производства по делу, тем более в тех случаях, когда имеется конфликт паритета. Тем самым, временной характер процессуальных соглашений должен учитываться в их характеристике наряду с иными признаками.

Наиболее важной характеристикой процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве), которая будет не раз упоминаться в настоящем исследовании, является также субъектный состав. Процессуальные соглашения в ординарном арбитражном судопроизводстве (не в рамках дела о банкротстве) по критерию субъектного состава можно подразделить на два вида:

— соглашения, для заключения которых требуется выраженная воля только двух спорящих между собой субъектов, как правило, истца и ответчика. Для утверждения такого соглашения суду не требуется устанавливать

позицию третьих лиц, то есть соглашение затрагивает исключительно права и обязанности субъектов такого соглашения;

– соглашения, для утверждения которых суду требуется установить и исследовать позицию третьих лиц, права и обязанности которых могут быть затронуты таким соглашением.

Нельзя не согласиться с тем, что учитывать наличие третьих лиц, чьи права и интересы затрагиваются процессуальным соглашением – прямая обязанность арбитражного суда. Следовательно, такие процессуальные соглашения с осложненным субъектным составом могут существовать лишь в судебном виде соглашений. Важным нюансом выступает необходимость выяснить: такое соглашение влияет на процессуальное положение третьих лиц, либо же затрагивает и материальные права?

В арбитражном судопроизводстве нередко встречаются соглашения, в которых учитываются интересы третьих лиц – в частности, такая ситуация характерна для дел о банкротстве, когда суд утверждает мировое соглашение. В таких случаях, выяснение субъектного состава соглашения категорически необходимо для вынесения справедливого судебного акта, который может влиять на процессуальное положение иных участников. Таким образом, субъектный состав процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве) – более объемён по своему значению, нежели в стандартном исковом производстве.

Обобщая изложенные особенности и характеристики процессуального соглашения в арбитражном судопроизводстве, хочется отметить следующую авторскую позицию, на основе которой будут изучены их виды в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве).

Доктринальные споры по вопросу отнесения процессуальных соглашений к публично-правовому или материально-правовому (или к межотраслевому) явлению могут быть объяснены с точки зрения объема понятия. В российском цивилистическом процессе необходимо выделять институт соглашений. Такой институт в своей структуре имеет составляющие:

процессуальные соглашения и процессуальные сделки. Процессуальное соглашение нельзя рассматривать как содержащее в себе норму материального права, такое соглашение создается для управления процессом на основе взаимных договоренностей сторон.

Как отмечает Т.А. Григорьева., «... закон устанавливает регламентированную процедуру судебной защиты, что позволяет суду рассмотреть дело и вынести по нему итоговое решение<sup>1</sup>». В предметное содержание процессуального соглашения включается набор процессуальных прав и (или) порядок их реализации. В этом смысле процессуальное соглашение – форма консолидации договоренностей о процессуальных правах. Несомненно, процессуальное соглашение связано с материальным правоотношением, но по своей сути оно не разрешает материальный спор по существу, а облекает его в установленную законом процессуальную форму. В этой связи становится видна очень четкая граница, позволяющая различать такие явления как процессуальное соглашение и процессуальная сделка. Думается обоснованным предполагать и исходить из того, что процессуальное соглашение выступает юридическим фактом, влияющим только на процессуальные права и обязанности. В свою очередь, те явления, которые будут оказывать влияние на процессуальные права и обязанности и материальное право, необходимо относить к процессуальной сделке. Процессуальная сделка всегда более ориентирована на разрешение материальных вопросов, а присутствие в ней процессуального права – лишь способ облечь такое разрешение в соответствующую закону форму. Говоря о соглашениях в цивилистическом процессе, следует понимать совокупность их видов – процессуальные соглашения и процессуальные сделки. Указанное позволяет утверждать, что сам институт соглашений – межотраслевой, но

---

<sup>1</sup> Григорьева Т.А. Судебная защита прав предпринимателей в современной России // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в правотворческой деятельности: сб. науч. ст. XIII Международной научно-практической конференции. Саратов, 2020. С. 79.

виды соглашений, входящие в его структуру, различны. В силу этого, процессуальное соглашение в своей общей характеристике классифицируется:

- по моменту его заключения: судебное и досудебное процессуальное соглашение;
- по форме выражения: содержащееся в обособленном процессуальном документе и содержащееся в структуре гражданско-правового договора;
- по способу закрепления: прямо предусмотренное законом и факультативное (не поименованное законодательно, но допускаемое).

Процессуальное соглашение в цивилистическом процессе обладает критериями:

- не может существовать в отрыве от основного юридического факта, такое соглашение сопровождает стороны при разрешении основного конфликта, а не выступает самостоятельным предметом;
- имеет темпоральность: действует до востребования (досудебные) и заключается в самом процессе (судебное);
- имеет субъектный состав: соглашения, заключаемые двусторонне, соглашения, заключаемые с учетом прав и законных интересов третьих лиц, соглашения, заключаемые группой лиц;
- в содержание предмета процессуального соглашения входит перечень прав и (или) способы их реализации.

С учетом обоснованных концепций предлагается определять процессуальное соглашение в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) как темпоральное правовое явление, имеющее своим предметом договоренность о способе реализации процессуальных прав и обязанностей, заключаемое между сторонами или группой субъектов, интерес которых объединен конкретными юридически-значимыми фактами.

Уяснение общих положений о правовой природе процессуальных соглашений, их характеристик и особенностей в рамках арбитражного судопроизводства, влиянию на материальное и (или) процессуальное право

позволяет четче проследить те существенные и кардинальные отличия, которыми обладают те же соглашения, но в рамках судопроизводства по делу о несостоятельности (банкротстве). Исследование процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве предлагается выстроить с точки зрения отличия процессуальных соглашений от процессуальной сделки, уделить внимание тем видам соглашений в деле о банкротстве, которые затрагивают процессуальные аспекты.

Выводы, полученные в результате сопоставления общих начал о процессуальных соглашениях в арбитражном судопроизводстве с соглашениями в деле о банкротстве, позволят выделить их в отдельную группу в границах института соглашений. Для определения их границ следует изначально обратиться к целям и задачам, которые преследуются соглашениями в делах о банкротстве. Уяснение целей и задач позволит выявить признак, по которому возможным становится отличать процессуальное соглашение в деле о банкротстве и процессуальную сделку.

## **1.2. Цели и задачи заключения процессуальных соглашений по делам о несостоятельности (банкротстве)**

Банкротство в современном состоянии экономики является необходимым инструментом для ее регулирования. Государство прямо заинтересовано сохранять и приумножать качественные показатели хозяйственной деятельности, поскольку эти критерии влияют на развитие общественных институтов и положительную оценку деятельности самих государственных и управленческих структур.

В условиях частичной изолированности экономического сектора Российской Федерации, участие государства в построении эффективных инструментов регулирования несостоятельности (банкротства) выстраивается во взаимодействии с правоприменительной практикой.

Само по себе банкротство можно рассматривать сразу в нескольких направлениях: как самостоятельный институт права, как один из видов

арбитражного судопроизводства и как социальное и правовое явление. Стоит отметить важную деталь: все три перечисленных направления влияют на законодательное регулирование. Социальная задача несостоятельности (банкротства) подвержена наиболее быстрому изменению, что порождает разницу между состоянием современного отечественного законодательства в этой сфере и актуальным запросом общества и экономики. Нельзя не согласиться с тем, что дела о несостоятельности (банкротстве) – одна из немногих отраслей, в которой присутствует большое количество законодательных инициатив.

С точки зрения юридической науки, банкротство представлено как достаточно молодое направление, что не умаляет его значимость и важность. В настоящем исследовании не ставится целью изучение исторического пути развития этого института, однако цели и задачи процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве) напрямую зависят от общих идей и начал, заложенных законодателем для того, чтобы банкротство отвечало современным запросам общества. По этой причине для раскрытия сущности процессуальных соглашений в банкротстве следует понимать исторические этапы его развития и те цели, которые преследовались на каждом из временных отрезков в кратком изложении.

Институт несостоятельности (банкротства) был известен еще в Древней Греции, где уже на тот момент существовало некое подобие процедуры реструктуризации. В истории России основные начала банкротства были отражены в содержании Русской Правды – одном из первых полноценных законодательных актов XI-XII веков. Банкротство в тот момент определялось как следствие двух основных причин: несчастная несостоятельность, которая случается не по вине должника, и несостоятельность виновная, вызванная действиями самого гражданина<sup>1</sup>. Важным обстоятельством является наличие

---

<sup>1</sup> См.: Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб: Наука, 1997. / Т. 4: XII век. 1997. 685, [2] с. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Istorija\\_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14](https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14). (дата обращения: 17.04.2024).

уже в тот момент такого понятия, как «долг» и описание порядка его уплаты. При этом, в силу отсутствия в тот временной период каких-либо государственных или частных предприятий, все вопросы банкротства посвящались судьбе человека. На момент действия Русской Правды, государство не уделяло должного внимания судьбе должника, говоря лишь о том, в каком порядке, на каких основаниях и до какого момента банкрот должен выплачивать свой долг.

Более расширенные трактовки в части сроков и пределов возврата долга были описаны в Соборном уложении 1649 г., которое являлось следующим крупным законодательным актом в процессе исторического развития. С момента принятия Соборного уложения решение вопросов, связанных с несостоятельностью вплоть до XIX в., можно охарактеризовать как некий симбиоз отечественных и зарубежных норм. Неоднократные попытки преобразовать это направление и описать его более подробно предпринимались не единожды, но одобрения так и не получили.

Лишь в 1800 г. был утвержден Банкротский устав, который можно отнести к отправной точке развития института несостоятельности (банкротства). Появление Банкротского устава расширило основание банкротства, добавив к существующей классификации банкротство злостное – действия должника по намеренному сокрытию своего имущества. Кроме того, появилось и такое явление, которое в современности именуется обеспечительной мерой: арест имущества должника или его самого<sup>1</sup>.

Анализ этого периода позволяет выделить существенные направления интересов государства в рамках несостоятельности (банкротства). В первую очередь рассматривался вопрос о причинах банкротства, в зависимости от которых к должнику применялись те или иные санкции. Далее определялся порядок удовлетворения требований кредиторов – по положениям Русской

---

<sup>1</sup> Устав о банкротах [Утвержден] Декабря 19 дня 1800 г. [СПб.: Сенат. тип., 1800]. [2], 48, [5] с.; URL: [https://rusneb.ru/catalog/000200\\_000018\\_RU\\_NLR\\_A1\\_23633/\(дата обращения: 02.10.2024\)](https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_23633/(дата обращения: 02.10.2024)).

правды в первую очередь погашались обязательства перед князьями, иностранными кредиторами и местными кредиторами. Последующие изменения в Банкротский устав расширяли нормативное регулирование, вводя понятие торговой несостоятельности, а среди очередности кредиторов важные места стали занимать церковь и работники должника. Также стали учитываться интересы кураторов – исторических предшественников современного арбитражного управляющего. Куратор должника отвечал за сохранность его имущества и его продажу.

Советский период экономики существенно не привнес уникальных явлений в области банкротства: новая экономическая политика диктовала свои коррективы в части статуса имущества и режима собственности. В советскую эпоху положения о банкротстве стали применяться к предприятиям, которыми ведало государство. На тот момент не существовало стройной концепции несостоятельности (банкротства), не было понимания о пользе этого явления для должника, все рамки и границы сводились к максимальному уровню возврата долгов кредитору – «прокредиторский характер несостоятельности».

Уход от советского уклада и строения общества и возврат к частной собственности продиктовал необходимость полноценного регулирования этой области. В этой связи 19 ноября 1992 г. появился Федеральный закон № 3929-І «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» установивший нынешние основные принципы института. Указанный нормативный акт распространял свое действие на юридические лица и индивидуальных предпринимателей. Банкротство физических лиц на тот момент не было предусмотрено, однако в 1998 году новой редакцией Закона о банкротстве такие правки о банкротстве граждан были внесены.

В 2002 г. был принят ныне действующий Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», который и стал отправной точкой в формировании современного института банкротства. В рамках принятого Закона о банкротстве уже учитывались интересы не только кредиторов, но и положение должников.

Как ранее было отмечено в главе 1 настоящего исследования, процессуальные соглашения не могут существовать сами по себе, они всегда находятся во взаимосвязи с конкретным юридическим фактом. Для арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве такой юридический факт является гипотетическим, поскольку достоверно не известен результат каждой конкретной процедуры. Из указанного следует, что процессуальные соглашения в арбитражном судопроизводстве существуют во взаимосвязи с основным гипотетическим юридическим фактом – спором о несостоятельности (банкротстве). Чтобы понять какие цели преследуются и какие задачи решаются процессуальными соглашениями в деле о несостоятельности (банкротстве), следует понимать главные приоритеты как в границах процедуры, так и в границах института.

Взгляды российских ученых на цели процедуры банкротства также характеризуются своим дискуссионным многообразием. М.В. Телюкина утверждает, что в делах о банкротстве существуют две цели: восстановительная и ликвидационная. Восстановительная цель направлена на помощь должнику в решении финансовых трудностей за счет механизмов банкротства, ликвидационная, в свою очередь, направлена на устранение неплатежеспособного субъекта из экономики<sup>1</sup>. Г.Ф. Шершеневич определял цель банкротства как «процедуру удовлетворения требований кредиторов за счет имущества должника»<sup>2</sup>. С.А. Карелина понимает цель несостоятельности (банкротства) как возможность финансового оздоровления и восстановления платежеспособности самого должника<sup>3</sup>.

Подобные взгляды ученых, несомненно, имеют существенное влияние на формирование юридического знания в области споров о несостоятельности (банкротстве). Не только для науки, но и для практики применения законодательные нормы, регулирующие дела о банкротстве, являются крайне

---

<sup>1</sup> См.: Телюкина М.В. Основы конкурсного права. М., 2004. С. 506.

<sup>2</sup> Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М., 2021. С. 475.

<sup>3</sup> См.: Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М., 2019. С. 45-46.

«молодыми». Это детерминирует не только быстрое развитие института, но и необходимость пересмотра и актуализации соответствующих учений. В настоящий момент согласиться с тем, что законодательно цели несостоятельности (банкротства) не определены, не представляется возможным.

Стоит отметить, что в зарубежном законодательстве банкротство воспринимается как инструмент управления проблемным должником за счет определенного набора возможностей, например, изменения структуры активов, капитала<sup>1</sup>. В Определении Верховного Суда РФ от 28 января 2019 г. № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017, указано, что «целью института потребительского банкротства является социальная реабилитация гражданина – предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по накопившимся обязательствам, которые он не в состоянии исполнять»<sup>2</sup>. Важно акцентировать внимание на том, что цель восстановления экономической дееспособности провозглашается лишь для несостоятельности (банкротства) физических лиц. Цель же банкротства юридических лиц кроется непосредственно в тех процедурах, которые применяются в рамках дела о банкротстве и в настоящий момент, на дату проведения исследования, характеризуются более как ликвидационные, направленные на устранение из экономики должника – юридического лица.

Закон о банкротстве дает четкое разграничение по субъектам его применения: существуют процедуры, применяемые в делах о банкротстве граждан и индивидуальных предпринимателей, а также процедуры,

---

1 См.: Директива № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности)» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 20.06.2019). // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См.: Определение Верховного суда РФ от 28 января 2019 г. № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28012019-n-301-es18-13818/> (дата обращения: 28.02.2024).

применяемые в деле о банкротстве юридического лица с рядом особенностей, присущих отдельным формам деятельности. Поскольку процессуальное соглашение не существует в отрыве от юридического факта, цели и задачи процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве будут также дифференцироваться в зависимости от конкретно рассматриваемой процедуры. Однако нельзя забывать и о том, что помимо существования итоговой цели банкротства любого из субъектов, существует и законодательно регламентированный порядок проведения процедур несостоятельности (банкротства). Это говорит о возможности выделить две основные категории целей, которым подчинены и процессуальные соглашения в делах о банкротстве:

- цель достижения итоговых результатов от проведения процедуры банкротства в арбитражном судопроизводстве (процедурная);
- цель соблюдения процессуального порядка проведения процедур несостоятельности (банкротства) в рамках рассматриваемого судом спора (процессуальная).

Обращаясь к ранее данным видам процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве в целом, мы помним, что они подразделяются на досудебные и судебные. Предметом настоящей работы не ставится необходимость изучения тех соглашений, которые могут быть достигнуты между банкротом и его кредиторами до инициирования процедуры банкротства. Научный интерес представляется именно в рассмотрении специфики процессуальных соглашений в рамках арбитражного судопроизводства по делу о банкротстве, следовательно, изучению и анализу будут подвергнуты две упомянутые группы целей.

Закон о банкротстве дает четкое представление о том, какие процедуры несостоятельности (банкротства) могут быть применимы к должнику, и подразделяет их на два вида: ликвидационные и восстановительные.

С.А. Курочкин утверждает, что «процессуальные соглашения имеют своей целью упорядочение процессуальных правоотношений на основе

частных интересов субъектов в ходе рассмотрения и разрешения дела судом, выражающееся в совершении ими совместно либо в отказе от совершения действий, с которыми процессуальный закон связывает наступление правовых последствий. В этом аспекте соглашения по поводу процесса – это инструмент самоорганизации системы гражданского судопроизводства»<sup>1</sup>. Согласиться с этим утверждением применимо к специфике дел о банкротстве можно лишь отчасти.

Процедура несостоятельности (банкротства), будучи направленной на восстановление или ликвидацию должника, затрагивает не только процессуальные, но и материальные аспекты, не только частные интересы, но и интересы публичные. Стоит отметить, что и в этом вопросе существуют различные доктринальные позиции<sup>2</sup>, однако в рамках настоящего исследования, за наиболее обоснованное мнение принимается довод о сочетании в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве и частных и публичных интересов.

Процессуальные соглашения в процедуре банкротства в широком понимании могут рассматриваться как имеющие межотраслевой характер. С другой стороны, процессуальное соглашение, заключаемое в деле о банкротстве, характеризуется как способ управления процессом. Однако общей чертой в указанных позициях будет являться то, что соглашения, заключаемые в рамках дела о банкротстве, не могут преследовать никакой другой цели, кроме той, которая также направлена на достижение результата конкретной процедуры. Иными словами, любое процессуальное соглашение в рамках арбитражного судопроизводства в деле о несостоятельности (банкротстве), не может не соответствовать той процедуре, которая применима в отношении должника на конкретном этапе судопроизводства.

---

<sup>1</sup> Курочкин С.А. «Соглашения в системе гражданского судопроизводства» // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 164-169.

<sup>2</sup> См.: Карелина С.А. вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2 (75). С. 3-9.

Например, ч. 1 ст. 73 Закона о банкротстве предусмотрена компетенция первого собрания кредиторов по вопросам дальнейшего применения к должнику восстановительных или ликвидационных процедур. Решение собрания кредиторов, проблематика которого будет рассмотрена далее в исследовании, в данном случае представляет собой ценность в иллюстрации процедурной цели. Избирая в отношении должника ту или иную процедуру несостоятельности (банкротства), кредиторы фактически достигают между собой договоренности, цель которой прямо соотносима с целями выбранной ими процедуры. В случае, когда договоренность кредиторов в виде результатов собрания и голосования предусматривает применение к должнику процедуры конкурсного производства, целью такого соглашения является мотивированное желание кредиторов получить удовлетворение своих требований за счет продажи активов банкрота, при этом указанное желание облачается в соответствующую процессуальную форму и не может предусматривать иной цели. Иными словами, достигнув единого мнения между собой о ликвидации должника путем конкурсного производства, невозможным является достижение цели восстановления платежеспособности банкрота в рамках выбранной процедуры. Важно понимать, что в данном случае речь идет именно о договоренности кредиторов, но не ставится под сомнение тот факт, что платежеспособность должника может измениться, что повлечет изменение и самой дальнейшей цели банкротства. Кроме того, при изменении экономической ситуации у должника произойдет и изменение самой процедуры.

Собрание кредиторов полномочно принять решение о применении к должнику восстановительной процедуры, мотивировав такое решение в письменной форме. Аналогичная ситуация наблюдается и в процедуре несостоятельности (банкротства) граждан. Так в п. 6 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 18 июня 2025 г., указано, что Законом о банкротстве не предусмотрено запретов на переход из процедуры реализации имущества в

процедуру реструктуризации долгов<sup>1</sup>. Таким образом, кредиторы должника, установив у последнего ранее сокрытое имущество или при появлении достаточного количества активов в ходе ликвидационной процедуры, вправе принять решение на собрании кредиторов о переходе в восстановительную процедуру.

Процедурная цель в деле о банкротстве призвана направлять судебный процесс о несостоятельности (банкротстве) именно на тот путь, который задается определенными договоренностями. Остается понять, процедурная цель является компонентой процессуального соглашения или процессуальной сделки?

В то же время, когда речь заходит о заключении такого вида соглашения как мировое соглашение в рамках восстановительной или ликвидационной процедуры, возникает дискуссионная проблема. В дальнейшем в работе будет подробно рассмотрен вопрос о мировом соглашении в рамках дела о банкротстве, однако применимо к выведенному тезису о невозможности противоречий между процедурной целью соглашения и целью самой процедуры, следует дать соответствующий комментарий.

Возможность заключения мирового соглашения предусмотрена в рамках дела о несостоятельности (банкротстве), однако в силу специфики спора такое соглашение поименовано законодателем как категория процедуры. Тем не менее к мировым соглашениям как в рамках гражданского, так и в рамках арбитражного судопроизводства применимы одинаковые требования для их утверждения, проверка соблюдения которых возлагается непосредственно на суд. Само по себе мировое соглашение понимается как взаимовыгодная уступка, при которой выгоду от исполнения получают обе стороны «договорившиеся миром». Понятийное содержание мировых соглашений подразумевает под собой обоюдную волю сторон на его заключение: одна сторона готова предоставить исполнение обязательства, а

---

<sup>1</sup> См.: Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 18 июня 2025 г. // СПС «КонсультантПлюс».

вторая сторона выражает готовность на оговоренных условиях такое обязательство принять. Заключение мирового соглашения без воли одной из сторон невозможно представить, так как отсутствует необходимый элемент – согласие, что должно контролироваться судом в пределах имеющихся у него властных полномочий<sup>1</sup>.

В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020, которая рассматривала спор, возникший между должником и залоговым кредитором в рамках мирового соглашения, был дан ряд заслуживающих внимания разъяснений. Судебная коллегия Верховного Суда РФ указала, что «в случае не обоснованного разумными экономическими причинами отказа кредитора от заключения мирового соглашения (в частности, если положение кредитора не ухудшается по сравнению с тем, как если бы процедуры банкротства не было) суд вправе утвердить локальный план реструктуризации применительно к правилам пункта 4 статьи 213.17 Закона о банкротстве. Согласия иных кредиторов для утверждения судом такого плана реструктуризации не требуется»<sup>2</sup>.

Из анализа указанных выводов вышестоящей инстанции, в рамках дела о банкротстве при утверждении мирового соглашения между должником–гражданином и залоговым кредитором единственное жилье должника, обремененное ипотекой, может быть сохранено путем заключения мирового соглашения. Если же согласие залогового кредитора не поступило без веских обоснованных причин, то арбитражный суд вправе применить судебную дискрецию и ввести локальную процедуру реструктуризации, которая коснется лишь залогового обязательства. Таким образом, благодаря судебной

---

<sup>1</sup> См.: Фокина М.А. Судебный контроль за мировыми соглашениями: пределы и ограничения // Закон. 2023. № 4. С. 72-79.

<sup>2</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301524982> (дата обращения: 08.08.2024).

дискреции возможным становится сохранение ипотечного жилья в рамках процедуры несостоятельности.

Стоит заметить, что такой дисбаланс паритета интересов возможен при отсутствии воли кредитора на заключение соглашения с должником. Противоречит ли это понятию мирового соглашения? Применим ли к такой категории спора термин «мировое»? Вопросы являются крайне актуальными для юридической науки и практики и в дальнейшем в настоящей работе также будут проанализированы. Однако уже на данном этапе можно отметить, что при обоюдной воле такое мировое соглашение можно отнести к процессуальному, а при судебной дискреции – к процессуальной сделке.

Однако применительно к процедурным целям соглашений получается такая ситуация, при которой для залогового кредитора платежеспособность должника восстанавливается в рамках локального плана реструктуризации, а для других кредиторов должник по-прежнему находится в состоянии «ликвидации». Формально, утверждение мирового соглашения с привилегированным кредитором своей целью нарушает цель ликвидационной процедуры – реализации имущества. В этом случае необходимо ориентироваться не только на нормы права и доктрину, но и также на социальный характер банкротства граждан. Выше уже было сказано, что Верховный Суд РФ разъяснил, что потребительское банкротство – это, в первую очередь, восстановление гражданина и «социальная реабилитация». Само по себе банкротство – это инструмент регулирования рынка, а экономический рынок является той компонентой, которая зависит от внутренних и внешних процессов, характеризующихся своей изменчивостью. Воспринимая потребительское банкротство исключительно как восстановительную процедуру (даже в случае применения процедуры ликвидационного характера), упомянутое ранее Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г., разъяснившее возможность заключения соглашения в виде локального акта реструктуризации, фактически сопоставило восстановительную цель такого

соглашения с восстановительной целью всего банкротства граждан, что в свою очередь устраняет сомнения в тезисе о координации процедурной цели соглашений и цели самих процедур.

Исходя из указанного тезиса выстроены и другие судебные акты: Определение от 25 мая 2020 г. № 305-ЭС15-11067 по делу № А41-4420/2009<sup>1</sup>, в котором вышестоящая инстанция сослалась на необходимость судам в каждом конкретном случае оценивать условия мирового соглашения и устранять явное злоупотребление правом со стороны «мажоритарных» кредиторов по отношению к меньшинству иных кредиторов несмотря на то, что положениями законодательства о несостоятельности (банкротстве) предусмотрено утверждение мирового соглашения при наличии большинства голосов кредиторов.

Исходя из приведенных примеров, возможным становится ответ на ранее поставленный вопрос о том, для какого вида договоренностей характерна процедурная цель – для процессуального соглашения или процессуальной сделки?

Во-первых, если обратить внимание на перечень критериев процессуального соглашения, который был выведен в первом параграфе, можно отметить следующее. Для процессуального соглашения всегда характерно наличие взаимной воли сторон. Этот критерий признается доктриной и указывает, что само по себе соглашение является актом свободной воли как минимум двух сторон, находящихся в поиске компромисса. В том случае, когда в деле о банкротстве рассматривается вопрос о заключении локального плана реструктуризации без согласия залогового кредитора, получается, что воля одной из противоборствующих сторон отсутствует. Очевидно, что именовать такую ситуацию соглашением невозможно. В данном случае, процедурная цель подобного локального плана

---

<sup>1</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 мая 2020 г. № 305-ЭС15-11067 по делу № А41-4420/2009 // Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565002311> (дата обращения: 09.08.2024).

в отсутствие воли кредитора является процессуальной сделкой. Именно для сделки в ее понятийном содержании характерной является возможность понуждения к заключению. В этом смысле спор о заключении мирового соглашения по обязательству, обеспеченному залогом (ипотекой) единственного жилья в случае отсутствия взаимного согласия, невозможно отнести к процессуальному соглашению за счет отсутствия необходимых критериев. Если оценивать его как процессуальное соглашение, можно отметить, что в его предмет входит не порядок и реализация процессуальных прав, а классический спор о праве.

Во-вторых, процедурная цель – это цель разрешить материальный спор, чтобы достичь самой материальной цели процедуры несостоятельности (банкротства), которая выражается в удовлетворении требований кредиторов. В этом смысле процедурная цель в договоренностях сторон характеризует их более как процессуальную сделку, нежели соглашение. Однако стоит отметить, что решение собрания кредиторов, будучи в приведенном выше примере процессуальной сделкой, при определенных обстоятельствах может относиться исключительно к процессуальному соглашению, о чем будет сказано далее в исследовании.

Таким образом процедурная цель соглашений в рамках дела о банкротстве является элементом процессуальной сделки и критерием соответствия целям той процедуры, в рамках которой соответствующее соглашение заключается. Процессуальная цель соглашений в деле о банкротстве, в свою очередь, является характерной для процессуального соглашения.

Г.А. Жилин определял, что «под процессуальной целью понимается закрепленный в нормах гражданского процессуального права общественно необходимый и желаемый результат процессуальной деятельности суда и других субъектов»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000. С. 16-17.

Процессуальные соглашения в деле о банкротстве, с точки зрения их процессуальной цели, также направлены на реализацию прав сторон, ускорение производства по делу о несостоятельности (банкротстве) с использованием того набора возможностей, который содержится в Законе о банкротстве. Такую цель допустимо именовать «внутренней» или «сопутствующей». В рассматриваемой категории дел состав участников крайне обширен, что порождает конфликтные ситуации не только в разрезе основного спора (должник – кредиторы), но и между иными лицами. О высоком уровне и риске появления конфликтов в деле о банкротстве упоминается практически во всех научных трудах<sup>1</sup>. Однако в рамках спора о несостоятельности (банкротстве), процессуальные соглашения, имея в своем содержании конкретную процессуальную цель, являются не только последствием реализации прав стороны, но и обязательным элементом для судопроизводства по делу о банкротстве в целом.

Такие выводы подтверждаются имеющейся неоднозначной судебной практикой. Так, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 января 2019 г. № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017<sup>2</sup>, суд рассмотрел спор о прекращении производства по делу о банкротстве гражданина в связи с отсутствием согласия кандидатуры арбитражного управляющего.

Следует отметить, что само по себе согласие арбитражного управляющего является в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве процессуальным соглашением, что будет доказано далее в исследовании. Как следует из прямого указания правовых норм Закона о несостоятельности (банкротстве), без предоставления кандидатуры

---

<sup>1</sup> См.: Махнева Е.А. Развитие гражданских правоотношений в процедурах банкротства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 20.

<sup>2</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 января 2019 г. № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017 URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28012019-n-301-es18-13818/>. (дата обращения: 12.08.2025).

арбитражного управляющего в течение трех месяцев, производство по делу о банкротстве подлежит прекращению (ч. 9 ст. 45). Если раскрыть существо этой нормы, то очевидным становится ее императивный характер (для того вида, в которой обсуждаемая норма изложена в действующем законодательстве). Следовательно, столкнувшись с подобной ситуацией на практике, арбитражный суд обязан прекратить производство по делу по специальному основанию – отсутствие кандидатуры управляющего.

Возвращаясь к приведенному Определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 января 2019 г. № 301-ЭС18-13818 по делу № А28-3350/2017, результатом его содержательного толкования становятся достаточно спорные выводы:

– само по себе отсутствие согласия кандидатуры арбитражного управляющего в деле о банкротстве гражданина не может служить безусловным основанием для прекращения производства по делу (в то же время выше уже определено, что эта норма является императивной и относится к специальным основаниям прекращения производства по делу);

– арбитражный суд при возникновении подобной ситуации обязан предпринимать все меры содействия по поиску арбитражного управляющего для проведения процедуры банкротства;

– потребительское банкротство является гарантированным Конституцией РФ, в связи с чем ч. 9 ст. 45 Закона о банкротстве не должна трактоваться арбитражным судом как императивная, поскольку это противоречит смыслу и целям потребительского банкротства.

В-третьих, существует п. 9 «Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11 октября 2023 г.)<sup>1</sup>, который говорит о том, что возможность прекращения процедуры в потребительском

---

<sup>1</sup> См.: Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11 октября 2023 г.) URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_459286/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/) (дата обращения: 15.08.2025).

банкротстве при отсутствии согласия арбитражного управляющего возможна лишь в ситуации, когда заявителем является кредитор или уполномоченное лицо.

Тем не менее, норма ч. 9 ст. 45 Закона о банкротстве остается в исходном своем содержании, однако для банкротства обществ действует как императивная, а для потребительского банкротства – диспозитивная и выстроенная на разъяснениях вышестоящих судов.

Описанные особенности, содержащиеся в судебной практике, позволяют осмыслить процессуальную цель соглашений в делах о банкротстве с позиции, отличной от имеющихся в доктрине и применяемых юридической наукой и практикой ранее.

Процессуальное соглашение в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве может преследовать не только цель наиболее быстрого разрешения конфликта между сторонами, но и являться необходимым элементом для существования самого процесса. В этом понимании, процессуальная цель соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве) – это не что иное, как элемент банкротного процесса: в его отсутствие не существует и процесс. Как бы это ни парадоксально звучало, но приведенный пример с соглашением в виде волеизъявления арбитражного управляющего на участие в деле определяет не только то, как будет протекать процесс, но и состоится ли он вообще, иными словами, сама цель – это течение процесса за счет соглашения. Лишь допустив ситуацию, при которой согласие управляющего не поступило в арбитражный суд, судом приняты все возможные меры к содействию, становится очевидным вопрос о разрешении подобной проблемы.

Процессуальное соглашение в любом случае должно содержать в себе волеизъявление, в противном случае оно будет более относимо к процессуальной сделке. Однако ни Закон о банкротстве, ни разъяснения вышестоящих судов не содержат ответа или конкретного механизма урегулирования ситуации полного отсутствия кандидатур. Возникает вопрос

– в таком случае прекращать производство по делу, или обязать в выборочном порядке конкретного управляющего провести процедуру несостоятельности (банкротства)? Логичным является следование по пути первоначальной природы процессуальных соглашений: отсутствует воля на соглашение – соглашение не заключается с наступлением соответствующих процессуальных последствий.

Примечательным является тот факт, что рассматриваемое согласие арбитражного управляющего на назначение в деле о банкротстве, можно исключить из категории процессуальных соглашений, тем самым подвергнув сомнению процессуальную цель соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве). Между тем, исходя из критериев процессуального соглашения, следует, что согласие арбитражного управляющего не преследует под собой материального спора. Оно выражается исключительно с целью подтвердить арбитражному суду соответствие кандидатуры для дальнейшего осуществления процессуальных прав такого лица. В правоприменительной практике присутствуют случаи, при которых проблематика согласия арбитражного управляющего используется в качестве злоупотребления процессуальными правами<sup>1</sup>. В этой связи стоит отметить, что процессуальное соглашение в виде согласия арбитражного управляющего преследует собой исключительно процессуальную цель.

Очевидно, что процессуальная цель соглашения в деле о банкротстве – это не только ожидаемый и общественно необходимый результат деятельности суда и лиц, но и элемент самого процесса, поскольку наличие соглашения обуславливает дальнейшую возможность продолжения судебного разбирательства. Следует отметить, что не все соглашения имеют такой эффект и содержательную часть своих целей как определять состоится процесс или нет. Акцент внимания необходимо направить именно на тот факт, что некоторые разновидности соглашений в банкротстве помимо

---

<sup>1</sup> См.: Телюкина В.М. Системный анализ процедуры наблюдения и практические проблемы ее реализации // Хозяйство и право. 2018. № 5 (496). С. 3-25.

общепринятого понятийного наполнения процессуальной цели, могут иметь и подобную характеристику элемента процесса.

Наличие целеполагания для соглашений в делах о банкротстве подразумевает реализацию этих целей путем выполнения соответствующих задач. М.А. Рожкова задачи процессуальных соглашений сопоставляет с задачами самого судопроизводства: «правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел, укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду»<sup>1</sup>. С.А. Курочкин указывает, что не всякий процессуальный договор преследует под собой задачи судопроизводства, такие задачи выполняются в интересах самого суда, то есть имеют публичный характер, в то время как процессуальный договор выполняет задачу частного интереса<sup>2</sup>. Примечательно, что Н.Г. Елисеев в своей работе говорит о том, что процессуальный договор может исключаться не только тогда, когда противоречит закону в силу запрета на диспозитивное регулирование отношения, но и в том случае, если он противоречит основным задачам судопроизводства<sup>3</sup>.

Стоит отметить, что перечисленные авторские позиции о задачах процессуальных соглашений выведены на основе общих положений юридической доктрины под влиянием расхождения в позициях по вопросу отнесения процессуального соглашения к тому или иному институту. Рассмотренная выше специфика целей соглашения в деле о банкротстве позволяет говорить о сложившихся специализированных задачах, обуславливающих их достижение. При этом, важно понимать, что при рассмотрении общих положений о процессуальных соглашениях, был сделан

---

<sup>1</sup> Рожкова М.А. Теория процессуального договора в соотношении с концепцией сделок, направленных на защиту прав // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. С. 184-208.

<sup>2</sup> См.: Курочкин С.А. Соглашения в системе гражданского судопроизводства // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 164-169.

<sup>3</sup> См: Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 41.

вывод о наличии в их характеристики публичного элемента. Также отмечено, что существующие дискуссии в вопросе о природе таких соглашений связаны со стремлением авторов выделить какой-либо один из этих элементов в главенствующую роль, в то время как все они наполняют общий институт соглашений. В силу этого, в вопросе о задачах процессуальных соглашений следует согласиться с приведенными позициями и также подразделять их на задачи сугубо публичного или частного характера. Однако специфика процессуального соглашения в делах о банкротстве в разрезе ее задач строится не только на этом объединении позиций, но и в тезисе «невыполнение задачи не обуславливает не достижение цели». Например, как было отмечено выше, решение собрания кредиторов не всегда однозначно является процессуальной сделкой. В ряде случаев, такое решение прямо относится к процессуальному соглашению. К компетенции собрания кредиторов отнесено право на предоставление кандидатуры арбитражного управляющего в том случае, если последний был дисквалифицирован или отстранен. Достигая согласия между собой, кредиторы фактически заключают процессуальное соглашение о предоставлении новой кандидатуры. В том случае, если такое соглашение не достигнуто, или собрание не состоялось, подобная задача адресуется арбитражному суду. Иными словами, не выполняя задачу по проведению собрания, процессуальная цель достигается при содействии арбитражного суда. Однако подобная задача преследуется в публичном интересе или частном?

Ответить на поставленный вопрос поможет еще один пример: мировое соглашение, заключенное в отсутствие паритета кредиторов. Как частично было описано ранее, в процедуре банкротства юридического лица, мировое соглашение может быть одобрено арбитражным судом в случае несогласия меньшинства кредиторов, но при наличии обоснованной позиции большинства кредиторов. При таких обстоятельствах, целью мирового соглашения является цель взаимных уступок и урегулирование сложившихся разногласий. Тем не менее, для одних кредиторов цель будет достигнута,

задачи такого соглашения будут выполнены, а для других кредиторов – цель мирового соглашения вовсе будет отсутствовать. Особо важно отметить, что для мажоритарного кредитора задача мирового соглашения в банкротстве в таких условиях является смешанной (частной для интересов кредитора и публичной для арбитражного суда в виде прекращения процедуры банкротства), а для меньшинства – задача будет только частной с последующим отрицательным результатом. Из приведенных примеров следует, что для процессуальных соглашений в деле о несостоятельности, задачи не являются отличающимися от общей доктрины и действующих принципов права. Такие задачи являются отличными по своему внутреннему содержанию по отношению к субъекту и арбитражному суду. Следует понимать, что публичный элемент задачи процессуального соглашения в деле о банкротстве выполняется всегда: как при заключении процессуального соглашения, так и без него. Для арбитражного суда возникает необходимость разрешить вопрос о дальнейшем движении процесса, равно как и для участников выполнение задачи процессуального соглашения в деле о банкротстве неумолимо порождает запрос на дальнейшее осуществление правосудия, даже в том случае, когда при реализации задача не выполняется. Таким образом цели соглашения в банкротстве подразделяются на две основные группы: процедурные и процессуальные цели.

Процедурная цель – это такой результат от процессуальной сделки между его участниками, который направлен на решение материального вопроса в рамках судопроизводства по делам о несостоятельности (банкротстве).

Процессуальная цель соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) есть обязательное условие для заключения процессуального соглашения между его участниками, вызванное необходимостью диспозитивной реализации процессуальных прав и обязанностей. При этом в отличие от процессуальной сделки процессуальное соглашение не преследует процедурную цель. Задачи процессуального соглашения являются

внутренним механизмом для достижения самих целей и могут подразделяться на задачи публичного, частного или смешанного интереса. Таким образом, задачи процессуальных соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве) – это перечень тех действий, выполняемых участниками соглашения, благодаря которым реализация целей становится объективно возможной, характеризующиеся безусловным наступлением публичных интересов и вариативностью наступления частных. Оценивая полученные в настоящей главе результаты, следует сделать конкретный вывод, относительно вопроса о том, каким критериям подчинено процессуальное соглашение в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве, что позволит сузить круг исследуемых явлений и получить не только максимально точное представление об их содержании, но и новое научное знание о таких соглашениях. Для того, чтобы отнести конкретное явление правовой действительности к процессуальному соглашению в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве, оно должно содержать в себе:

- признак выраженной воли субъектов (наличие двух и более лиц)
- признак обязательной взаимосвязи с основным гипотетическим юридическим фактом – несостоятельностью (банкротством)
- признак наличия процессуальной, но не процедурной цели
- признак темпоральности
- процессуальные права и (или) способ их реализации как предмет процессуального соглашения

## **ГЛАВА 2.**

### **ВИДЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)**

#### **2.1. Субъектный состав процессуальных соглашений по делам о несостоятельности (банкротстве)**

Формирование института процессуальных соглашений в общем понимании подчиняется целому ряду факторов, которые неоднократно становились предметом исследований. В настоящей работе интерес к данному институту направлен в вопросах его реализации сугубо в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) и к тем явлениям, которые оказывают влияние на его формирование в том виде, в коем он существует в современной объективной реальности.

Банкротный спор представлен достаточно широким кругом лиц, участвующих в деле. Как следует из анализа статьи 40 АПК РФ, статьи 34 Закона о банкротстве, субъектами спора о несостоятельности (банкротстве) выступает гораздо более широкий перечень лиц, нежели предусмотрено арбитражным процессуальным законодательством. Помимо сторон привычного цивилистического процесса, в рассматриваемой категории дел принимают участие, например, арбитражный управляющий, государственные и муниципальные органы, конкурсные кредиторы и прочие.

Настоящее исследование не направлено на изучение особенностей каждого из субъектов в деле о банкротстве, научный интерес представляется в изучении субъектного состава процессуальных соглашений как одного из факторов влияния на формирование их особенностей. В силу этого вопрос о специфике процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве), прежде всего, следует раскрыть на основе существующей проблематики их субъектного содержания.

Юридическая наука содержит достаточно разработанные труды о том, что следует понимать под субъектным составом.

М.А. Вукот, рассуждая о субъектах гражданских процессуальных правоотношений, относила к ним не только лиц, участвующих в деле, но и также лиц, содействующих осуществлению правосудия и сам суд<sup>1</sup>. В то же время, А.Р. Ахмеров понимает категорию «субъект» более узко, относя к ним лиц, положение которых в процессе нормативно регламентировано, при этом не относя суд к упомянутой категории<sup>2</sup>. В свою очередь Е.А. Иванова указывает на то, что субъекты процессуальных соглашений могут не совпадать с субъектами спорного материального правоотношения<sup>3</sup>, что говорит о более широком понимании категории субъекта в вопросе структуры процессуальных соглашений.

Дела о несостоятельности (банкротстве), как уже отмечалось ранее, обладают достаточно сложной спецификой, так как включают в себя широкий круг участников. Действующее законодательство наделило и арбитражный суд рядом существенных полномочий в вопросе процессуальных соглашений, о чем будет подробно изложено далее. Видится разумным и обоснованным понимать субъектный состав, как фактор влияния на процессуальные соглашения, с позиции включения в него широкого перечня лиц.

Субъекты соглашений в деле о банкротстве обуславливают наличие особого порядка их принятия. Е.В. Михайлова, рассуждая о правовой проблеме процессуальных соглашений, делает вывод о том, что само по себе соглашение возникает лишь между сторонами спорного материального правоотношения. Суд, как орган власти, уполномочен только проверять законность такого соглашения. Иными словами, Е.В. Михайлова говорит о

---

<sup>1</sup> См.: Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Вукот. М., 2004. С. 75-80.

<sup>2</sup> См.: Ахмеров Р.А. Система субъектов гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 15-20.

<sup>3</sup> См.: Иванова Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект // Вестник международного коммерческого арбитража. 2018. № 1 (16). С. 467-471.

том, что договориться с судом не представляется возможным, поскольку он не является стороной такого соглашения<sup>1</sup>. Такой вывод кажется логичным и обоснованным, поскольку в ходе разрешения материального конфликта, стороны в нем участвующие заключают соглашение именно между собой, что детерминирует наличие обоюдной воли в структуре процессуального соглашения, а это в свою очередь обуславливает один из признаков, вытекающий из ее субъектного состава – волевой характер сторон. Схожей позиции в вопросе о роли суда придерживается и А.Н. Кузбагаров, утверждая о том, что определенный перечень полномочий имеется у суда именно для отправления правосудия<sup>2</sup>.

В настоящем исследовании неспроста был проведен первоначальный анализ общей доктрины о процессуальных соглашениях и предпринята попытка авторского понимания таких соглашений как элемента института, внутри которого из-за случаев сочетания материального и процессуального начала может возникать отдельная группа – процессуальная сделка. Однако общим представлением о соглашении в цивилистическом процессе является восприятие их заключения между противными друг другу сторонами, например, истцом и ответчиком. Наполненность арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве крайне широким кругом лиц, участвующих в деле и иных участников, позволяет обозначить появление в отечественной доктрине вида процессуального соглашения, которое заключается между участниками, имеющими равный процессуальный интерес.

Если взглянуть на арбитражное судопроизводство по делам о банкротстве с точки зрения равного процессуального интереса, можно сделать

---

<sup>1</sup> См.: Михайлова Е.В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 4.

<sup>2</sup> См.: Кузбагаров А.Н. Гражданские процессуальные правоотношения как сущность гражданского судопроизводства // Судебная власть и судебное сообщество: история развития и современность.: сб. науч. ст. научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного Суда Республики Башкортостан. Уфа. 2023. С. 63-68.

вывод о том, что такое явление присутствует среди кредиторов должника. Наполнение подобного интереса заключается в достижении определенных целей – получения соответствующего статуса в рамках дела о банкротстве, пользования процессуальными правами, и, как итог, возможное удовлетворение своих материальных притязаний к должнику. Однако значит ли это, что все кредиторы априори будут считаться действующими в равном процессуальном интересе? Ответ на этот вопрос является отрицательным и объясняется следующим образом.

Объединение интересов, целей и задач принято именовать консолидацией требований в рамках цивилистического процесса. Для дел о несостоятельности (банкротстве) употребление консолидации преимущественно используется с точки зрения материального права. Очень верное определение такого явления было дано И.В. Горбашевым, который утверждает, что «сущность этой процедуры заключается в том, что выявляется имущество, за счет которого кредиторы могут получить удовлетворение своих требований несмотря на то, что формально должником для конкретного кредитора выступает лицо, не являющееся правообладателем такого имущества<sup>1</sup>». Материальная консолидация в целом длительное время интересует науку и правоприменительную практику как эффективный инструмент защиты прав кредиторов<sup>2</sup>.

Что же касается консолидации с точки зрения процессуального права в делах о несостоятельности (банкротстве) она присуща отношениям, складывающимся между кредиторами. В смысле общего понятия под консолидацией понимается «такой вид систематизации законодательства, при котором происходит объединение признаваемых утратившими силу

---

<sup>1</sup> Горбашев И.В. Материальная консолидация: Pro et contra с точки зрения российского правопорядка // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2021. № 3 (59). С. 145-164.

<sup>2</sup> См.: Резолюция Байкальского юридического форума / подгот. А.П. Суходоловым, Т.Л. Музычук, А.А. Протасевичем, И.Г. Смирновой, Д.А. Степаненко, Д.В. Жмуровым, Е.М. Якимовой, Ю.В. Виниченко, Т.М. Судаковой // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 4. С. 844-849.

нормативных актов в единый укрупненный документ, осуществляемое в официальном порядке уполномоченным правотворческим органом»<sup>1</sup>. Если интерпретировать подобную смысловую формулировку на процессуальные правоотношения в делах о банкротстве, можно сказать, что для такой категории дел в арбитражном судопроизводстве процессуальная консолидация – это такой способ объединения процессуальных прав между определенной группой субъектов, при котором процессуальное правоотношение становится возможным к существованию либо продолжению.

Важно отметить, что процессуальная консолидация и процессуальное соглашение в деле о банкротстве не могут восприниматься как идентичные явления правовой действительности. Процессуальное соглашение как состоявшееся событие «де-юре», выраженное во вне, является формой реализации процессуальной консолидации, которое принимается де-факто. Такое процессуальное соглашение относится к виду соглашений субъектов одной группы.

Закон о банкротстве содержит достаточно выраженный пример процессуального соглашения субъектов одной группы, как следствие воли на консолидацию. Исходя из пункта 5 статьи 39 Закона о банкротстве конкурсные кредиторы, а также действующие или бывшие работники должника вправе объединить свои материальные требования. Такое объединение преследует процессуальную цель: достижение эффекта от совместного обращения в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника. В свою очередь причиной в этом случае является отсутствие возможности у участников такой группы на самостоятельное инициирование банкротного процесса. Е.С. Раздьяконов отмечает, что объединение требований кредиторов для инициирования дела о несостоятельности (банкротстве) не может рассматриваться с точки зрения категории соистцов,

---

<sup>1</sup> Реутов В.П., Ваньков А.В. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // Право и современные государства. 2013. № 3. С. 16-20.

поскольку отдельно взятый кредитор не обладает самостоятельным правом на подачу такого заявления<sup>1</sup>. Как следствие, автор утверждает о множественности на стороне кредиторов, с чем нельзя не согласиться. Можно сказать, что результатом процессуального соглашения субъектов одной группы и будет являться множественность интересов, именно процессуальных.

Из систематического толкования положений статьи 7 Закона о банкротстве в совокупности с разъяснениями этой нормы, изложенными в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 октября 2018 г. № 305-ЭС18-10166 по делу № А41-48945/2017<sup>2</sup>, следует, что для отдельно взятого кредитора для обращения в арбитражный суд с заявлением о банкротстве должника требуется наличие вступившего в законную силу судебного акта о взыскании задолженности, за исключением кредитной организации и иных, поименованных в указанной статье кредиторов. Таким образом, для реализации процессуального соглашения о консолидации материальных требований кредиторам, чьи отдельные материальные требования не достигают порогового значения, требуется не только принятие соответствующего решения, но и получение вступивших в силу судебных актов о взыскании задолженности. Между тем, сложившееся нормативно-правовое регулирование такого процессуального соглашения субъектов одной группы представляется достаточно неполным в силу следующих причин.

Для реализации такого соглашения фактически устанавливается усложненный порядок по сравнению с отдельным и самостоятельным

---

<sup>1</sup> См.: Раздьяконов Е.С. Особенности реализации принципа гарантированности судебной защиты при обращении в суд по делам о несостоятельности (банкротстве) // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. / Сост. и ред. Л.В. Войтович. СПб., 2021. С. 193-206.

<sup>2</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 октября 2018 г. № 305-ЭС18-10166 по делу № А41-48945/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24102018-n-305-es18-10166-po-delu-n-a41-489452017/> (дата обращения: 10.01.2026)

заявлением кредитора. Усугубило ситуацию в правоприменительном поле и то, что минимальное пороговое значение для общей группы должников-юридических лиц было повышено с 300 000 рублей до 2 000 000 рублей<sup>1</sup>. С одной стороны, такое увеличение размера материальных требований было направлено на устранение случаев использования института банкротства в целях злоупотребления правом, как способа корпоративного давления или продолжения модели «потребительского экстремизма»<sup>2</sup>. С другой стороны такие поправки косвенно повлияли на процессуальное соглашение субъектов одной группы. Обратившись к ранее определенным критериям процессуального соглашения, можно отметить, что соглашение субъектов одной группы в деле о несостоятельности (банкротстве) соответствует всем перечисленным: оно прямо взаимосвязано с основным гипотетическим юридическим фактом – несостоятельностью общего должника для группы кредиторов; для такого вида процессуального соглашения в деле о банкротстве характерна в содержании предмета договоренность субъектов о форме и (или) способах реализации их прав на обращение в суд при объединении требований. Однако ключевым из критериев будет являться процессуальная цель такого соглашения, которая выражена непосредственно в желании консолидирующихся кредиторов инициировать процесс по делу о банкротстве как способ защиты своих прав.

---

<sup>1</sup> См.: Федеральный закон от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ (в ред. от 29 мая 2024 г.) // СЗ РФ. 2024. №. 23 (часть I). Ст. 3045.

<sup>2</sup> Среди ученого сообщества и представителей правоприменительной деятельности присутствуют мнения о том, что процедура банкротства в России зачастую может использоваться как способ давления на бизнес, а не средство для реализации задач такого вида судопроизводства. По этой причине, установленные ранее пороговые значения для признания должника-юридического лица несостоятельным (банкротом) из-за своего минимального размера служили той самой возможностью злоупотребления. Достаточно подробный анализ добросовестности контроля в процедурах банкротства приводится, например, в работе А.А. Иванов, А.С. Митрахович. Добросовестность при получении контроля в деле о банкротстве // Отечественная юриспруденция. 2017. № 3 (17). С. 27-31.

Процессуальное соглашение, при котором кредиторы объединяют свои требования к должнику, реализуется посредством определенной формы – совместного заявления о признании несостоятельным (банкротом). Иными словами, объединив свои требования к должнику и приняв решение о совместном обращении в арбитражный суд, кредиторы, будучи субъектами одной группы, становятся самостоятельным заявителем и реализуют свое намерение посредством одного процессуального документа. Возникает вопрос – будут ли в ходе судопроизводства по делу о банкротстве такие кредиторы рассматриваться арбитражным судом как самостоятельные лица, либо их объединение существует только до момента признания должника несостоятельным (банкротом)? Очевидно, Закон о банкротстве подразумевает, что несмотря на установленную императивную норму об обращении с одним заявлением в суд, требования объединившихся кредиторов подлежат в случае их удовлетворения включению в реестр требований как самостоятельные и независимые друг от друга. Таким образом получается, что процессуальное соглашение субъектов одной группы существует в определенных темпоральных границах. Такие границы распространяются до момента вынесения судебного акта по проверке обоснованности объединенного заявления о признании должника банкротом. В этой связи стоит отметить, что процессуальное соглашение субъектов одной группы существует не в границах всего дела о несостоятельности (банкротстве), а лишь в границах того вопроса, по которому оно принимается равными субъектами.

Между тем, консолидация кредиторов для обращения с заявлением о банкротстве совместно вызывает определенную проблематику, которая выражается в наличии двух аспектов: устранение процессуального соглашения путем частичного погашения требований и конфликт с процессуальным порядком при множественности заявлений. Стоит оговориться, что в этом вопросе рассматривается только возможность объединения конкурсных кредиторов. Специфика требований, например, уполномоченного органа не исследуется, хотя существуют достаточно

интересные разъяснения для анализа в правоприменительной практике<sup>1</sup> и той правовой конструкции, которая существовала ранее<sup>2</sup>. В случае, когда процессуальное соглашение о консолидации требований нескольких кредиторов предъявляется в арбитражный суд, должник, а зачастую третье лицо, действующее в интересах должника, осуществляет такие действия, при которых погашается требование либо одного из кредиторов, либо путем погашения снижается объем требований всех кредиторов. При этом, подобное погашение производится не с целью исполнения обязательства и попытки разрешить материальный спор, а с целью противоправной – лишить такое процессуальное соглашение силы, то есть сделать консолидацию кредиторов бесполезным соглашением. С одной стороны, правоприменительная практика имеет соответствующие разъяснения, существо которых сводится к тому, что в подобных случаях арбитражный суд не должен придерживаться минимального порогового значения для признания должника банкротом как абсолютного условия, а должен оценить поведение с точки зрения добросовестности<sup>3</sup>. С другой стороны, видится логичным считать, что в настоящий момент процессуальные нормы, регламентирующие такое соглашение подлежат более широкому применению.

Обратившись к правовой конструкции статьи 42 Закона о банкротстве в пунктах 8, 9 можно уяснить явление множественности заявлений о признании должника банкротом. Разрешение вопроса о том, в каком процессуальном порядке должны рассматриваться такие требования дано не только в содержании самой нормы, но и истолкованы в Постановлении Пленума ВАС

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2006 г. № 25 «О некоторых вопросах, связанных с квалификацией и установлением требований по обязательным платежам, а также санкциям за публичные правонарушения в деле о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См.: Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ (в ред. от 21 марта 2002 г.) // СЗ РФ. № 2. Ст. 222.

<sup>3</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 августа 2016 г. № 308-ЭС16-4658 по делу № А53-2012/2015. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15082016-n-308-es16-4658-po-delu-n-a53-20122015/> (дата обращения 12.01.2026); Письмо ФНС России от 29 июня 2017 № СА-4-18/12520@ «О направлении обзора судебных актов» // СПС «КонсультантПлюс».

РФ от 22 июня 2012 г. № 35 (ред. от 23.12.2025 г.) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». В частности, в пункте 7 названного постановления указывается, что арбитражному суду необходимо придерживаться определенной специфики в подобной ситуации: при наличии нескольких заявлений о признании должника банкротом, наделению приоритетом подлежит первое поданное заявление. Именно оно рассматривается как первоначальное, а все иные – как заявления о вступлении в дело. В случае, если первое поданное заявление признается необоснованным, рассматривается последующее за ним<sup>1</sup>. С учетом изложенного и особенностей процессуального соглашения субъектов одной группы видится разумным подвергнуть критике устоявшийся процессуальный порядок по следующим основаниям.

Первостепенно необходимо ответить на вопрос о том, что отличает процессуальное соглашение конкурсных кредиторов об объединении своих требований для обращения в арбитражный суд от множественности поданных заявлений? Предлагается принять за такое отличие непосредственное взаимное согласие самих конкурсных кредиторов с требованиями друг друга. К примеру, при консолидации требований и обращении в суд с одним заявлением конкурсных кредиторов, заранее происходит их самостоятельное ознакомление с имеющимися требованиями к должнику. Достижение в этом случае процессуального соглашения и является выражением взаимной воли нескольких субъектов: объединяющиеся кредиторы знают о материальных притязаниях к должнику и также считают их обоснованными. В ситуации множественности поданных заявлений, которые не облечены в процессуальное соглашение субъектов одной группы, возникает противоположная ситуация: заявители, последующие после первого, не имеют представления о тех требованиях, которые им заявлены в обоснование.

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

Возможно даже та ситуация, при которой конкурсные кредиторы могут усомниться в требованиях иных конкурсных кредиторов<sup>1</sup>. Думается, что законодатель, устанавливая именно такой процессуальный порядок рассмотрения множественности заявлений, исходил именно из этой концепции, которую считать оптимальной не представляется.

Критичное восприятие упомянутого процессуального порядка заключается в том, что множественность поданных заявлений о признании должника банкротом видится как явление, предшествующее процессуальному соглашению субъектов одной группы: вместо затяжного и длительного судопроизводства по рассмотрению каждого требования последовательно, арбитражному суду следовало бы применять конструкцию соглашения о консолидации требований. В этой картине мира, при поступлении в арбитражный суд последовательно нескольких заявлений о признании должника банкротом, такие требования надлежит квалифицировать как заявления о вступлении в дело о банкротстве, но вынести на обсуждение сторон-заявителей вопрос о консолидации своих требований и предъявлении одного заявления о признании должника банкротом. Реализация такого подхода не требует дополнительных существенных поправок в действующее законодательство, поскольку в случае процессуального соглашения об объединении своих требований конкурсные кредиторы уточнят требования первоначального заявления в порядке статьи 49 АПК РФ.

---

<sup>1</sup> Стоит понимать, что современному банкротному процессу известна иерархия в доказывании. Повышенный стандарт доказывания выступает инструментом, предотвращающим включение требований в реестр должника со стороны, например, аффилированных с ним лиц. Подозревать и возражать на требования таких конкурсных кредиторов может не только арбитражный управляющий, но и иные субъекты, включая самих конкурсных кредиторов, поскольку введение в банкротный процесс аффилированного кредитора в первую очередь имеет цель нарушения прав «добросовестных конкурсных кредиторов». Подобные ситуации известны науке и практике. См.: Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 11.; Будылин С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 130-157; Решетникова И.В. Стандарт доказывания // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 26-27.

Приведение множественности поданных заявлений в правовую конструкцию процессуального соглашения о консолидации позволяет также достичь соответствия с ранее упомянутыми разъяснениями о необходимости арбитражным судам учитывать всю информацию о категории должника, оценивать его действия с точки зрения добросовестности в случае частичного погашения обязательств, сократить судопроизводственные издержки, вызванные необходимостью рассмотрения каждого из заявлений в отдельности.

Процессуальные соглашения субъектов одной группы существуют не только на стадии, предшествующей банкротству должника, но и непосредственно в содержании самого банкротного процесса. Цивилистическая наука активна в изучении явления групповых исков. К их пониманию существуют как различные подходы, так и общие<sup>1</sup>. Явление коллективности не обошло и судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве). Кроме того, категория группового иска находит свою взаимосвязь с процессуальным соглашением субъектов одной группы. Стоит отметить, что названные понятия несомненно являются разными правовыми явлениями, однако в деле о банкротстве, групповой иск может порождать процессуальное соглашение субъектов одной группы.

Как известно и следует из содержания действующего законодательства, в частности, Закона о банкротстве, сама процедура банкротства носит заявительный характер, но в своем содержании имеет обособленные споры, для которых характерна исковая форма защиты. Судопроизводство по делам о банкротстве не является исключением из перечня возможного применения группового иска. Осмелюсь предположить, что, будучи спором повышенной конфликтности и множественности участников, банкротный процесс – наиболее плодотворная и привлекательная форма для рассмотрения

---

<sup>1</sup> См.: Долганичев В.В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ // Закон. 2021. № 2. С. 36-45; Ярков В., Кудрявцева Е., Малешин Д., Туманов Д., Смола А. и др. Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. 2019. № 8. С. 24-43.

требований по групповым искам. В аспекте исследования процессуальных соглашений в деле о банкротстве, следствием предъявления группового иска является качественное изменение в субъектном составе соглашений одной группы. Подобная ситуация была рассмотрена и в правоприменительной практике по требованию конкурсного кредитора о признании соглашения недействительным. Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в Определении от 17 марта 2021 г. № 302-ЭС20-19914<sup>1</sup> указала на такие качественные изменения субъектного состава при групповом иске в деле о банкротстве:

- иницируя обособленный спор, затрагивающий объем конкурсной массы, инициатор подобного заявления действует в своих интересах лишь косвенно;
- такой спор затрагивает интересы всей группы кредиторов должника, поскольку в случае удовлетворения требований произойдет пополнение самой конкурсной массы;
- по существу, инициатор заявления по обособленному спору, действует существенно в интересах должника (его конкурсной массы), а косвенно – в интересах группы его кредиторов;
- в случае отказа инициатора спора от своих требований, но наличия позиции иных кредиторов, поддержавших требования (а равно присоединившихся к ним), прекращение производства по такому спору невозможно по причине нарушения интересов группы кредиторов.

В рассматриваемой ситуации очевидным является то, что судопроизводство по делу о несостоятельности (банкротстве) имеет в своем содержании процессуальные соглашения субъектов одной группы, сделанные «автоматически». Иными словами, конкурсный кредитор, иницируя обособленный спор в деле о банкротстве, фактически выступает в интересах

---

<sup>1</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 марта 2021 г. № 302-ЭС20-19914. URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da754bf9-8f92-4ea7-9d8b-27fb71543afd/5bd2ec81-b10b-4914-b001-fa7255834931/A19-14083-2015\\_20210317\\_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da754bf9-8f92-4ea7-9d8b-27fb71543afd/5bd2ec81-b10b-4914-b001-fa7255834931/A19-14083-2015_20210317_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения 13.01.2026).

всей группы кредиторов: «невозможность повторного обращения в суд с тождественным требованием обусловлена тем, что по правилам обычного группового иска участник группы вправе выбирать, присоединиться ли ему к групповому иску или защищать свои права посредством индивидуального обращения в суд. Прекращение дела по групповому иску не лишает его права на индивидуальный. В деле о банкротстве у заявителя такого выбора нет, так как в силу закона требования имеют всегда групповой характер, и кредиторы присоединяются к заявлению инициатора обособленного спора вынужденно и автоматически<sup>1</sup>».

Обобщая полученные данные, следует вывод о том, что процессуальное соглашение субъектов одной группы может быть выражено в виде поддержки требований кредитора-инициатора, вынужденного присоединения в силу характерного группового интереса. Между тем, подобное вынужденное процессуальное соглашение субъектов одной группы имеет под собой ряд определенных процессуальных последствий. Если ориентироваться на первоначально определенные критерии процессуального соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве), получается, что такое вынужденное соглашение в силу наличия группового интереса в банкротстве, содержит в своем предмете соглашение об объеме процессуальных прав и (или) способе их реализации, что очевидно. Такое соглашение отвечает и процессуальной цели в виде инициирования судебного разбирательства с целью защиты прав кредиторов. Ярко выражены в этом случае и темпоральные последствия, которые заключаются в распространении на группу кредиторов процессуальных сроков и сроков, например, для обжалования принятого по делу судебного акта. Значит ли это то, что все процессуальные последствия такого вынужденного процессуального соглашения субъектов одной группы должны распространяться на всех участников группы? Данный вопрос представляется достаточно дискуссионным по своей природе.

---

<sup>1</sup> См.: Там же.

В юридической доктрине отмечается, что с одной стороны, в рамках судопроизводства по делам о банкротстве в заявительном характере скрывается индивидуальная цель защиты права. Иными словами, тот же конкурсный кредитор движим собственной целью на реализацию права предъявления требования в рамках обособленного спора. С другой стороны, не отрицается и то, что судопроизводство по делам о банкротстве носит групповой характер защиты интересов. По этому поводу Е.Е. Уксусова пишет: «в то же время нельзя отрицать того, что, иницилируя в отношении должника процесс о признании его банкротом, заявитель выступает в защиту не только своих интересов, но и интересов иных кредиторов, при предъявлении (стечении) требований которых все они имеют право на имущество должника, которого оказалось недостаточно для полного удовлетворения их требований.

При инициировании процесса одним лицом (несколькими лицами) он открывается для каждого кредитора, включая и тех, кто с установлением своих требований к должнику в рамках производства по делу о банкротстве, легитимируя себя в качестве конкурсного кредитора и занимая в процессе статус лица, участвующего в деле, получает тем самым возможность защиты своего имущественного права (интереса)»<sup>1</sup>.

Если исходить из наступления процессуальных последствий для всех субъектов вынужденного процессуального соглашения одной группы, следует, что такие последствия должны наступать для всех в одинаковой форме. К примеру, в упомянутом Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 марта 2021 г. № 302-ЭС20-19914 имеется отсылка о том, что прекращать производство по обособленному спору при наличии поддержавших требования основного заявителя кредиторов нельзя, в том числе из-за возможности отказа в требованиях по причине истечения срока исковой давности в рамках индивидуального обращения. В тоже время идея о групповой всеобщности в банкротстве может

---

<sup>1</sup> Уксусова Е.Е. Возбуждение производства по делам о банкротстве в арбитражных судах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 9. С. 70-79.

быть подвергнута критике. К примеру, при разрешении вопроса о распределении судебных расходов. В случае, если действует презумпция вынужденного процессуального соглашения о присоединении к требованиям среди равных субъектов, получается, что бремя несения судебных расходов, государственной пошлины и прочие издержки должна нести вся группа.

Думается верным в вопросе отнесения субъектов процессуального соглашения одной группы утверждать, что автоматическое присоединение к требованиям, а равно и процессуальные последствия такого присоединения должны иметь ограниченную форму. В частности, круг субъектов, входящих в процессуальное соглашение в этом случае, должен определяться исходя из процессуальной активности. Нельзя исключать из содержательного признака процессуального соглашения выраженную волю его участника, поскольку в противном случае необходимо отнесение явления к категории, существующей в институте соглашения – процессуальной сделке. Таким образом распространение процессуальных последствий от автоматического процессуального соглашения видится именно на тех лиц, которые выразили «де-юре» свою активную согласительную позицию. Подобные доводы также имеются в доктрине, к примеру, идея о сертификации такой группы, определении истца-представителя<sup>1</sup>.

Выраженная воля субъекта в структуре процессуального соглашения в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве также характеризует определенную специфику. В вопросе о соглашениях субъектов одной группы следует отметить то, что их важно отличать от процессуальной сделки, в которой воля субъекта может подвергаться судебной дискреции. Ярким примером является конструкция правовых норм о мировом соглашении в деле о банкротстве.

---

<sup>1</sup> См.: Трезубов Е.С., Звягина Н.С. Проблемы правового статуса участников группы лиц при рассмотрении коллективных исков // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023. Т. 27. № 4. С. 1065-1078.

Так, исходя из положений статьи 213.10-1 Закона о банкротстве следует, что в рамках дела о несостоятельности (банкротстве), должник-гражданин вправе заключить с залоговым кредитором отдельное мировое соглашение, по условиям которого может сохранить обязательство, обеспеченное ипотекой единственного жилья. Согласия иных кредиторов и финансового управляющего должника не требуется. Принципиально уже на этой стадии возникает отличие от процессуального соглашения субъектов одной группы, поскольку в рассмотренной конструкции дается правило о неприменении к такому спору правила общности интересов всех конкурсных кредиторов.

Г.Ф. Шершеневич, сопоставляя общегражданское мировое соглашение с соглашением в деле о банкротстве писал: «стороны устраняют существующее между ними спорное отношение путем взаимных уступок. Между тем в конкурсной мировой сделке нет спорности, требования кредитов совершенно определены и признаны; нет также и взаимности уступок, потому что уступка производится только в пользу должника»<sup>1</sup>.

Тем не менее, в определении Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597<sup>2</sup> высказана следующая правовая позиция: в случае немотивированного отказа залогового кредитора от заключения мирового соглашения, оно может быть заключено в виде локального плана реструктуризации.

Следует понимать, что к правовой природе мирового соглашения существуют различные подходы, которые находят свое подтверждение и в судебной практике.

В.В. Груздев проводил границу между процессуальным договором и гражданско-правовым договором, указывая, что эти два явления не

---

<sup>1</sup> Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 117.

<sup>2</sup> См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27042023-n-305-es22-9597-po-delu-n-a41-736442020/> (дата обращения: 18.02.2024).

представляют собой одно и то же. Процессуальный договор регулирует ход судебного процесса, направляет процесс<sup>1</sup>. Подтверждение такой научной мысли можно наблюдать в Определении Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О<sup>2</sup> в котором суд дал трактовку мировому соглашению как соглашению сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок, что является одним из процессуальных средств защиты субъективных прав.

М.И. Брагинский, напротив, утверждал, что по своей структуре, соглашения по вопросам процесса имеют все составные элементы классического договора, поэтому процессуальное соглашение регулирует именно материальный спор<sup>3</sup>. Определение Верховного Суда РФ от 13 февраля 2020 г. № 300-ЭС19-26826<sup>4</sup> подтверждает и дополняет позицию М.И. Брагинского, трактуя мировое соглашение в банкротстве как процессуальную сделку, вследствие чего к этому соглашению, являющемуся одним из средств защиты субъективных прав, помимо норм процессуального права, подлежат применению нормы гражданского права о договорах, в том числе правила о свободе договора.

В Германском гражданском уложении существует описание так называемого преобразующего права. Это явление описывается как наличие у одного лица права на одностороннее изменение условий сделки по своей воле, что приводит к изменению, прекращению или уточнению содержания основного правоотношения.<sup>5</sup> Важно понимать, что преобразовательное право на подобное изменение структуры правоотношения по инициативе и воле

---

<sup>1</sup> См.: Груздев В.В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву. М., 2010. С. 14.

<sup>2</sup> См.: Определение Конституционного суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> См.: Брагинский М.И. Договорное право. Кн. 1: Общие положения / Брагинский М.И., Витрянский В.В. М., 2001. С. 82.

<sup>4</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2020 г. № 300-ЭС19-26826 по делу № СИП-809/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> См.: Wolf M., Neuner J. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. 11. Aufl. C.H. Beck, 2016. § 20, Rn. 29, C. 237.

только одной стороны рассматривается не как господство одного субъекта над другим, а как объективная данность по универсализации такого права<sup>1</sup>.

Очень подробно и содержательно вопрос о преобразовательных правах излагается в работе Тима Лассена, который говорит о наличии не только таких прав, но и судебных исков, возникающих в силу их присутствия. Автор раскрывает содержание судебной защиты преобразовательного права с точки зрения чистоты и правомерности воли одного субъекта на изменение сложившегося правоотношения или создания абсолютно нового<sup>2</sup>.

Вопросы преобразовательных прав не обходят стороной и российские ученые. В.В. Груздев в своей работе отмечает, что подобные права в российской правовой действительности «это предоставленная обладателю субъективного гражданского права возможность, реализация которой имеет правосоздающий (конститутивный) эффект»<sup>3</sup>.

Преобразовательные права и обсуждения этой тематики относятся к категории вещных прав, что порождает закономерный вопрос о необходимости их упоминания в работе, посвященной процессуальным соглашениям. Как было рассмотрено ранее, каждый субъект соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) обладает правом на реализацию договоренностей, либо на отказ от них, посредством выражения своей воли. В силу этого, преобразовательное право упомянуто лишь в той части, которая говорит о существовании в объективной действительности такого поведения субъекта, при котором правоотношение может изменяться лишь при одной только воле конкретного субъекта.

---

<sup>1</sup> См.: Seckel E. Die Gestaltungsrechte des Bürgerlichen Rechts // Festgabe der Juristischen Gesellschaft zu Berlin zum 50 jährigen Dienstjubiläum ihres Vorsitzenden, des wirklichen geheimen Rats Dr. Richard Koch. Otto Liebmann, 1903. С. 208

<sup>2</sup> См.: Tim Lassen. Right to change a legal relationship by unilateral declaration (gestaltungsrechte) under German law // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 5. С. 139–168.

<sup>3</sup> Груздев, В. В. (2012). Установительные и преобразовательные охранительные правомочия в составе субъективного гражданского права // Евразийская адвокатура. 2012. № 1 (1). С. 139-148.

Между тем, выделяя в мировом соглашении в деле о банкротстве двойственную природу, невозможно не коснуться вопроса воли в исследуемом явлении.

При детальном рассмотрении правовой конструкции о мировом соглашении в деле о банкротстве, становится очевидным, что она может относиться к процессуальному соглашению или процессуальной сделке по ряду причин. Во-первых, выраженная воля в виде согласия на заключение мирового соглашения может присутствовать не у всех субъектов. Во-вторых, при отсутствии выраженной воли, цель такого соглашения не столько процессуальная, сколько процедурная, а равно материальная.

М.А. Рожкова, разграничивая материально-правовые и процессуальные договоры по их предмету направленности, указывала на то, что если предметом направленности выступает материальное правоотношение, то оно и относится к соответствующей группе<sup>1</sup>. В этой связи возникает возможность небезосновательно утверждать, что к мировому соглашению, как к сделке, содержащей материальное право, могут быть применимы конструкции пороков сделки, правил о расторжении.

Хотелось бы напомнить, что вопрос о пороках воли фигурирует в работе Д.Б. Абушенко, где автор представляет свою классификацию соглашений и утверждает о том, что существует группа соглашений, «внешне дистанцированные от материального права<sup>2</sup>», но в которых могут проявляться материальные начала, к примеру, в части оснований недействительности<sup>3</sup>. Специфика мирового соглашения еще не раз будет затрагиваться в исследовании, но в вопросе субъектного состава, как фактора влияния на

---

<sup>1</sup> См.: Рожкова М. Материальные и процессуальные соглашения, поименованные в Арбитражном процессуальном кодексе РФ // Хозяйство и право. 2004. № 1. С. 75-85.

<sup>2</sup> См.: Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 44.

<sup>3</sup> См.: Шеменева О.Н. Дискуссионные вопросы концепции процессуальных соглашений в трудах российских ученых // Вестник Воронежского государственного университета. 2016. № 2 (25). С. 110-120.

формирование процессуальных соглашений в деле о банкротстве очевидно, что подобные мировые договоренности без выраженной воли относимы к категории процессуальной сделки, нежели соглашения, поскольку не обладают необходимым набором критериев их классификации.

Субъектный состав процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве в существующей правовой действительности образует достаточно уникальный по рассмотренным характеристикам вид соглашения – соглашение субъектов одной группы.

Соглашение субъектов одной группы – это процессуальное соглашение в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве), заключаемое между указанными субъектами путем выражения во вне своей воли по вопросу объема и (или) порядка реализации процессуальных прав и обязанностей для достижения одинаковой процессуальной цели.

В структуре такого соглашения в делах о банкротстве думается возможным выделять субъекта-представителя группы, который выступает перед арбитражным судом от лица всех участников, выразивших согласие на участие в соглашении.

Установленный вид процессуального соглашения позволяет утверждать о несовершенстве и подвергать обоснованной критике тот процессуальный порядок, который существует в правоприменительной практике и нормативной регламентации в вопросе рассмотрения консолидированного заявления о признании должника банкротом и ситуаций множественности таких требований.

## **2.2. Роль дискреционных полномочий арбитражного суда в заключении процессуальных соглашений по делам о несостоятельности (банкротстве)**

Суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону<sup>1</sup>. Цель их деятельности направлена на достижение правосудия и защиту нарушенных прав. Суд, разрешая спор по существу, не должен отдавать предпочтение одной из сторон, а должен руководствоваться лишь действующими правовыми нормами и содействовать возможности реализовать свои процессуальные права любому из участников.

Исторически у общества, независимо от этапа его развития, был сформирован некий запрос на справедливость в решении конфликтов. Такую необходимость беспристрастного участия социум направляет в адрес государства, которое в свою очередь, обеспечивает эту потребность наличием и высоким авторитетом судебной власти. В этой связи отмечается наличие у арбитражного суда обеспечительной функции – предоставление сторонам всех необходимых условий для защиты своих прав и законных интересов<sup>2</sup>.

Изучение всех обстоятельств дела и доказательств – это составной компонент судебной деятельности, который направлен на достижение истины в сложившемся конфликте. Такую деятельность невозможно представить без активной роли суда, который способен контролировать участников и направлять ход процесса в требуемые рамки. Наличие подобных возможностей прямо объясняет существование судебной дискреции (инициативы).

В толковом словаре С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой под термином «инициатива» понимается внутреннее побуждение к новым формам

---

<sup>1</sup> См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

<sup>2</sup> См.: Соловых С.Ж. Арбитражный суд и стороны: судебное управление или взаимодействие субъектов арбитражного процесса // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 5. С. 77-98.

деятельности, предприимчивость<sup>1</sup>. Проявление процессуальной активности суда является не столь его правом или возможностью, сколько установленной необходимостью. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», разъяснено, что «независимо от того, каким образом при обращении в суд заявитель поименовал вид ответственности и на какие нормы права он сослался, суд применительно к положениям статей 133 и 168 АПК РФ самостоятельно квалифицирует предъявленное требование. При недоказанности оснований привлечения к субсидиарной ответственности, но доказанности противоправного поведения контролирующего лица, влекущего иную ответственность, суд принимает решение о возмещении таким контролирующим лицом убытков»<sup>2</sup>. Как видно из приведенного примера, арбитражный суд прямо обязан проверить возможность применения иного вида ответственности при недоказанности первоначально заявленной, тем самым проявив необходимую инициативу.

Процессуальная активность суда в большинстве случаев наиболее заметна именно в рамках арбитражного судопроизводства, в частности, в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). Во многом, это объясняется достаточно усложнившейся природой современных экономических споров, требующих детального изучения фактических обстоятельств, нередко выходящих за рамки имеющихся в практике разъяснений вышестоящих инстанций. М.К. Треушников говорил о судебном усмотрении, как о попытке законодателя быстро исправить «аморфные» нормы<sup>3</sup>, по причине чего можно констатировать и тот факт, что судебная дискреция в делах о

---

<sup>1</sup> См.: Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1994. С. 907

<sup>2</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс» .

<sup>3</sup> См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2018. С. 31.

несостоятельности (банкротстве) обусловлена и несовершенством правового регулирования таких споров.

С.Ю. Некрасов также утверждает, что факт «судебного усмотрения» не является редким и он позитивно закреплён в действующем законодательстве<sup>1</sup>. Между тем, следует понимать, что судебная инициатива, или дискреция, имеет свои границы. Такая воля суда должна осуществляться в строгом соответствии с нормами законодательства и ее последствия не должны приводить к нарушению как процессуальных, так и материальных прав сторон спора. Тем не менее, современная правоприменительная практика, основанная на разъяснении вышестоящих инстанций, современные законодательные инициативы, приносят в юридическую доктрину новые виды и характеристики судебной инициативы.

Следует дополнить ранее описанные подходы к определению понятийного смысла судебной дискреции. А.В. Юдин, под судебной дискрецией понимает право в объективном смысле, создающее требование, обязательное для исполнения и должное к неукоснительному следованию всеми, кому оно адресовано<sup>2</sup>. Судебная дискреция, как набор полномочий, рассматривается в широком смысле, будучи подобно правовому явлению, которое может присутствовать не только в структуре процессуальных соглашений, но и в целом в процессуальных правоотношениях.

Явление судебной инициативы или дискреции, представляет интерес для настоящего исследования как фактор влияния на процессуальные соглашения в делах о банкротстве. Рассматривая вопрос о субъектном составе процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве) и выделяя соглашения субъектов одной группы, было отмечено, что в таких соглашениях должна быть явно выражена воля ее участников путем активной

---

<sup>1</sup> См.: Некрасов С.Ю. Инициатива суда и судебское усмотрение в гражданском и арбитражном процессе // ГлаголЪ правосудия. 2017. № 2 (14). С. 19-23.

<sup>2</sup> См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. СПб., 2005. С. 11.

процессуальной позиции. Присутствует убежденность в необходимости развития этой мысли, но в ключе применения судебного усмотрения.

Пониманию терминологии и понятийного элемента судебного усмотрения посвящен ряд научных исследований, в ходе которых учеными раскрывалась суть этого явления. К.И. Комиссаров понимал судебное усмотрение как «предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение, возможность которого вытекает из общих и относительно определенных указаний закона, в случаях отсутствия прямого, абсолютно определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя»<sup>1</sup>. А.Т. Боннер раскрывает это понятие шире: «предоставленное суду правомочие решать вопросы, исходя из обстоятельств дела, общих положений закона, принципов права, экономических законов социализма и норм коммунистической морали»<sup>2</sup>. И.А. Покровский определял судебное усмотрение как «право свободного истолкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и веления судейской совести»<sup>3</sup>. Современники юридической науки также исследуют явление судебной дискреции, при этом существуют позиции о необходимости различать понятие судебного усмотрения, судейского усмотрения<sup>4</sup>, судебной дискреции как способа применения к спору основных конституционных ценностей для пресечения злоупотребления правом<sup>5</sup>. Не умаляя значимости работ и исследований в этой области, установим, что применительно к

---

<sup>1</sup> Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49-56.

<sup>2</sup> Боннер А.Т. Применение закона и судебное усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 34-42.

<sup>3</sup> Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 90

<sup>4</sup> См.: Потапов Ю.А. Судейское (судебное) усмотрение как правовой феномен. В книге: Судебная реформа как этап правовой реформы: внутригосударственный, наднациональный и международный уровни. СПб., 2020. С. 29-38.

<sup>5</sup> См.: Федан М.Ю. Судебная дискреция в контексте проблематики злоупотребления правом // Проблемы права. 2011. № 1 (27). С. 53-57; Фокина М.А. Злоупотребление процессуальными правами: соотношение духа и буквы закона // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 48-62.

настоящему исследованию судебная дискреция (усмотрение, инициатива) вбирают в себя идентичный круг правовых явлений, тем самым унифицируем употребление этого термина.

Появление и развитие экономических споров, таких как дела о несостоятельности (банкротстве), породило огромное количество запросов общества на ту самую судебную инициативу, благодаря которой возможным явилось разрешение вопросов между столкнувшимися интересами должников и кредиторов. В тоже время кредиторы, как сторона пострадавшая от неисполненных обязательств, видят роль суда в содействии и защите их интересов с целью недопущения нанесения вреда недобросовестным поведением должника. Сам должник в рамках дела о банкротстве зачастую ставит цель наиболее выгодного для себя исхода, выраженного в сохранении максимальной имущественной выгоды. Как неоднократно отмечалось, для самого процессуального соглашения требуется выраженная воля субъектов, его заключающих. Повышенный уровень конфликтной среды в рамках дела о несостоятельности (банкротстве), несомненно, является негативным фактором для развития процессуальных соглашений в такой категории дел.

Трудно спорить с тем, что нормы законодательства о несостоятельности (банкротстве) в настоящий момент не успевают в плане регуляции за ускоренным темпом развития экономики. В силу этой причины, судебная дискреция является одним из ключевых способов регулирования конфликта сторон в ходе процедуры несостоятельности (банкротства), а равно недопущения фактов злоупотребления правами или недобросовестности при заключении соглашения. Однако, как и было сказано ранее, такое усмотрение суда не должно выходить за рамки общепринятого законодательного подхода, не должно причинять вред стороне в угоду оппоненту. Тем не менее можно считать, что в силу активного применения судебной инициативы в делах о банкротстве, она стала выступать фактором влияния на появление еще одного вида процессуального соглашения.

И.К. Пискарев отмечает, что в условиях, когда нормативное закрепление невозможно в силу быстроизменяющейся специфики конкретного спора, законодателем предусмотрена судебная дискреция – возможность самостоятельного определения отдельных правовых аспектов<sup>1</sup>.

Н.М. Кострова отмечала, что для компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов характерно подавляющее число споров, «в которых, прежде всего, защищаются частные права»<sup>2</sup>. Нельзя отрицать тот факт, что в своем содержании дело о несостоятельности (банкротстве) представляет собой конфликт между интересами должника и кредиторов. Такие разногласия могут решаться не только посредством судебной формы, но и благодаря процессуальным соглашениям, которые видятся наиболее эффективным способом, так как снижают не только судебную нагрузку, но и затраты ресурсов самих сторон спора. Отечественная модель несостоятельности (банкротства) предполагает создание таких условий, при которых положение должника и кредитора должно отвечать определяющим критериям – соразмерности и баланса интересов. Придерживаясь подобной «смешанной» модели, законодатель изначально конструировал нормативно-правовое регулирование с точки зрения «привлекательности» несостоятельности (банкротства) для всех участников как оптимального способа удовлетворить их интересы. Однако такой подход со временем стал корректироваться, привнося в процедуру банкротства все больше примеров использования императивного, публичного характера регулирования. В этой связи, защита частных прав в цивилистическом процессе, главным элементом которого является состязательность, а также диспозитивность в условиях процессуальных и мирных договоренностей, стала приобретать характер

---

<sup>1</sup> См.: Пискарев И.К. Вступительная статья к книге Папковой О.А. «Усмотрение суда». М., 2005. С. 5

<sup>2</sup> Кострова Н.М. Развитие публичности судебной власти в современной России // Современная научная мысль. 2015. № 2. С. 195.

частно-публичного регулирования<sup>1</sup>. Подобный факт является вполне объяснимым. Как было указано ранее, институт несостоятельности (банкротства) характеризуется не только столкновением интересов, но и повышенным уровнем конфликтности, что приводит к желанию сторон использовать все возможные пробелы нормативно-правового регулирования во благо своих интересов. Подобные стремления, зачастую, приводят к использованию скрытых (латентных) процессуальных соглашений.

К примеру, Глава III.1 Закона о банкротстве, содержит специальные основания для оспаривания сделок должника. Стоит обратить внимание на то, что при оспаривании сделок должника по указанным основаниям, существуют определенные особенности применения срока исковой давности. В частности, по общему правилу, срок для подачи такого заявления арбитражным управляющим начинается течь именно с момента, когда он узнал или должен был узнать о наличии подобных оснований. При этом, Закон о банкротстве дает право оспаривания не только управляющему, но и конкурсным кредиторам, уполномоченному органу. Существенным отличием в данном случае будет являться то, что, не обладая статусом конкурсного кредитора, подать подобное заявление об оспаривании будет невозможным. В этой связи для кредитора срок исковой давности по аналогичному заявлению будет отсчитываться не только с момента, когда он узнал или должен был узнать об основаниях оспаривания, а с момента, когда был включен в реестр требований кредиторов, то есть приобрел специальный статус для оспаривания сделки должника по специальным основаниям.

Подобная конструкция норм приводит к появлению пробела в регулировании – скрытого (латентного) процессуального соглашения между арбитражным управляющим и конкурсным кредитором. В том случае, когда

---

<sup>1</sup> Подробнее о проблеме частных и публичных начал в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) изложено в работе С.А. Карелиной «Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством), – сфера взаимодействия частноправовых и публично-правовых средств» // Законодательство. 2008. № 8. С. 52-60.

управляющим пропущен срок исковой давности без уважительных причин, существует высокая вероятность использовать «второй шанс» в виде обращения уже конкурсного кредитора с подобным заявлением, поскольку у последнего срок давности может быть еще не истекшим. Нельзя отрицать тот факт, что Закон о банкротстве предусматривает возможность взыскания убытков с арбитражного управляющего за пропуск срока давности, однако это не является более выгодным, чем реализация оспаривания со стороны кредитора. При этом интерес в таком оспаривании сохраняется и у управляющего, и у самого конкурсного кредитора. Такая «процессуальная договоренность» приводит к нарушению баланса интересов сторон: появляется выбор между взысканием убытков с арбитражного управляющего или оспариванием сделки должника, в котором предпочтение отдается последнему, хотя эта ситуация никак не урегулирована нормой права.

Попробуем усомниться в том, что скрытые соглашения в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве относятся к институту процессуального соглашения. С этой целью проверим такое явление на рассмотренном выше примере на соответствие критериям соглашения.

Во-первых, скрытое соглашение изначально по своей сути находится вне поля видения иных лиц и арбитражного суда. Несомненно, арбитражный управляющий и конкурсный кредитор могут прийти к соглашению о «втором шансе» на оспаривание<sup>1</sup>, но пока такое соглашение не выражено вовне путем конкретного процессуального действия, оно существует лишь за пределами судопроизводства, то есть де-факто. В том случае, когда скрытое соглашение проявляется «де-юре», то есть путем обращения кредитора с заявлением об оспаривании сделки должника, оно все еще может оставаться в

---

<sup>1</sup> Нельзя отрицать тот факт, что в юридической науке и правоприменительной практике признается возможность аффилированности (заинтересованности) арбитражного управляющего как по всем вопросам, так и частично не только с должником, но и с кредиторами. См.: Никитин Е.О., Лютикова Е.С. Независимость арбитражных управляющих при проведении процедур несостоятельности (банкротства) // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2021. № 4 (23). С. 45-50.

процессуальной тени – никто из иных лиц и арбитражного суда не может знать о существовании такой договоренности. Между тем, в предмет такого латентного соглашения в деле о банкротстве входит перечень процессуальных прав и (или) способ их реализации.

Во-вторых, скрытое (латентное) соглашение также обладает критерием выраженной воли его субъектов: его можно считать состоявшимся в том случае, если имеется последствие такой договоренности о процессуальных правах в виде письменной формы, предъявляемое в арбитражный суд. При этом, как и для соглашений субъектов одной группы, характерной чертой будет являться письменная форма в виде процессуального документа, на основе которого инициируется обособленный спор в деле о банкротстве.

В-третьих, такое скрытое соглашение имеет процессуальную цель, но не процедурную (материальную). Да, рассматриваемый вид соглашения возникает по причине наличия материального требования, но само соглашение осуществляется строго по вопросу о его процессуальной реализации. В приведенном выше примере, в частности, латентное соглашение позволяет арбитражному управляющему «заимствовать» право кредитора на конкретное действие в рамках судопроизводства по причине «потери» такого права у самого управляющего. Такое заимствование, опять же, возможно лишь с согласия самого конкурсного кредитора. Легкость получения такого согласия и обусловлена единой для управляющего и кредитора процессуальной целью.

В силу приведенных доводов, усомниться в том, что подобное явление правовой действительности не относится к процессуальному соглашению невозможно. Между тем, обращаясь также к ранее установленным доктринальным положениям о природе процессуального соглашения очевидно, что оно не должно противоречить действующему законодательству и не должно нарушать права иных лиц. Однако, скрытое (латентное) соглашение в исследуемых обстоятельствах хоть формально и основано на норме законодательства о банкротстве, корреспондирующей такое право

кредитора на обращение в суд, тем не менее, может нарушать права и интересы должника.

В своей сущности скрытое (латентное) соглашение в рассматриваемом примере преследует собой цель попирания процессуального значения срока исковой давности требований, некий формально-законный способ избежать негативных последствий управляющим от своего бездействия за счет пользования правом другого субъекта. Б.М. Гонгало пишет: «закон гарантирует, что при обращении с иском о защите нарушенного права в течение срока исковой давности оно будет защищено. А с истечением этого срока утрачивается возможность принудительной защиты»<sup>1</sup>. Это свидетельствует о том, что исковая давность воспринимается как некий маркер для определения границ равенства участников гражданских процессуальных правоотношений: с одной стороны, устанавливается стимул для лица, чье право нарушено проявить осмотрительность в защите своих прав, с другой стороны – не проявляя должную заботу, лицо лишается права на защиту, что устанавливает баланс между интересами потенциального ответчика.

Возможность скрытого (латентного) соглашения о реализации права на оспаривание за счет конкурсного кредитора присутствует по причине спора о моменте течения срока исковой давности. В сжатом виде такая проблематика описывается как разница между моментом, с которого осмотрительный управляющий узнал о наличии оснований для оспаривания сделки и моментом, с которого конкурсному кредитору стали известны аналогичные обстоятельства. Конкурсный кредитор признается в таких случаях осведомленным об обстоятельствах с момента, наступающего гораздо позднее, чем арбитражный управляющий. В этом скрывается причина, по которой у арбитражного управляющего может истечь срок исковой давности, а для конкурсного кредитора он может еще длиться. При таких

---

<sup>1</sup> Гонгало Б.М. Признаки исковой давности и их отражение в законе // *Ex Jure*. 2021. № 3. С. 120-129.

обстоятельствах абсолютно логичным является стремление управляющего заключить скрытое (латентное) соглашение с таким кредитором, дабы не быть привлеченным к убыткам и разрешить вопрос о пополнении массы не за свой счет, а за счет оспаривания сделок должника. В научных работах отмечается, что подобная ситуация вредит кредитору, что сомнительно<sup>1</sup>. В большей степени, приведенное в пример скрытое (латентное) соглашение нарушает гарантированный законом баланс интересов сторон, а именно должника. Почему должник обязан претерпевать негативные последствия от искусственного продления сроков, созданного таким процессуальным соглашением? Рассмотрим то, как подобные ситуации решены в науке и правоприменительной практике.

Поддерживая идею о том, что бездействие арбитражного управляющего и пропуск им сроков исковой давности наносят вред интересам конкурсных кредиторов Д.А. Петров в своей работе выражает мнение: «в этом случае нарушенные интересы гражданско-правового сообщества, объединяющего всех кредиторов, могут быть восстановлены за счет взыскания убытков с конкурсного управляющего в размере, сопоставимом с размером переданного по недействительной сделке исполнения, подлежащего возврату в конкурсную массу»<sup>2</sup>. В настоящем исследовании анализируются принципиально разные условия: в приведенном примере скрытого (латентного) соглашения конкурсный кредитор, действующий по согласованным договоренностям наоборот, имеет возможность защиты своего права. В этой связи претерпевает негативные последствия только должник. Но вот с общим посылом мнения Д.А. Петрова о необходимости обратить взгляд законодателя на применении ответственности управляющего считаем необходимым согласиться. Идея о

---

<sup>1</sup> См.: Юрин А.В. Сроки оспаривания сделок должника в деле о банкротстве // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сб. науч. ст. М., 2019. С. 90-93.

<sup>2</sup> См.: Петров Д.А. Проблемы исчисления сроков исковой давности при оспаривании конкурсным кредитором сделок, совершенных должником, по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве // Арбитражные споры. 2018. № 2 (82). С. 89-96.

необходимости ограничивать действия кредиторов в вопросах о сроках исковой давности для достижения баланса с правами должника находит также свое подтверждение в работе Д.О. Османовой<sup>1</sup>.

В правоприменительной практике отсутствуют, либо затруднительны к поиску ситуации, при которых арбитражный суд давал бы в судебном акте оценку скрытому (латентному) процессуальному соглашению в случае искусственного продления сроков исковой давности, что может свидетельствовать о том, что суд не обращает внимание на обстоятельства нарушения прав должника в подобных ситуациях. Однако осмелюсь предположить, что отсутствие судебной оценки в данном случае говорит о том, что скрытые (латентные) процессуальные соглашения являются практически невозможными к идентификации за счет их формального соответствия нормам Закона о банкротстве о праве на оспаривание сделок конкурсным кредитором. В силу этого действующий в настоящий момент порядок судопроизводства по рассмотрению подобных требований ставится под сомнение. Существует судебная практика, которая фактически свидетельствует о применении судами иного порядка рассмотрения за счет дискреционных полномочий. В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 мая 2025 г. № 307-ЭС21-27840(7) по делу № А56-61659/2017<sup>2</sup>, были даны разъяснения о порядке и правилах рассмотрения заявления кредитора о взыскании убытков с арбитражного управляющего, причиненных в результате пропуска сроков исковой давности для оспаривания сделки должника. Эти разъяснения содержат ключевой для исследования вывод: кредитор, обращаясь с заявлением о взыскании убытков с арбитражного управляющего должен

---

<sup>1</sup> См.: Османова Д.О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 144-161.

<sup>2</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 мая 2025 г. № 307-ЭС21-27840(7) по делу № А56-61659/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28052025-n-307-es21-278407-po-delu-n-a56-616592017/> (Дата обращения: 16.01.2026).

доказать помимо прочего причинно-следственную связь между бездействием управляющего и наступлением убытков. В данном деле суд первой инстанции, отказывая в удовлетворении требований о признании сделки недействительной, применил не только самостоятельное основание для отказа в виде пропуска срока исковой давности, но и фактически рассмотрел спор по существу, указав, что даже если бы срок был не пропущен, оснований для признания такой сделки недействительной не было. Таким образом не только суд первой инстанции применил судебное усмотрение с целью предотвращения возможности будущего спора об убытках, но и вышестоящая инстанция подтвердила такое право суда и необходимость участников дела о банкротстве считаться с изложенными выводами дискреционного применения.

Рассмотренный пример и специфика скрытого (латентного) соглашения в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве позволяют выступить с предложением о законодательных поправках. В частности, о рассмотрении вопроса об отмене ныне действующего п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве, который предоставляет право оспаривания сделок должника конкурсному кредитору, чей размер требований составляет более 10 % общего размера кредиторской задолженности. В этом вопросе стоит заметить, что ранее, отечественное законодательство о банкротстве не предусматривало возможности кредиторам обращаться с требованием об оспаривании сделок должника, такое право было лишь у арбитражного управляющего. В последующем, право оспаривания было также адресовано кредиторам, но такая поправка была сделана по причине участвовавших случаев аффилированности. Речь идет о тех случаях, когда конкурсный процесс еще не знал повышенных стандартов доказывания по вопросу требований к должнику. Это позволяло «вводить» в процесс аффилированного с должником кредитора, зачастую мажоритарного характера, что позволяло устанавливать и «подконтрольного» управляющего. Современное нормативное регулирование давно устранило такую проблему, но норма, действующая в

нынешней редакции, стала фактически нарушать баланс между интересами сторон. Рассмотренный пример о взыскании убытков подтверждает такие мысли. Скрытое (латентное) соглашение является причиной дисбаланса: в случае, когда арбитражный управляющий пропустил сроки оспаривания, его халатность «прикрывается» правом кредитора.

Для иллюстрации выводов, которые будут выполнены по вопросу скрытых (латентных) соглашений, необходимо обратиться к еще одному их примеру.

Примером скрытого процессуального соглашения, который дает отправную точку для ответа на способ урегулирования описанного выше дисбаланса сторон, является пример с конструкцией норм, регулирующих согласие арбитражного управляющего на назначение в деле о банкротстве гражданина-должника. Согласно положениям Закона о банкротстве, производство по делу о несостоятельности (банкротстве) не может быть проведено без участия в деле арбитражного управляющего, при этом выбор саморегулируемой организации для утверждения такой кандидатуры может быть представлен собранию кредиторов, должнику или методом случайной выборки посредством реализации дискреционных полномочий арбитражного суда. С учетом специфики производства по делам о банкротстве, заключающейся в том, что в конкурентной борьбе за распределение конкурсной массы неплатежеспособного должника наряду с независимыми кредиторами, разумно рассчитывающими на погашение имеющейся перед ними задолженности, могут участвовать и заинтересованные (аффилированные) по отношению к должнику лица, обоюдный интерес которых состоит в сохранении имущества/активов должника за собой, сложившейся судебной практикой выработан правовой подход, направленный на обеспечение подлинной независимости управляющего, предотвращение потенциального конфликта интересов, на устранение всяких сомнений по поводу того, что управляющий, предложенный должником или связанным с ним лицом, в приоритетном порядке будет учитывать интересы последнего,

ущемляя тем самым права гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, о наличии у суда права определения кандидатуры арбитражного управляющего методом случайной выборки по аналогии с пунктом 5 статьи 37 Закона о банкротстве<sup>1</sup>. Исходя из описанных норм при наличии объективных сомнений в независимости арбитражного управляющего, арбитражному суду необходимо направить в саморегулируемые организации предложение о предоставлении соответствующей кандидатуры в дело о банкротстве. Арбитражный управляющий, изъявивший свое согласие на утверждение в деле о банкротстве, должен пройти судебную оценку с точки зрения соответствия своей кандидатуры на назначение в конкретное дело о несостоятельности. Можно ли отнести подобную ситуацию, к примеру, скрытого (латентного) процессуального соглашения, в деле о банкротстве?

Ранее в работе было определено, что сами по себе процессуальные соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) подчиняются и преследуют под собой достижение процессуальной цели, без которых само производство по делу может не состояться. Предметом такого процессуального соглашения является непосредственное согласие на порядок и форму реализации процессуальных прав. В вопросе выраженной воли и наличия как минимум двух субъектов для заключения подобного соглашения думается верным считать следующее.

Назначение арбитражного (финансового) управляющего в дело о несостоятельности (банкротстве) должника-гражданина в целом по природе является дискуссионным явлением. Примечательно, что, предоставляя должнику-гражданину право заявлять о выборе саморегулируемой организации из числа членов которой должен быть утвержден арбитражный управляющий, Закон о банкротстве фактически предусматривает возможность такому должнику заранее договориться с конкретным управляющим, в том

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 января 2023 года 5АП–22516/2022 по делу № А01-2647/2017. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bkDAaDDoE2Ya/> (дата обращения: 15.01.2026).

числе на платной основе, что может характеризовать их как аффилированных лиц. Будучи скрытым (латентным) процессуальным соглашением, в том случае, когда согласие арбитражного управляющего в деле о банкротстве гражданина совершено по заранее установленной договоренности, оно совершается между двумя субъектами, имеет прямое выражение воли, но их подлинная суть практически невозможна к установлению. В тоже время по причине скрытого характера соглашения, можно было бы считать, что подобное согласие – это ответ на предложение арбитражного суда максимально неопределенному перечню лиц. Необходимо учесть, что арбитражный суд является лишь органом, направляющим само судопроизводство и вряд ли может считаться участником (субъектом) какого-либо соглашения в цивилистическом процессе.

Современная правоприменительная практика также иллюстрирует способ борьбы со скрытым (латентным) соглашением в виде аффилированности согласия управляющего и должника. Ярким примером выступает обособленный спор в деле гражданки Е.С. Блиновской. Полагаем, что выводы, изложенные в результате анализа судебного акта вышестоящей инстанции для настоящего исследования, имеют существенное значение.

Как следует из отдельных положений Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-79097/2024, № 09АП-82749/2024, № 09АП-82754/2024 от 17 февраля 2025 г.<sup>1</sup>, принятого по результатам рассмотрения апелляционных жалоб Ассоциации Саморегулируемых организаций арбитражных управляющих Центрального федерального округа, ИП Е.С. Блиновской, А.В. Блиновского судом сделаны следующие выводы:

---

<sup>1</sup> См.: Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-79097/2024, № 09АП-82749/2024, № 09АП-82754/2024 от 17 февраля 2025 г. / Официальный сайт арбитражных судов // URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eda269d1-d44a-4647-875c-b4a579ccdfb8/ecf0ab66-1f6a-4f40-bafe-35f37cbfb602/A40-122102-2024\\_20250217\\_Postanovlenie\\_apelljacionnoj\\_instancii.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eda269d1-d44a-4647-875c-b4a579ccdfb8/ecf0ab66-1f6a-4f40-bafe-35f37cbfb602/A40-122102-2024_20250217_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 17.01.2026).

– процедуры банкротства носят публично-правовой характер, который может предполагать принуждение меньшинства кредиторов большинством, при этом «воля сторон формируется по другим, отличным от искового производства, принципам»;

– достижение публично-правовой цели обеспечивает независимый арбитражный управляющий, компетентный и добросовестный. При наличии у суда существенных и обоснованных сомнений в обладании арбитражным управляющим перечисленных качеств, суд посредством дискреционных полномочий может отклонить кандидатуру арбитражного управляющего, заявленную должником или иной группой лиц;

– арбитражный управляющий может быть зависим от конкретного субъекта, с которым вступает в договоренности. В этом случае, устранение такой зависимой кандидатуры имеет смысл в том числе для предотвращения будущих конфликтов и жалоб.

Хоть в подобном случае судом и предпринята попытка провести идентификацию скрытых (латентных) соглашений в рамках арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве, считать такую попытку успешной можно с затруднением. Прежде всего, анализируя множество судебных актов по данному делу, невозможно найти ответ на вопрос какие же признаки, обстоятельства и доказательства приняты судом в качестве обоснованных сомнений в кандидатуре заявленного должником арбитражного управляющего. Сомнительным видится применение к скрытому (латентному) процессуальному соглашению критерия о возможности принуждения и преодоления воли сторон путем судебной дискреции. С одной стороны, отрицать такое явление в современной правовой действительности нельзя. Банкротство – живой процесс, развивающийся гораздо быстрее юридической доктрины. Однако общие положения едины для всех отраслей. В этой связи убежден, что категория принуждения сторон путем преодоления их воли все-таки более относима именно к процессуальным сделкам, а не соглашениям в деле о банкротстве.

С учетом сказанного стоит обратить внимание на отдельные положения Федерального закона от 26 июля 2026 года № 253-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>1</sup>. Положения статьи 1 указанного нормативного правового акта предусматривают изменение порядка регистрации, учета и назначения арбитражных управляющих на процедуру несостоятельности (банкротства). В частности, законодателем вводится определенная градация саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. Такое деление на три основных группы подразумевает назначение арбитражных управляющих на те процедуры банкротства, которые соотносятся по уровню сложности к компенсационному фонду и иным показателям как саморегулируемых организаций, так и самих управляющих.

Кроме того, существенно увеличивается размер компенсационного фонда саморегулируемых организаций: пятьдесят миллионов рублей для первой группы, сто миллионов рублей для второй группы, четыреста миллионов для третьей группы. Перечисленные поправки коррелируют с положениями, которые касаются скрытых (латентных) процессуальных соглашений:

– во-первых, для полноценного и эффективного устранения ситуации искусственного продления процессуальных сроков для оспаривания сделки должника за счет подачи заявления кредитором, необходимо применение не только судебной дискреции, но и проработка порядка погашения убытков за счет компенсационного фонда. Перечисленные поправки в законодательство о банкротстве фактически создают основу для нивелирования скрытого процессуального соглашения между кредитором и арбитражным управляющим за счет более оптимального способа защиты: существенно

---

<sup>1</sup> См.: Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2026. № 30. Ст. 4812.

увеличенный компенсационный фонд позволит обращаться сразу за взысканием убытков, причиненных бездействием управляющего, вместо использования скрытого соглашения для обхода негативных последствий от нарушения управляющим своих обязанностей;

– во-вторых, активное применение балльно-рейтинговой системы при назначении арбитражного управляющего позволит сократить до минимума случаи аффилированности последнего с должником или кредитором за счет двух основных причин. Первой из таких причин является императивно обособленный порядок назначения – для конкретной группы должника необходимо членство арбитражного управляющего в соответствующей саморегулируемой организации.

Вторая причина – повышенный уровень ответственности самих саморегулируемых организаций. Так, при осуществлении выплат из компенсационного фонда за нарушения, допущенные в процедуре банкротства арбитражным управляющим, саморегулируемой организации потребуется разрешить вопрос о восполнении фонда, с целью сохранения своей группы, либо о переходе в более низкую группу, либо вообще о ликвидации.

С учетом сказанного, прослеживается стремление законодателя исключить возможности для скрытых процессуальных соглашений в процедурах несостоятельности (банкротства), путем повышения уровня ответственности и прозрачности конкретных действий. Продолжая размышления, для скрытых (латентных) процессуальных соглашений думается очевидным выделить обособленные признаки, которые выходя за границы ранее установленных критериев.

Скрытое соглашение в судопроизводстве по делам о банкротстве должно существовать де-юре, то есть обязательно иметь выраженную процессуальную форму путем конкретного активного процессуального действия. Существование латентного соглашения в пространстве условном

(де-факто), как правило, не несет для судопроизводства определенных последствий.

Скрытое соглашение в судопроизводстве по делам о банкротстве характеризуется недобросовестной целью – попыткой искусственного преодоления основополагающих принципов отправления правосудия и гарантированных каждому участнику спора прав.

Несмотря на полное соответствие критериям, отличающим процессуальное соглашение от процессуальной сделки, скрытое (латентное) соглашение не должно существовать в правоприменительной практике и действительности.

Такое соглашение практически невозможно идентифицировать с целью доказывания его несоответствия добросовестности, оно находится за гранью видимой процессуальной материи. В качестве инструмента борьбы с таким соглашением в настоящее время используется судебная дискреция, однако наиболее верным и эффективным способом будет являться удаление норм, способствующих их появлению: будь то пример с отказом от наделения кредитора правом оспаривания сделки и перевода его интересов на взыскание убытков, так и пример с согласием арбитражного управляющего – установление для всех категорий должников назначение управляющего путем случайной выборки.

Обобщая полученное знание, следует констатировать, что скрытое (латентное) соглашение – это процессуальное соглашение в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве), имеющее в структуре своего предмета согласованную волю о способе реализации процессуальных прав и обязанностей, имитируемом под иное процессуальное действие одного либо всех участников соглашения.

### **2.3. Темпоральность процессуальных соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)**

Определив, что одним из факторов влияния на процессуальные соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) является судебная дискреция, необходимо обратить внимание на третий фактор – темпоральность таких соглашений. Действие соглашений во времени, как и ранее перечисленные критерии, позволяет провести границу между процессуальным соглашением и процессуальной сделкой с точки зрения отражения результата соглашения в судебном акте.

Такой фактор влияния на процессуальные соглашения как «время» не рассматривается в доктрине с позиции последствий, которые он оказывает на само соглашение. Так сложилось, что эта категория отнесена более к процессуальным срокам, к течению самого процесса. Однако это не отменяет того, что в судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве) темпоральный фактор может иметь существенное значение.

Рассуждая о процессуальных сроках и сроках гражданского процесса, В.Н. Протасов говорит, что «временной параметр должен соответствовать общей системной природе процедуры: времени должно быть достаточно, причем ровно столько, сколько это необходимо для всех аспектов жизнедеятельности процедурной формы»<sup>1</sup>. Д.А. Фурсов, в качестве одного из критериев эффективности гражданского судопроизводства выделял своевременность рассмотрения споров<sup>2</sup>.

Е.В. Любимова, М.Г. Суханова, описывают, что процедура банкротства представляет собой временной промежуток, в течение которого совершаются все необходимые и разнообразные действия большого числа субъектов

---

<sup>1</sup> Протасов В.Н. Теоретические основы правовой процедуры: дис ... докт. юрид. наук. М., 1993. С. 397.

<sup>2</sup> См.: Фурсов Д.А., Харламова И.В. Теория правосудия. М., 2009. Т. 1. С. 149-167 (автор главы – Д.А. Фурсов)

правоотношений. При этом, сама процедура банкротства характеризуется как длящаяся<sup>1</sup>.

А.А. Титков рассматривает процессуальные сроки в делах о банкротстве, обобщает их специфику и предлагает варианты оптимизации процессуального времени в делах о несостоятельности (банкротстве). Автор также отмечает, что ранее существовала позиция, выраженная в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 14 июня 2001 года № 64 «О некоторых вопросах применения в судебной практике Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которая сводилась к определению сроков процедуры банкротства, исходя из фактических обстоятельств дела<sup>2</sup>.

Оценивая некоторые перспективы модернизации банкротного процесса, руководствуясь временными затратами, В.Ф. Попондопуло отмечает, что введение в отношении должника одной из процедур, предусмотренных Законом о банкротстве, а именно выбор такой процедуры, должен зависеть от самого должника и кредиторов<sup>3</sup>.

Н.Г. Елисеев, раскрывая вопрос о действии процессуальных договоров утверждает, что они имеют субъективный и объективный характер. Под первым он понимает действие процессуального договора в зависимости от их лиц, а под объективным – в силу тех материальных правоотношений, которые возникают в результате<sup>4</sup>.

Использование категории «время» относительно процессуальных соглашений иллюстрируется во многом исключительно с позиции своевременного отправления правосудия, во всем остальном указанный элемент рассматривается под призмой процессуальных сроков, отраженных в

---

<sup>1</sup> См.: Любимова Е.В., Суханова М.Г. Темпоральные нормы института банкротства // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 3. С. 240-251.

<sup>2</sup> См.: Титков А.А. Проблемы процессуальных сроков по делам о банкротстве // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 1. С. 269-275.

<sup>3</sup> См.: Попондопуло В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 1. С. 44-52.

<sup>4</sup> См.: Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 41.

действующем законодательстве. Между тем, для целей настоящего исследования, временные последствия будут рассмотрены как фактор влияния на соглашения, в том числе с опорой на процессуальные сроки.

О.Н. Шеменева в своей работе затронула вопрос о временных последствиях чуть шире. Она разделила процессуальное соглашение на момент достижения согласия между сторонами по поводу его заключения и на момент наступления правовых последствий от утвержденного или принятого соглашения, указав на то, что между этими составляющими может пройти значительное время, в результате чего это может повлиять в целом на заключение такого соглашения<sup>1</sup>. В.Г. Голубцов, исследуя темпоральные коллизионные нормы пишет: «Правоотношения не могут возникать, изменяться и прекращаться вне физического времени. Темпоральность права непосредственно связана с необходимостью точного установления правовых норм, подлежащих применению к конкретным субъектам права, их правам и обязанностям, возникшим или существующим в определенное время»<sup>2</sup>.

Обобщая в широком спектре приведенные взгляды, в которых отражена временная составляющая, следует сказать, что для специфики самих дел о несостоятельности (банкротстве), формальной классификацией будут являться разделение временных последствий (сроков), на установленные Законом о банкротстве и АПК РФ, и временное понимание, излагаемое в юридической доктрине. Например, классическим примером сроков, установленных законодательством, будет являться срок проведения собрания кредиторов, как коллективного органа. По результатам процедуры наблюдения в деле о банкротстве юридического лица, собрание кредиторов может принять обоюдное согласованное решение о применении к должнику процедуры конкурсного производства, или внешнего управления, или

---

<sup>1</sup> См.: Шеменева О.Н. Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Воронеж, 2017. С. 50-54.

<sup>2</sup> См.: Голубцов В.Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами // Российский юридический журнал. 2022. № 1 (142). С. 20-33.

финансового оздоровления, в зависимости от экономического состояния банкрота в конкретной ситуации. В этом случае временным последствием такого решения будет являться введение в отношении должника соответствующей процедуры на срок, прямо предусмотренный законодательством, например, на 6 месяцев. Говоря о темпоральности как о факторе влияния на процессуальное соглашение в деле о банкротстве стоит отметить, что подобная категория воспринимается не через призму коллизионных норм, а через существование таких соглашений в процессуальном времени. Рассмотренный ранее пример скрытого (латентного) процессуального соглашения при наложении на темпоральный фактор, позволяет четко понять, что такое соглашение искусственно позволяет продлить возможность существования процессуальных прав и обязанностей в деле о банкротстве, несмотря на истечение срока давности. Как уже было отмечено в исследовании, заключая скрытое (латентное) процессуальное соглашение, его стороны преследуют такую цель, которая по своей характеристике может нарушать баланс интересов в рамках процедуры банкротства. Побуждением к заключению такого соглашения является как раз временной фактор. К примеру, скрытое соглашение между кредитором и управляющим по подаче заявления об оспаривании сделки должника, побуждается в том числе с целью продлить время существования права на оспаривание, которое одним лицом уже пропущено.

Е.В. Васьковский, воспринимавший процессуальные соглашения более широко также упоминал, что существуют процессуальные соглашения в виде соглашения по фактическим обстоятельствам, например, достигнутое в процессе соглашение об отложении судебного заседания, о назначении эксперта<sup>1</sup>. Можно сказать, что временные последствия от таких договоренностей выражаются в их краткосрочном, быстром периоде принятия и согласования, практически одномоментно в рамках одного процесса.

---

<sup>1</sup> См.: Васьковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. М., 1917. С. 182-183.

Тем не менее за, казалось бы, обыденным и общенаучным пониманием временных последствий, в рамках банкротного процесса скрывается достаточно серьезная проблематика.

Как отмечает О.В. Исаенкова, «...фундамент судебного разбирательства по гражданским делам составляет особая гражданская процессуальная форма<sup>1</sup>». В свете этой мысли отметим: в ходе исследования неоднократно упоминалось, что процессуальное соглашение в деле о банкротстве должно быть выражено в самом процессе. Это умозаключение не является новым, поскольку в целом юридической доктрине общеизвестно, что любая договоренность является следствием активных действий сторон. Договариваться и не воплощать договоренность – бессмысленно. Это правило распространяется и на процессуальные соглашения в деле о банкротстве – независимо от вида такого соглашения оно должно быть активно проявлено в процессе. Возвращаясь к мысли О.Н. Шеменевой, очевидно, что для процессуальных соглашений существует отправная точка – «соглашение де-факто», еще не выраженное путем активного действия, и следствие – де-юре, соглашение, выраженное и влияющее на процесс рассмотрения спора о несостоятельности (банкротстве). Следовательно, в структуре соглашения существует временной отрезок: темпоральность, выраженная между де-факто и де-юре такого соглашения. Исходя из подобных выводов, настаиваю, что для процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве отличительной чертой является длящийся характер, что позволяет отнести их к категории долгосрочных процессуальных соглашений. При этом, под долгосрочностью процессуального соглашения в деле о банкротстве предлагается понимать следующее.

Д.В. Князев пишет: «Для того, чтобы процессуальное соглашение приобрело статус юридического факта, влияющего на процессуальные

---

<sup>1</sup> Исаенкова О.В. Пределы коррекции гражданской процессуальной формы // В сборнике: Судебная защита прав предпринимателей. сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Тверь. 2021. С. 53.

правоотношения (а в некоторых случаях и на материальные), необходимо его утверждение юрисдикционным органом»<sup>1</sup>. Несмотря на то, что доказанный факт существования скрытых (латентных) процессуальных соглашений в деле о банкротстве опровергает это утверждение, в вопросе момента появления соглашения с этим утверждением можно частично согласиться: отправной точкой для его существования в процессе является то время, когда подобное соглашение находит в нем свое заявление. При этом оно может быть выражено опосредованно, то есть не обязательно в форме конкретного самостоятельного документа. К примеру, ранее рассмотренное соглашение о консолидации требований заявляется в самом содержании заявления о признании должника банкротом. В отличие от иных соглашений в рамках цивилистического процесса, соглашения в деле о банкротстве нельзя считать реализованными в моменте их заявления. Напротив, конечная задача таких соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве) – это движение процесса до его итогового выражения, то есть удовлетворения требований кредиторов по итогам завершения процедуры.

Можно исследовать абсолютно любой упомянутый пример соглашений через призму темпоральности: процессуальное соглашение кредиторов о совместном обращении в суд с заявлением реализуется путем подачи заявления, утверждением такого соглашения будет являться судебный акт – признание требований обоснованными и введение наблюдения (или признание гражданина банкротом). Соглашение о кандидатуре арбитражного управляющего также носит заявительный характер и находит отражение в судебном акте. Последствия таких процессуальных соглашений всегда длящиеся: они затрагивают не только процессуальные права субъектов соглашения, но и права, интересы всех участников дела о банкротстве. Подобные последствия всегда объемны, они влияют на всю процедуру и завершаются при завершении самого процесса банкротства. Это

---

<sup>1</sup> Князев Д.В. Характерные черты процессуального соглашения, его виды // Российское правосудие. 2014. № 4 (96). С. 34-40.

координируется и с общей характеристикой судопроизводства о несостоятельности (банкротстве), как о наборе процедур<sup>1</sup>. Общим признаком для длящегося характера процессуальных соглашений будет являться то, что результаты любого из таких соглашений будут отражены в судебном акте в рамках дела о банкротстве.

Как было ранее отмечено в настоящем исследовании, между процессуальным соглашением и процессуальной сделкой существует определенное отличие. Кроме того, неоднократно затрагивался вопрос о мировом соглашении в деле о банкротстве. Стоит дать ответ на ранее поставленные вопросы о том, относится ли мировое соглашение к процессуальному в деле о банкротстве, является ли оно мировым и проиллюстрировать как темпоральный фактор позволяет разграничить процессуальные соглашения и явление иного порядка.

Мировое соглашение в рамках дела о несостоятельности (банкротстве) отнесено законодателем к категории процедуры. Законом о банкротстве установлен закрытый перечень процедур, путем проведения которых достигаются основные цели и задачи современного банкротства: наблюдение, внешнее управление, финансовое оздоровление, конкурсное производство, реализация имущества, реструктуризация и мировое соглашение. Примечательно, что каждый из вышеназванных терминов раскрывается в Законе о банкротстве как набор определенных средств и способов, конечным результатом которых является либо восстановление, либо ликвидация должника как субъекта экономической деятельности.

Важно, что цель мирового соглашения в деле о банкротстве трактуется именно как фактическая реабилитация должника, последствием которой является прекращение производства по делу. Об этом также упомянуто в

---

<sup>1</sup> Банкротство воспринимается в том числе с точки зрения последовательной смены процедур для достижения конечного эффекта: погашения требований кредиторов. Существуют позиции, которые воспринимают банкротство как особый вид исполнительного производства. См.: Файзуллин Р.В. Категория должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии. М., 2022. С. 504.

Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 сентября 2023 г. № 308-ЭС20-3526 (9,10,12-14) по делу № А32-26161/2019, где разъяснялось, что мировое соглашение не должно выполнять задачу исключительно в виде прекращения производства по делу, оно должно создавать реабилитационный паритет между должником и кредиторами<sup>1</sup>. Верховный Суд РФ фактически указал судам на то, что прекращать производство по делу лишь на том основании, что большинством кредиторов достигнуто соглашение с должником нельзя, необходимо и второе условие – экономическая обоснованность такого соглашения.

Рассуждая о целях конкретных процедур банкротства, необходимо учитывать, что сам Закон о банкротстве раскрывает только смысловое содержание понятий, не давая конкретного определения самому термину «процедура». Если обратиться к общей трактовке понятия «процедура», то она определяется как официальный порядок действий, выполнения, обсуждения чего-либо<sup>2</sup>. Применимо к специфике несостоятельности (банкротства), помимо общепринятого смысла термина «процедура», закон разграничивает их непосредственно по достигаемой цели, что и делает официальный порядок каждого процесса отличным друг от друга.

Законом о банкротстве предусматривается возможность заключения мирового соглашения на любой стадии процесса. Стоит отметить, что в п. 3 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2005 г. № 97<sup>3</sup> указано, что заключение мирового соглашения может быть произведено не ранее проведения первого собрания кредиторов. Исходя из анализа положений Закона о банкротстве следует, что возникновение права на заключение

---

<sup>1</sup> См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 сентября 2023 г. № 308-ЭС20-3526(9,10,12-14) по делу № А32–26161/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> См.: Ожегов И. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С.602.

<sup>3</sup> См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2005 г. № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

мирового соглашения зависит от двух факторов – статуса заявителя и конкретной процедуры банкротства. В случае обращения с заявлением об утверждении мирового соглашения со стороны кредиторов, такое заявление может быть подано не ранее чем после первого собрания кредиторов, поскольку именно в ходе такого собрания предоставляется возможность для обсуждения всех взаимных договоренностей. Если же расценивать норму закона, без учета упомянутых разъяснений ВАС РФ, следует, что мировое соглашение возможно к заключению даже после принятия заявления должника о банкротстве к производству. В этом раскрывался бы смысл мирового соглашения как процедуры. Однако такое соглашение, исходя из ранее рассмотренной специфики, не может быть заключено поскольку арбитражный суд не сможет проанализировать необходимость судебного преодоления, но также не сможет проверить законность и обоснованность статуса самого кредитора или должника, так как фактически не изучил обоснованность самого заявления о банкротстве. В силу этого, исходя из императивного правила о возможности заключения мирового соглашения в деле о банкротстве только после проверки обоснованности заявления должника и применении к нему процедуры, которой мировое соглашение еще быть не может.

Также необходимо учитывать и ряд ограничений и специфических требований к заключению мирового соглашения в зависимости от процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Такие существенные ограничения прямо поименованы в Главе VIII Закона о банкротстве. Если же мы обратимся к анализу права на обращение со стороны должника, то оно может возникать независимо от собрания кредиторов. Законодатель наделил должника возможностью самостоятельного обращения в арбитражный суд с подобным заявлением в рамках любой процедуры банкротства. Однако важно понимать, что временной фактор в этом случае также присутствует. Например, положения статьи 213.10-1 и пункта 2 статьи 213.8 образуют такую ситуацию, при которой должник-гражданин вправе обратиться в суд с заявлением об

утверждении мирового соглашения не ранее истечения срока для включения в реестр требований кредиторов. Приведенные примеры являются абсолютно логически обоснованными с точки зрения действия нормы права: мировое соглашение подразумевает под собой компромисс между сторонами и не может существовать в отрыве от субъектного состава. Однако такой вывод свидетельствует и еще об одном важном моменте – само по себе мировое соглашение в деле о банкротстве имеет место быть только в рамках уже примененной конкретной процедуры банкротства. Иными словами, если воспринимать мировое соглашение как процесс, которому присущи признаки иных процедур, то в таком случае предполагается возможным применение мирового соглашения еще на этапе проверки обоснованности заявления о признании должника банкротом, что будет прямо противоречить и вступать в конфликт с положениями главы VIII Закона о банкротстве. Таким образом первым отличительным признаком мирового соглашения является то, что эта процедура существует в рамках иных процессов, взаимосвязана с ними и самостоятельно существовать не может.

Определив принцип зависимости мирового соглашения и иных процедур, применяемых в деле о банкротстве, необходимо вернуться к вопросу о целях компромисса между должником и кредиторами. Как было ранее сказано, эта цель воспринимается во взаимосвязи достижения договоренностей и прекращения производства по делу, как фактического результата. С.А. Курочкин утверждает, что «...процессуальные соглашения в целом по своей природе воспринимаются через призму свободного заключения сторонами таких соглашений, связанных с процессом, и дальнейшее признание судом за такими соглашениями свойств юридических фактов...»<sup>1</sup>. Говоря о мировом соглашении в деле о банкротстве, следует понять к какой категории относится этот термин: процедура, процессуальное соглашение или процессуальная сделка? Ответить на поставленный вопрос

---

<sup>1</sup> Курочкин С.А. Соглашения в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 52-72.

помогает темпоральный фактор. Если воспринимать мировое соглашение в деле о банкротстве как процедуру, то ее существенным и главным признаком, который был определен ранее, будет являться цель. Если же трактовать этот термин как процессуальное соглашение, то главным отличительным признаком будет являться набор всех критериев классификации. Между тем, мировое соглашение преследует две группы целей, наиболее выраженная из которых – процедурная (материальная). Также мировое соглашение может преобразовываться в локальный план реструктуризации. Для такого преобразования требуется судебная дискреция. Наличие процедурной цели свидетельствует о содержании в подобном соглашении не только процессуального, но и материального права. Это дает возможность с уверенностью отнести такое соглашение к межотраслевой форме, поскольку им регулируется не только вопрос материального права, но и процессуального. Однако становится очевидным, что мировое соглашение в своем содержании может иметь факт наличия судебного преодоления. Обзор судебной практики по делам о несостоятельности (банкротстве) за 2023 год, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 15 мая 2024 г.<sup>1</sup>, подробно описал случаи участия арбитражного суда при заключении мирового соглашения при банкротстве граждан. В частности, было указано, что в случае отказа кредитора от заключения мирового соглашения без разумных причин, суд вправе по своей инициативе утвердить такое мировое соглашение без согласия иных кредиторов, например, по обязательству, обеспеченному ипотекой единственного жилья. Это позволяет сделать второй ключевой вывод: мировое соглашение может разрешать по существу разногласия не только среди всех кредиторов и должника, но и только между отдельным кредитором и должником. Иными словами, любая из иных процедур несостоятельности (банкротства) несет в себе завершающую цель, которая будет применяться ко

---

<sup>1</sup> См.: Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

всем участникам дела о банкротстве. Например, завершение процедуры конкурсного производства несет в себе правовое последствие в виде ликвидации должника и возможного расчета с кредиторами. Этот результат будет являться конечным и порождать последствия для всех лиц. Однако если рассматривать процедуру реализации имущества должника, в рамках которой заключено отдельное мировое соглашение с конкретным кредитором, то итоговые последствия для сторон будут разными: при завершении процедуры реализации имущества наступит освобождение от исполнения обязательств перед всеми кредиторами, кроме того, с которым у должника заключено мировое соглашение. Таким образом процедура мирового соглашения в деле о банкротстве может порождать неравенство сторон, двойственный результат от банкротства должника, что является вторым признаком, отличающим мировое соглашение от иных процедур. Определив признаки зависимости и двойственности результата, следует проанализировать третий ключевой фактор в природе мирового соглашения как процедуры – возможность его расторжения в судебном порядке. Относя мировое соглашение именно к разряду процедур, законодатель вроде бы автоматически придает такой сделке сугубо процессуальный характер, одновременно с этим противореча самому себе в части закрепления нормы о порядке расторжения мирового соглашения как сделки. Каждая из ранее упомянутых процедур несостоятельности (банкротства) завершается определенным видом судебного акта – определением арбитражного суда. Это определение содержит в себе полную и достоверную информацию об итогах процедуры банкротства, снимает ранее наложенные ограничения, освобождает арбитражного управляющего от исполнения обязанностей. В случае утверждения мирового соглашения в рамках одной из процедур в деле о банкротстве, арбитражным судом также выносится судебный акт в виде определения. Закон о банкротстве предусматривает возможность расторжения такого соглашения в судебном порядке, что отличает мировое соглашение не только от процедур

банкротства, но и дает основания предполагать присутствие в нем материально-правовой составляющей.

Основываясь на приведенных доводах, для процедуры в деле о банкротстве характерны следующие признаки:

– полноценность, которая выражается в применении к должнику конкретных мер, направленных на достижение конечной цели и порождение юридических последствий для всех участников процесса

– процессуальное оформление, которое заключается в вынесении итогового судебного акта по результатам каждой процедуры, подлежащего исключительно обжалованию, но не расторжению.

Мировому соглашению присущи признаки зависимости, двойственности результата по отношению к участникам дела о банкротстве, наличие признаков процессуальной сделки (возможность расторжения). Все процедуры в деле о несостоятельности (банкротстве) подразделяются на восстановительные (реабилитационные) и ликвидационные. Восстановительные процедуры понимаются как совокупность реабилитационных мероприятий, направленных на комплексное проведение условий функционирования компании в соответствие с изменяющимися условиями рынка и выработанной стратегией ее развития<sup>1</sup>. Также под реструктуризацией понимается процесс восстановления платежеспособности должника за счет изменения структуры активов самого должника, его реорганизации, иных изменений капитала, что в свою очередь позволяет привести компанию к платежеспособности<sup>2</sup>. Примечательно, что в немецкой правовой доктрине, вопросу восстановления платежеспособности уделяется

---

<sup>1</sup> См.: Мазур И.И., Шапиро В.Д. и др. Реструктуризация предприятий и компаний М., 2007. С. 20.

<sup>2</sup> См.: Директива № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности)» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 20.06.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

наиболее существенное, можно сказать, первостепенное значение. Например, немецкий подход по оптимизации активов должника воспринимается как эффективный метод, в результате которого предприятие сохраняется как имущественный комплекс со всеми присущими мощностями, что делает возможным погашение требований кредиторов и сохраняет экономическую выгоду для самого государства<sup>1</sup>. Применимо к российской правовой действительности, процедуры несостоятельности (банкротства) зачастую становятся ключом к ликвидации должника – гораздо проще и менее затратно реализовать все активы, а непогашенную часть задолженности «списать» при наличии добросовестности должника. Исходя из положений Закона о банкротстве, инструменты восстановления платежеспособности разделены на обширный перечень процедур. Темпоральный фактор, влияющий на процессуальную материю соглашений, показывает, что мировое соглашение представляет собой такую конструкцию, действие которой выходит за рамки судопроизводства по делам о банкротства. Иными словами, если провести параллель между процедурой реструктуризации и мировым соглашением, становится очевидным, что первая – длится в ходе самого производства по делу и регламентируется максимально возможными сроками для плана реструктуризации. В свою очередь, мировое соглашение, если рассматривать его как процедуру, должно также находиться под наблюдением арбитражного суда до ее исполнения. Однако временные последствия от утверждения такого соглашения фактически выходят за границы банкротного процесса – утвержденное мировое соглашение становится основанием для прекращения производства по делу. В.В. Ярков отмечает, что мировое соглашение может рассматриваться как процедура банкротства и как юридический факт. При этом как юридический факт оно подчиняется общей догме юридической науки – представляет собой гражданско-правовую сделку, создает (изменяет) сложившиеся ранее правоотношения. Как процедура, мировое соглашение

---

<sup>1</sup> См.: Налбандян Е.Л. Мировое соглашение как реабилитационная процедура в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2023. С. 350-355.

прекращает производство по делу, а исполнение обязательств и условий такого соглашения остается в границах добросовестности сторон<sup>1</sup>. Думается обоснованным дополнить указанный подход о мировом соглашении, как процедуре с другой точки зрения. Мировое соглашение в деле о банкротстве в понимании процедуры – это процессуальная сделка, сочетающая в себе процессуальный и материальный аспекты. Мировое соглашение не может выступать в качестве процедуры, поскольку конечный результат от такой сделки не отражается в судебном акте и выходит за границы судопроизводства по делу о банкротстве, что не характерно для процессуального соглашения. Темпоральность процессуального соглашения подразумевает под собой, что такое соглашение заключается в процессе рассмотрения дела о банкротстве, его результат конкретен и отображен в судебном акте. Как фактор, позволяющий разграничивать соглашение и сделку в деле о банкротстве, темпоральность подчиняется условию обязательного присутствия в процессуальном соглашении и вариативности присутствия в процессуальной сделке. Так, к примеру, темпоральность (выраженность результата в судебном акте в границах судопроизводства по делу о банкротстве) может наблюдаться в ином виде процессуальной сделки – процедуре реструктуризации. Но такое присутствие может нивелироваться невозможностью исполнения плана. Для процессуального соглашения, наоборот, возможность исключения темпоральности не предусматривается. Таким образом темпоральность процессуального соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве) – это один из признаков процессуального соглашения, характеризующийся влиянием на процессуальные правоотношения сторон в рамках судопроизводства по делу о банкротстве и детерминирующий обязательное отражение результата такого соглашения в судебном акте.

---

<sup>1</sup> См.: Ярков В. В. Мировое соглашение в конкурсном производстве // Юрист. 2002. № 11. С. 36.

### **ГЛАВА 3.**

## **РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)**

Последствия взаимовлияния материального и процессуального права на структуру процессуального соглашения.

Исследуя процессуальные соглашения в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве, определив их критерии и факторы влияния, отличие от процессуальных сделок, нельзя не затронуть проблематику их реализации. Как и в цивилистическом процессе, юридической доктрине, так и в рамках судопроизводства по делам о банкротстве, дискуссия между процессуальным и межотраслевым характером соглашений присутствует. Существующую полемику усиливает не только доктринальное многообразие мнений, но и законодательная неопределенность.

Тонкая грань, которая существует между процессуальным и материальным правом в деле о банкротстве в отдельных случаях практически стирается, образуя такие правовые явления, которые сложно классифицировать и отнести к определенному виду соглашений в деле о банкротстве. Так, определив, что для процессуального соглашения в арбитражном судопроизводстве характерно наличие определенных признаков, одним из которых является достижение согласия о способе реализации процессуальных прав, возникает вопрос о том, как быть со случаями, когда явление отвечает всем критериям процессуального соглашения, но дополнительно разрешает вопрос о материальных правах. Рассмотрим несколько конкретных примеров таких ситуаций.

Одним из инструментов управления банкротным процессом, являются решения собрания кредиторов. С.В. Одинцов рассуждая о правовой природе собрания кредиторов утверждает, что такое собрание является «специальным субъектом», поскольку субъектом гражданского права оно не является в силу прямого отсутствия в перечне, а конкурсное производство по своей природе

является комплексным институтом, который включает в себя нормы различных отраслей права<sup>1</sup>. В свою очередь, Г.Ф. Шершеневич утверждает об обратном: его позиция по вопросу правовой природы собрания кредиторов характеризуется отрицанием вообще какого-либо статуса у данного понятия, поскольку подобное собрание не обладает правами, коих не может быть у каждого кредитора, взятого в отдельности<sup>2</sup>. Закон о банкротстве не содержит понятия термина «собрание кредиторов», в его содержании присутствует лишь указание на тот перечень лиц, которые могут принимать участие в самом собрании, голосовать по его повестке. В частности, к таким лицам законом отнесены конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, требования которых включены в реестр требований кредиторов. Дополнительно предусматривается возможность участия и иных лиц, например, представителей работников должника, представителей учредителей должника и прочие. Примечательно, что в Постановлении Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 сентября 2005 г. собрание кредиторов поименовано как «коллегиальный орган управления должником»<sup>3</sup>. Аналогичной позиции придерживается и М.Х. Илистинова, С.В. Одинцов<sup>4</sup>.

Н.В. Фомичева, исследуя указанное явление, пишет: «Собрание кредиторов как гражданско-правовое сообщество обладает общностью целей в виде защиты имущественных интересов его участников. В отличие от иных гражданско-правовых сообществ, которые вправе собирать собрания, решения которых являются основанием возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, (хозяйственных товариществ и обществ, некоммерческих организаций) собрание кредиторов представляет собой

---

<sup>1</sup> См.: Одинцов С.В. Гармонизация регулирования трансграничного банкротства в странах ЕС: сб. ст. междунар. научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского. М., 2014. С. 116.

<sup>2</sup> См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М., 2014. Т. IV. 321 с.

<sup>3</sup> См.: Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 сентября 2005 г. по делу № Ф04-448/2005(15179-А75-21) // URL: <https://base.garant.ru/18798527/> (дата обращения: 20.01.2026).

<sup>4</sup> См.: Илистинова М.Х., Одинцов С.В. Особенности оспаривания решений собрания кредиторов // Имущественные отношения в РФ. 2017. № 9 (192). С. 34-44.

неправосубъектное образование, поскольку не является самостоятельным субъектом права. Следовательно собрание кредиторов выступает как орган всех кредиторов, который формирует волю данного сообщества и выражает ее в виде решения. Само же решение собрания кредиторов является самостоятельным юридическим фактом, порождающим определенные гражданские права и обязанности, как для самих кредиторов, так и для должника»<sup>1</sup>. А.В. Габова указывает: «Кумулятивное голосование – это институт, возникший в процессе поиска путей и способов совершенствования избирательных процессов для целей обеспечения представительства в выборных органах меньшинства (обратим внимание, не просто для обеспечения интересов меньшинства, а именно для гарантии его представительства в соответствующем выборном органе). Эта изначальная целевая функция данного института обеспечила его востребованность и в корпоративных отношениях, где конфликтный потенциал взаимоотношений большинства и меньшинства был весьма значителен, и требовался удобный механизм для снятия конфликта путем предоставления меньшинству представительства в выборных органах корпорации»<sup>2</sup>. Ученый, изучая явление коллективного голоса в том числе в рамках дел о несостоятельности (банкротстве), понимает само решение коллектива как универсальную модель снятия конфликта.

Можно сказать, что собрание кредиторов в деле о банкротстве представляет собой некий специфичный коллегиальный орган управления конкурсной массой<sup>3</sup>. Множественность в банкротстве – явление не редкое, присутствующее в каждой из процедур несостоятельности (банкротства). Отсутствие инструмента, который позволял бы объединить волю всех

---

<sup>1</sup> Фомичева Н.В. Решения собрания кредиторов в делах о банкротстве, как основания возникновения гражданских прав и обязанностей. Цивилистика: право и процесс. 2019. № 1. С. 27-34.

<sup>2</sup> Габова А.В. Институт кумулятивного голосования в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 40. С. 186-224.

<sup>3</sup> Прим.: Автор является сторонником концепции, разграничивающей категорию должника и конкурсной массы.

кредиторов, универсализировать ее и привести к мнению большинства не позволило бы сделать такую процедуру эффективной. В этой связи, собрание кредиторов представляет собой инструмент унификации мнений относительно судьбы конкурсной массы.

Собрание кредиторов по вопросам повестки и путем голосования принимает определенный процессуальный документ – решение собрания кредиторов. Само по себе решение собрания является формой выражения унифицированной воли кредиторов. Кредиторы, которые в установленном Законом о банкротстве порядке получили свой процессуальный статус в деле о банкротстве входят в коллегиальный орган управления конкурсной массой и принимают решение по управлению ей. Конфликтность интересов в деле о банкротстве распространяется не только на взаимоотношения должника и кредиторов, но и на взаимоотношения между самими кредиторами<sup>1</sup>. В силу этого, достигнутое решение собрания кредиторов – это соглашение кредиторов должника между собой по вопросам повестки собрания. Решение собрания фактически принимается как по процессуальному, так и по применению материального права. К примеру, в ряде случаев, положение о продаже имущества должника (проведении торгов), обсуждается на собрании кредиторов, предъявляется в арбитражный суд для его утверждения; кредиторы путем своего решения вправе определять применимую к должнику процедуру банкротства и т.п. Все это наталкивает на мысль, что решение собрания кредиторов может выступать процессуальным соглашением. Единственным спорным элементом в этом случае будет являться трудность по определению цели такого решения – оно принимается по вопросу процессуальных, материальных прав или имеет смешанную природу?

---

<sup>1</sup> См.: Фролов И.В. Конфликт интересов в делах о банкротстве: значение, виды, функции и правовые последствия. Вестник арбитражной практики. 2021. № 6 (97). С. 3-11; Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е. К вопросу о соблюдении баланса частных и публичных интересов при удовлетворении требований кредиторов в процедурах банкротства // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8 (120). С. 44-52.

Ранее в исследовании уже были определены критерии, которые из обширного перечня явлений правовой действительности позволяют выделить процессуальные соглашения в деле о банкротстве: субъектный состав (выраженная воля двух или более лиц), предмет (соглашение о порядке реализации процессуальных прав), темпоральные последствия, процессуальная, но не процедурная цели.

В рассматриваемом случае видно, что решение собрания кредиторов – это явление, хоть и сочетающее в себе все необходимые критерии, но преследующее как процессуальную, так и процедурную цели. Можно ли в таком случае отнести решение собрания кредиторов к процессуальному соглашению? Поставленный вопрос имеет достаточно дискуссионный характер.

В поиске ответа, который помог бы определить правовую природу решения собрания кредиторов, необходимо условно обозначить те группы решений, которые принимаются на таком собрании. Их можно подразделить на решения материально-правового и процедурного характера.

Материально-правовой характер решений, как первая категория, видится в достижении согласия по ключевым финансовым вопросам, например, об утверждении плана финансового оздоровления, об увеличении вознаграждения арбитражного управляющего, об утверждении графика погашения задолженности и прочие (ст. 15 Закона о банкротстве).

Решения процедурного характера связаны с ключевыми направлениями самого конкурсного процесса: определение той или иной процедуры, применимой к должнику, утверждение кандидатуры арбитражного управляющего, решения об обращении в арбитражный суд с требованиями.

Д.В. Князев, подвергая анализу терминологию и природу процессуального соглашения пишет: «Волеизъявления сторон любого типичного индивидуального соглашения (договора) направлены на взаимные, обоюдные, т. е. общие для обеих сторон, касающиеся обеих сторон права и обязанности (хотя иногда могут влиять также и на «внешние»

правоотношения). Обязательным субъектом процессуальной деятельности является властный орган как субъект, который применяет нормы права к отношениям между спорящими сторонами<sup>1</sup>». Ученый поддерживает мнение М.А. Рожковой об обязательности судебного участия в процессуальном соглашении. В настоящем исследовании также было определено, что процессуальное соглашение всегда подвергается судебной оценке, даже если оно является скрытым (латентным) соглашением, соглашение субъектов одной группы.

Анализируя решения собрания кредиторов сквозь призму судебного контроля, становится очевидным: не все решения кредиторов подвергаются судебной оценке в обязательном порядке. К примеру, решение собрания кредиторов обязать арбитражного управляющего обратиться с заявлением об оспаривании сделки должника само по себе не находится по общему правилу в поле зрения арбитражного суда. Оно существует в границах собрания кредиторов и имеет побудительную силу для арбитражного управляющего. Только в случае разногласий по такому решению возникает необходимость оценки такого решения кредиторов путем искового производства (обособленного спора). Полученные наблюдения уже подвергают идею об отнесении решения собрания кредиторов к процессуальному соглашению, как минимум тех, которые не являются предметом судебной оценки, обоснованной критике.

В тоже время решение собрания кредиторов о признании должника банкротом и введении конкурсного производства, о введении финансового оздоровления, как и о выборе любой иной процедуры для должника – обязательно оценивается арбитражным судом, в том числе с наличием в такой оценке факта судебной дискреции. По своей сути подобные решения кредиторов порождают еще более сложную дискуссию, с первого взгляда усугубляя задачу по определению правовой природы решения кредиторов.

---

<sup>1</sup> Князев Д.В. Характерные черты процессуального соглашения, его виды // Российское правосудие. 2014. № 4 (96). С. 34-40.

М.А. Фокина высказывает следующую точку зрения относительно роли суда в процессуальных соглашениях: «Соглашения в судопроизводстве обеспечивают регламентацию процессуального порядка рассмотрения дела с учетом частных интересов сторон. Соответственно современная система процессуальных взаимодействий должна учитывать реальные связи между участниками процесса. Не следует ограничиваться взаимодействием типа «суд – участник судопроизводства», отражающим только публичное начало судопроизводства»<sup>1</sup>. О.С. Мрастьева и А.Н. Юсупова отмечают, что «Для более удобного разграничения материальных и процессуальных соглашений необходимо отметить наличие у процессуальных соглашений определенных признаков. Процессуальное соглашение может заключаться на разных этапах взаимодействия субъектов права: до возникновения материальных правоотношений между сторонами (при возникновении преддоговорных споров), в момент возникновения материального правоотношения (в отношении будущего спора) или при реализации материального правоотношения при возникновении правового спора (в отношении возникшего спора). Существенным признаком является также волеизъявление сторон. Цель заключения процессуального соглашения – выбор формы защиты права и выбор порядка взаимодействия сторон»<sup>2</sup>.

Применив указанные доктринальные положения к решению собрания кредиторов, следует, что для процессуального соглашения можно выделить:

– существование процессуального соглашения до судопроизводства, то есть до материально-правового спора. В таком случае, процессуальное соглашение содержится в структуре материального, гражданско-правового договора, но не смешивается с ним до идентичности.

---

<sup>1</sup> Фокина М.А. К вопросу о процессуальных соглашениях в цивилистическом процессе // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. науч. ст. и тезисов по материалам междунар. научно-практической конференции. Великий Новгород, 2017. С. 497-503.

<sup>2</sup> Мрастьева О.С., Юсупова А.Н. Развитие института мирового соглашения в арбитражном процессе // Правовая культура. 2018. № 1 (32). С. 98-102.

– существование процессуального соглашения в рамках судопроизводства по конкретному спору, где подобное соглашение всегда должно оцениваться судом, поскольку влияет на ход судебного разбирательства.

Решение собрания кредиторов в деле о банкротстве существует только на судебной стадии, то есть принимается в ходе судопроизводства, но, как было выяснено, не всегда может быть оценено судом.

Как видно, если исходить из отнесения к процессуальному соглашению решения собрания кредиторов, судебная оценка такого соглашения вызывает полемику и деструкцию. Попробуем оценить реализацию иных критериев, ранее нами определенных.

Решение собрания кредиторов может приниматься по вопросам материального характера и (или) процедурного. Наличие процедурной цели в решении собрания кредиторов также не позволяет с полной уверенностью говорить об их строго процессуальной концепции. Иными словами, в предмет решения закладывается договоренность не только о реализации процессуальных прав, но и о материальных притязаниях.

Следовательно, решение собрания кредиторов, как процессуальное соглашение вызывает дефект в критериях таких соглашений. К какому же явлению правовой действительности относится исследуемый элемент? Предлагается для сравнения обратить внимание на то, существуют ли еще в рамках судопроизводства по делу о банкротстве подобные неоднозначные примеры и их сопоставить.

Еще одним примером смешения процессуальной и процедурной цели соглашений может являться известный банкротству формат управления консолидированным требованием к должнику<sup>1</sup>. Консолидированное

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2023 г. № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве». URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/32615/> (дата обращения: 12.01.2026).

управление, как и решение собрания кредиторов, имеет очень проблемную конструкцию:

– частичное погашение основного обязательства должника перед кредитором со стороны поручителя приводит к ситуации появления «младшего кредитора». Фактически, частично погасив требования основного обязательства, поручитель становится со «старшим кредитором» на одной очереди удовлетворения, но поражается в части прав. Так, если поручитель погасил частично требование кредитора третьей очереди, то он (поручитель) имеет право на покрытие своих требований к должнику только после полного погашения остатка обязательства у «старшего кредитора».

– поручитель, частично исполнивший обязательство, формально соглашается на поражение в ряде прав по сравнению с полноценным кредитором, но и наделяется средством защиты, например, правом на оспаривание решений «старшего кредитора». Поручитель и кредитор вправе заключить между собой соглашение об ином порядке очередности погашения обязательств.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2023 г. № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) в пункте 9 дает отсылку к статье 309.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 № 51-ФЗ<sup>1</sup> (далее по тексту – Гражданский кодекс РФ, ГК РФ). Указанная конструкция по своей природе позволяет поручителю, частично исполнившему обязательство в деле о банкротстве за основного должника заключить соглашение с кредитором о порядке погашения требований, который может быть отличным от установленных правил, содержащихся в Законе о банкротстве. Можно ли считать подобное соглашение процессуальным?

---

<sup>1</sup> См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г., с изм. от 25 марта 2026 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301; 2026. № 33 (ч. I), ст. 4933.

Действуя по аналогии с анализом решения собрания кредиторов, приходим к следующим выводам: соглашение поручителя и кредитора о порядке погашения требований также находится по общему правилу вне судебной оценки в деле о банкротстве; соглашение поручителя и кредитора имеет процессуально-процедурную цель – договоренность о порядке, способах и условиях реализации процессуальных и материальных прав.

Подобный пример также иллюстрирует сочетание как процессуальной, так и процедурной цели соглашения, то есть сочетание норм материального и процессуального права.

Практически идентичная в общих чертах к приведенному примеру и конструкция норм о погашении обязательства третьим лицом в деле о банкротстве. Как установлено Законом о банкротстве, третье лицо имеет право погасить обязательства должника по уплате обязательных платежей. Такое погашение носит заявительный характер и требует судебной оценки. Кроме того, регламентирован порядок судопроизводства по такому заявлению третьего лица. Вместе с тем, возникает ряд проблем в вопросе правомерности действий третьего лица и необходимости согласия иных субъектов в деле о банкротстве на такое погашение.

А.Н. Иванов достаточно подробно уделяет внимание анализу правоприменительной практики и подчеркивает, что подобное погашение может носить противоправную цель<sup>1</sup>. Ключевым моментом в данной ситуации является вопрос о том, требуется ли согласие должника на подобное погашение обязательства? По своей сути, злоупотребление правом присутствует в тех случаях, когда такое право имеется в объективном выражении. Погашение обязательства третьим лицом может быть использовано недобросовестным должником с целью вхождения аффилированного кредитора в реестр требований. В этом случае погашение

---

<sup>1</sup> См.: Иванов А.Н. Некоторые проблемы, возникающие при погашении третьим лицом требований кредитора в делах о несостоятельности (банкротстве) должника. // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2017. № 1 (8). С. 68-71.

производится как выбор из «меньших зол»: дружественное третье лицо, за счет собственных средств или скрытых средств должника занимает место уполномоченного органа и получает место в реестре требований кредиторов. В случае дальнейшего погашения реестра за счет явно существующей конкурсной массы, становится возможным сохранение части активов за должником. Тем не менее погашение третьим лицом может быть использовано и кредиторами с целью увеличить количество голосов на собрании кредиторов, попасть в перечень кредиторов с большим процентом удовлетворения. Подобную ситуацию можно назвать недобросовестным преобразованием реестра требований.

Важно отметить, что подобная проблематика во многом связана с материальным аспектом, но и для настоящего исследования, затрагивающего процессуальные соглашения, имеет значение в вопросе о разграничении таких явлений и, как следствие, выработке стратегии противодействия недобросовестным действиям.

Прежде всего, акцентируем внимание на том, все ли приведенные выше в этой главе явления правовой действительности являются процессуальными соглашениями? Очевидно, что на этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ в силу следующего.

Решение собрания кредиторов, хоть и отвечает всем критериям процессуального соглашения, все-таки не может в полной мере относиться к указанному институту. В данном вопросе следует сопоставить приведенные примеры с решением собрания и соглашением об управлении консолидированным требованием, погашением обязательства третьим лицом. Общим для всех названных явлений будет являться то, что по своей сущности они отвечают (хоть и с дефектами) критериям процессуального соглашения: наблюдается выраженная воля двух и более сторон, содержится разрешение вопроса о процессуальных правах и способе их реализации, имеется темпоральный эффект и процедурная цель. Также к общим чертам явлений относится и то, что все они имеют в своем содержании и материальный

эффект, выраженный в попытке разрешения материального правоотношения. Отличительной же чертой будет являться то, что для решений собрания кредиторов, погашения обязательства третьим лицом, предусмотрена возможность признания таковых недействительными.

Закон о банкротстве прямо предусматривает возможность применения к указанным явлениям правил о недействительности, подразумевая при этом решение собрания, погашение обязательства как сделку, но не как процессуальное соглашение.

В юридической доктрине вне рамок конкурсного процесса решения собраний кредиторов воспринимаются как сделка, с чем считаем возможным согласиться<sup>1</sup>. Думается, что в деле о банкротстве решения собраний по природе не будут отличными от иных существующих, например, в корпоративном праве. Отсюда следует вывод о том, что решение собрания – это сделка, которая может сочетать в себе ряд вопросов процессуального характера. В том числе это координируется и с тем, что сделка, в отличие от процессуального соглашения, не всегда является предметом судебной оценки. Для судебной оценки процессуальной сделки требуется заявительный характер о ее недействительности.

В этой связи необходимо высказать тезис о том, что для процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве характерно применение судебной дискреции при оценке их соответствия интересам сторон. В отличии от этого, для процессуальной сделки (договора), известного доктрине, в деле о банкротстве характерным признаком является содержание непосредственно в законодательстве норм, позволяющих признать такие сделки недействительными и (или) расторгнуть их. Следовательно, такие явления как решение собраний кредиторов, мировое соглашение, погашение обязательства третьим лицом и иные являются процессуальной сделкой. Между тем, существование в процессуальных

---

<sup>1</sup> См.: Громов А.А, Егоров А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. М., 2014. С. 170-176.

соглашениях в деле о банкротстве норм материального права не отрицается, но исходит из понимания тонкой, практически незаметной грани между процессуальной сделкой. Такие соглашения можно отнести в некотором смысле к подвидовой классификации – банкротным соглашениям. Для банкротного соглашения, в отличие от процессуальной сделки, характерным будет являться применение конструкции каузы посредством судебной дискреции, а не правил о недействительности или расторжении.

Процессуально-процедурное (банкротное) соглашение – это вид процессуального соглашения в арбитражном судопроизводстве по делам о несостоятельности (банкротстве), содержащий договоренности сторон об условиях реализации процессуальных прав и обязанностей в сфере управления материально-правовым требованием (например, кредиторами).

Применение конструкции каузы для процессуальных соглашений в делах о банкротстве.

Рассуждая о понятии «кауза» в гражданском праве, В. Риччучо пишет: «Институт каузы является главным и наиболее действенным из известных правопорядку Италии инструментов, позволяющих поставить норму договора под контроль для проверки ее соответствия целям социального характера»<sup>1</sup>. Отечественной доктрине явление каузы также известно и ее применение можно найти в Законе о банкротстве. К примеру, существуют позиции российских ученых о том, что недействительность сделок по общегражданским основаниям идентична специальным основаниям, указанным в Законе о банкротстве<sup>2</sup>. В материальном праве достаточно широко используется инструмент признания сделок должника недействительными<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Риччучо В. Кауза и договорная справедливость // Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 86-94.

<sup>2</sup> См.: Шевченко И.М. О применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедуре банкротства // Российский судья. 2020. № 2. С. 3–8.

<sup>3</sup> См.: Асташкин А.Ф. Недействительная сделка должника при банкротстве: последствия, правовая природа, подходы к рассмотрению подобных сделок // Современное общество и право. 2024. № 5 (72). С. 92-98; Морхат П.М. Правоотношения и юридическая ответственность в сфере несостоятельности // Цивилистика. 2021. Т. 2. № 4. С. 121-134.

Несмотря на то, что Закон о банкротстве не предусматривает прямого инструмента противодействия противоправной цели процессуального соглашения, арбитражные суды выработали достаточно действенный и эффективный подход в этом вопросе. К примеру, при погашении обязательств должника, третье лицо заявило об исключении погашенного обязательства из реестра требований. Отказывая в удовлетворении требований, арбитражный суд первой инстанции сослался на недоказанность третьим лицом мотивов своего поведения, отсутствие доказательств погашения за счет своих средств, а не конкурсной массы. При проверке судебного акта в вышестоящей инстанции было указано, что поведение третьего лица необходимо считать добросовестными, так как третье лицо не изъявило намерения включиться в реестр (на место кредитора, чьи требования погашены). Это может свидетельствовать о добросовестности такого поведения<sup>1</sup>.

Для процессуальных соглашений в деле о банкротстве характерной особенностью является то, что все они подвергаются судебной дискреции, то есть судебной оценке. Возможно предположить, что такая оценка производится арбитражным судом с точки зрения казуальности соглашения: выясняются мотивы соглашения, поведение и намерения сторон или стороны соглашения и прочие категории, которые не закреплены нормативно в Законе о банкротстве. Ранее уже были представлены позиции российских ученых относительно судебного усмотрения. Думается обоснованным полагать, что отказываться от судебной дискреции в делах о банкротстве нельзя. Необходимо лишь совершенствовать такой подход, при котором арбитражный суд будет шире смотреть на складывающееся процессуальное соглашение и с

---

<sup>1</sup> См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 4 марта 2025 г. по делу № А53-35916/2022. / Официальный сайт арбитражных судов // URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a4f4d1e4-0735-4f35-a446-6abc86aaa588/61a0e000-7d8e-4e4d-9402-1fca6ff50ed6/A53-35916-2022\\_20250304\\_Postanovlenie\\_kassacionnoj\\_instancii.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a4f4d1e4-0735-4f35-a446-6abc86aaa588/61a0e000-7d8e-4e4d-9402-1fca6ff50ed6/A53-35916-2022_20250304_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 15.01.2026).

достаточной вероятностью воспринимать в качестве доказательств любые сведения о казуальности соглашения.

Е.Г. Дорохина в этой связи пишет: «Проблема, таким образом, в определении сущности полномочий арбитражного суда в деле о банкротстве. С одной стороны, реализация судом полномочий контрольного характера свидетельствует о повышенной процессуальной активности суда при рассмотрении дел о банкротстве, которая реализуется в его инициативных действиях зачастую независимо от волеизъявления лиц, участвующих в деле. С другой стороны, перед нами – свидетельство о наделении суда управленческими функциями (например, функцией контроля), что позволяет рассматривать арбитражный суд как структурный элемент системы управления банкротством»<sup>1</sup>. Хотя с формулировкой автора об управленческой функции суда отчасти можно не согласиться, мотивируя это более координационной целью судебной дискреции, тем не менее, арбитражный суд несомненно должен являться инициатором проверки казуальности процессуальных соглашений в деле о банкротстве.

Кауза по своему значению направлена на установление целей, мотивов совершаемой сделки. Для процессуальных соглашений применение такой конструкции также является объективно возможной, поскольку процедурные и процессуальные интересы в банкротстве граничат друг с другом и оказывают взаимовлияние. К примеру, для скрытых (латентных) соглашений в деле о банкротстве применение судебного интереса при наличии оснований является мерой противодействия недобросовестным целям. В исследовании уже рассматривалась проблематика согласия арбитражного управляющего, аффилированного с должником на примере дела Е. Блиновской. Примечательно, что кауза такого соглашения, то есть мотивы и цели, были исследованы и применены арбитражным судом. Как было описано, подобная судебная дискреция вызвала у сторон банкротного дела несогласие и попытку

---

<sup>1</sup> Дорохина Е.Г. Характер полномочий арбитражного суда в деле о банкротстве // Журнал российского права. 2007. № 8 (128). С. 45-52.

обжалования судебного акта об отказе в утверждении кандидатуры управляющего. Досадным является то, что вышестоящие инстанции формально указали на реализацию судом дискреционных полномочий, но не дали продолжения мысли о том, что такая реализация возымела место быть по причине противоправной цели, недобросовестного мотива должника.

Помимо этого, подобная конструкция применима и к процессуальным соглашениям субъектов одной группы.

Похожее соглашение иллюстрировалось в исследовании на примере объединения требований нескольких кредиторов для совместного обращения в арбитражный суд с заявлением о банкротстве. Может показаться, что такое соглашение не процессуальное, а материальное, по причине консолидации требований материального характера. Однако в работе уже были определены критерии для процессуального соглашения в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве, среди которых важное место занимает процессуальная цель. В этом случае именно цель должна предопределять отнесение явления к соответствующей категории: цель субъектов – процессуальная консолидация, а материальное правоотношение – это средство для ее достижения. В этом смысле процессуальное соглашение субъектов одной группы должно подвергаться судом дискреции в виде выяснения мотивов такой консолидации и ее целей. Банкротство – это не только экстраординарный способ освобождения от обязательств, но и, зачастую, неординарный способ давления на должника и поспешного оказания на него негативных последствий признания банкротом.

Действуя от обратного, предполагается, что, если процессуальное соглашение в деле о банкротстве имеет законные, обоснованные и понятные арбитражному суду мотивы и цели, оно должно состояться и последствия такого соглашения должны в процессуальной плоскости наступить.

В этой связи, хотелось бы отметить, что, к примеру, соглашение субъектов одной группы может выражаться не только требованиями кредиторов, но и должника. В работах отдельных авторов можно встретить

такие воззрения на категорию должника как о группе (банкротство группы компаний, банкротство семьи и прочее)<sup>1</sup>. Не углубляясь в специфику подобных вопросов, с широкой точки зрения, процессуальная консолидация возможна и на стороне должника для обращения с заявлением о банкротстве. С подхода о применении каузы и выяснения добросовестных мотивов, такое процессуальное соглашение должно признаваться.

Отдельные частные характеристики процессуальных соглашений в арбитражном судопроизводстве по делам о банкротстве.

М.А. Рожкова, к работам которой были даны неоднократные отсылки, сделала ряд существенных выводов о процессуальных соглашениях, одним из которых является заключение о моменте возникновения соглашения: процессуальное соглашение реализуется в границах процесса<sup>2</sup>.

Критике этого положения уделил внимание С.А. Курочкин. Ученый исходит из того, что процессуальные соглашения нельзя связывать только границами процесса. Автор детализирует выводы М.А. Рожковой и расширяет толкование момента возникновения процессуального соглашения, а также подчиняет свои выводы правилу «соглашения всегда по поводу процесса»<sup>3</sup>. В делах о несостоятельности (банкротстве), понимать момент заключения процессуального соглашения с точки зрения широкого охвата не представляется возможным. Во-первых, процессуальное соглашение – это явление состоявшееся. Состоявшееся соглашение в процессе всегда находит отражение прямо или косвенно (по последствиям) в судебном акте в деле о банкротстве. По причине специального регулирования института

---

<sup>1</sup> См.: Карелина С.А. Группа компаний как правовая форма множественности лиц на стороне должника // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 2-10; Суворов Е.Д. Банкротство связанных лиц на условиях материальной консолидации как альтернатива субсидиарной ответственности // Судья. 2018. № 4 (88). С. 21-27; Телюкина М.В. Совместное банкротство супругов. Некоторые проблемы // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020. С. 370-380.

<sup>2</sup> См.: Рожкова М.А. Теория процессуального договора и сделки, направленные на защиту прав // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. СПб., 2008. С. 188.

<sup>3</sup> См.: Курочкин С.А. Соглашения в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 52-72.

несостоятельности (банкротстве), заключение каких-бы то ни было процессуальных соглашений, «делок по поводу процесса» не представляется возможным. Как и было определено в исследовании, нельзя считать простое решение нескольких кредиторов об обращении в суд состоявшимся процессуальным соглашением пока оно не возымело выраженных последствий в рамках судопроизводства по делу о банкротстве. Ровно также нельзя сказать, что латентное соглашение между управляющим и должником на назначение его кандидатуры в деле о банкротстве является процессуальным соглашением пока оно не нашло отражение в судебном акте.

Само явление несостоятельности, с точки зрения нормативно-правового регулирования, не наступает одномоментно, что говорит о невозможности предугадать будет ли субъект банкротом. Считать процессуальное соглашение заключенным до момента возбуждения дела о банкротстве было бы ошибочным. Это не отменяет того, что в общей доктрине о процессуальных соглашениях существуют такие виды, которые заключаются еще до судебного спора (соглашение о подсудности как досудебное процессуальное соглашение), однако в силу специфики судопроизводства по делам о банкротстве, процессуальные соглашения в подобной категории дел существуют только в его границах. Исходя из изложенного по моменту возникновения, процессуальные соглашения в деле о банкротстве могут являться только судебными.

Может возникнуть предположение о том, что для дел о несостоятельности (банкротстве) существуют досудебные виды процессуальных соглашений, которые допускает сам Закон о банкротстве, к примеру, соглашение о санации.

С.А. Карелина справедливо отмечает, что соглашения в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) являются элементом правовой регуляции<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Карелина С. А. Соглашение о досудебной санации // Предпринимательское право. 2007. № 1. С. 22.

Соглашения могут рассматриваться не только как преследующие роль погашения требований кредиторов, но и недопущения ситуации банкротства.

С.Е. Кован под санацией понимает комплекс мероприятий, как финансовых, так и кредитных, которые направлены на предотвращение банкротства предприятия<sup>1</sup>. Действующее законодательство о банкротстве санацию определяет, как меры, принимаемые собственником имущества должника-унитарного предприятия, учредителями (участниками) должника, кредиторами должника и иными лицами в целях предупреждения банкротства и восстановления платежеспособности должника. Досудебная санация представляет собой соглашение, которое по своей сути, либо не допускает возникновение процесса по делу о несостоятельности (банкротстве), а равно предотвращает его, либо как соглашение, способствующее восстановлению за счет погашения задолженности перед кредиторами за счет дополнительных или привлеченных активов.

Н.В. Минимулин, обращаясь к вопросу соглашений, в том числе о санации, отмечает, что «несмотря на фрагментарность и недостаточность законодательного регулирования, до момента официального возбуждения дела о банкротстве у участников оборота сохраняется широкая свобода в выборе инструментов финансового оздоровления. На практике стороны могут заключать самые разнообразные соглашения, направленные на предотвращение развития кризисной ситуации и стабилизацию положения должника. Такие соглашения могут иметь как сугубо договорную природу (двусторонние или многосторонние соглашения с участием кредиторов, инвесторов, собственников), так и элементы корпоративного или обязательственного регулирования, затрагивающие внутреннюю структуру предприятия, механизм финансирования или способы управления активами»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> См.: Кован С.Е. Предупреждение банкротства организаций. М., 2017. С. 215-219.

<sup>2</sup> Минимулин Н.В. Меры по предупреждению банкротства организаций: дис. ... канд. юр. наук. М., 2025. С. 175-180.

Между тем законодателем сделан существенный шаг на пути к реабилитационным процедурам, в том числе к активизации процедуры санации должника. Ранее упоминалось о том, что Федеральным законом от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» были внесены существенные поправки, отдельные из которых вступят в законную силу по истечении установленного срока. В частности, указанным нормативным правовым актом изменяется регулирование санации как на досудебном, так и судебном этапе. Если обратиться к содержанию положений указанного закона, вносящего поправки в действующий Закон о банкротстве, можно выделить ряд существенных черт соглашения о санации:

- такое соглашение имеет досудебный или судебный характер. Оно может быть заключено еще до подачи заявления о признании должника несостоятельным (банкротом), но не позднее применения к должнику одной из процедур банкротства. Использование такой конструкции предполагает, что санация не относится к категории процедур, применяемых в деле о банкротстве;

- соглашение о санации имеет расширенный перечень участников. В его разработке вправе участвовать медиатор или посредник. Как пишет М.А. Фокина «ряд взаимодействий сторон, таких как совместное решение вопроса об использовании процедуры медиации, обсуждение условий проведения процедуры медиации, подписание сторонами соглашения о проведении процедуры медиации, сотрудничество при ведении переговоров (обозначение спорной ситуации, выдвижение претензий и способов их разрешения, выработка предложений, заключение медиативного соглашения), осуществляется вне контроля суда, что вполне закономерно»<sup>1</sup>);

---

<sup>1</sup> Фокина М.А. Сотрудничество в современном гражданском судопроизводстве и примирительных процедурах // Вестник гражданского процесса. 2026. № 1. С. 35.

– особый порядок его утверждения: обязательный нотариальный порядок при наличии в содержании соглашения о санации конкретных условий, а также альтернативный нотариальный при желании сторон. В отличие от мирового соглашения, утверждаемого в обязательном порядке судом, соглашение о санации подразумевается законодателем как более сбалансированный способ учета всех взаимных договоренностей с учетом определенной рыночной конъюнктуры. Стороны соглашения о санации вправе самостоятельно определить условия выхода должника из образовавшегося кризиса;

– соглашение заключается по вопросу управления материальным требованием (антикризисное управление проблемным активом). В отличие от процессуального соглашения в деле о несостоятельности (банкротстве), соглашение о санации разрешает именно материальные притязания сторон.

Как следует из представленных позиций, санация не является по своей природе процессуальным соглашением. Такое явление правовой действительности относится более к договорной категории, хоть и создается для предотвращения несостоятельности (банкротства). Таким образом, процессуальное соглашение в деле о банкротстве может существовать только там, где существует и процесс.

Несколько важных замечаний необходимо сделать и относительно вопроса о форме выражения процессуальных соглашений в деле о банкротстве. Представленные позиции авторов по вопросу правовой природы процессуальных соглашений, позволяют сделать вывод о том, что по форме своего выражения их можно разделить на устные и письменные. О существовании соглашений, выполненных в устной форме, уже упоминалось в работах Е.В. Васьковского, который относил их к категории односторонних заявлений, по смыслу содержания не противоречащих заявлению другой стороны (например, ходатайство об отложении заседания, полученное устно

от сторон). Важным является то, что ученый считал момент заключения подобных соглашений наступившим в момент их доведения до суда<sup>1</sup>.

Думается разумным внести дополнения к такой позиции. Процессуальное соглашение, выполненное в устной форме, имеет свою форму выражения в виде соответствующей записи в протоколе судебного заседания. Подобные выводы наталкивают на мысль о том, могут ли существовать процессуальные соглашения в деле о банкротстве вне письменной формы?

Интересную позицию занимает Н.Г. Елисеев. Будучи автором концепции «процессуального договора», ученый также затрагивал этот спорный вопрос. Прежде всего он отталкивался от того, что существуют соглашения, заключаемые на досудебной стадии, и соглашения, заключаемые под контролем суда. Для первой категории выражение процессуального соглашения в устной форме представляется затруднительным, поскольку в последующем возможны трудности в доказывании этого факта. Гораздо проще, как отмечает автор, с соглашениями, заключаемыми под контролем суда. В то же время Н.Г. Елисеев справедливо приводил позиции зарубежных ученых, отмечая, что принцип свободы договора в германской практике распространен и на процессуальные соглашения<sup>2</sup>.

Процессуальное соглашение в деле о банкротстве всегда имеет отражение в конкретном процессуальном действии и конкретном процессуальном документе. Такое соглашение может содержаться не в обособленном и самостоятельном документе, а, зачастую, внутри его содержания, не быть явно выраженным. Исходя из изложенного для процессуальных соглашений в деле о несостоятельности (банкротстве) обязательным итогом становится письменная форма выражения.

Е.Г. Стрельцова указывает, что «само по себе существование органа, разрешающего споры, как органа государственного предполагает наличие

---

<sup>1</sup> См.: Васьковский Е.В. Учебник русского гражданского процесса. М., 1917. С. 182-183.

<sup>2</sup> См.: Елисеев Н.Г. Указ. соч. С. 41

публичного элемента, ответственного в т.ч. и за присутствие государственного и общественного интереса при рассмотрении каждого спора судом, и за повышенный объем гарантий, предоставляемых правосудием по сравнению с иными формами разрешения споров. В данном случае повышенный объем гарантий есть та ответственность государства, которую оно берет на себя в рамках обязательств по предоставлению правосудия как перед сторонами спора, так и перед обществом в целом»<sup>1</sup>.

Публичное начало в процессе является основой, без которой невозможно представить проявление правосудия в рамках конкретного спора. М.А. Гурвич писал, «что само по себе правомочие суда как выражение власти юридически представляет собой право на односторонне волеизъявление, вытекающее из общей, установленной законом компетенции суда осуществлять правосудие. Но суд не только вправе вынести решение. При существовании условий, определяющих это право, суд не может не вынести решения; он должен или, точнее, обязан решение вынести»<sup>2</sup>.

Само по себе регулирование процессуальных отношений характеризуется началом власти и подчинения, это логически обосновано, поскольку в противном случае достичь необходимого эффекта в рамках конкретного спора по достижению правосудия было бы невозможно. Публичные начала в рамках процесса обеспечивают не только его течение в соответствии с установленным законным порядком, но и как итог, защиту нарушенных прав. С.С. Алексеев указывал, что благодаря порядку власти-подчинения, субъект, обладающий властью, способен направлять и руководить поведением стороны, которая обязана такую власть принимать и ей подчиняться.

Частноправовые начала процесса, напротив, представляют собой набор прав и возможностей самой стороны спора определять свое поведение. Это

---

<sup>1</sup> Стрельцова Е.Г. О концепции гражданского процесса // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6. С. 42.

<sup>2</sup> Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы. М., 1976. С. 135-140.

обуславливает большее влияние воли стороны на совершение конкретного действия, чем и детерминируется автономность принятия решений. Д.В. Ковтун рассматривает эту проблему со стороны источников права, прежде всего частного. По его мнению, «система источников процессуальных отраслей частного права включает в себя источники частного и публичного права. Первые касаются процессуальных правоотношений сторон-лиц, участвующих в деле, вторые касаются организационно-правовых основ цивилистического юридического процесса»<sup>1</sup>.

Влияние публичных и частных начал на процесс невозможно отрицать и обойти стороной, особенно в вопросе процессуальных соглашений в делах о банкротстве с точки зрения их взаимовлияния, равно как и взаимовлияния материального и процессуального права. Прежде всего стоит понимать, что банкротство – это специфический институт применительно к цивилистическому процессу. Он обусловлен тем, что среди его участников могут быть не только физические и юридические лица, но также и само государство, органы местного самоуправления.

С.А. Карелина отмечает, что в вопросе степени вмешательства государства в частные правоотношения, следует уделять особое внимание соблюдению принципа разумного баланса частного и публичного начала<sup>2</sup>. В вопросе характеристики процессуальных соглашений, думается исходить из сочетания частных и публичных начал. Отношения несостоятельности (банкротства) пропитаны публичными началами, в их отсутствие достижение целей и выполнение задач банкротства было бы невозможным. Закон о банкротстве, к примеру, наделяет арбитражного управляющего достаточным перечнем властных и контрольных полномочий по отношению к должнику,

---

<sup>1</sup> См.: Ковтун Д.В. Источники частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 10-11.

<sup>2</sup> См.: Карелина С.А. К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) // Вестник арбитражной практики. 2018. № 2 (75). С. 3-9.

при этом не исключая и частноправовую составляющую их процессуальных правоотношений.

Наличие публичных и частных начал в рамках процедуры банкротства, задает соответствующий темп и регулированию процессуальных соглашений. Можно считать, что такое сочетание и порождает дискуссию о соотношении процессуального соглашения и процессуальной сделки, процессуального и материального права. Несомненно, что реализация института процессуальных соглашений на рассмотренных в исследовании примерах также не обделена полемикой в связи с возможностью сочетания материального и процессуального права. К примеру, соглашение кредиторов о совместном обращении в арбитражный суд можно рассматривать как исключительно процессуальное соглашение (с позиции настоящей работы), но можно возражать, мотивируя тем, что такое явление выступает процессуальной (материальной) сделкой с процессуальным эффектом. Мирное соглашение в деле о банкротстве также возможно рассматривать как материальную сделку с процессуальным последствием, либо как процессуальное соглашение с материальным эффектом. Во многом, нынешнее состояние судопроизводства по делам о банкротстве характеризуется сочетанием частного и публичного, материального и процессуального. В.В. Ярков, рассуждая о юридических фактах, указывает, что они могут быть по своей характеристике как чисто процессуальными, так и вызывать дуализм, проявляющийся во влиянии на различные сферы деятельности<sup>1</sup>.

В настоящем исследовании предпринята попытка разграничения указанных явлений путем анализа на основе признаков. Полученные результаты позволяют утверждать, что несмотря на близость процессуальной и процедурной материи соглашений в деле о банкротстве, эта близость порождает, все-таки различные между собой правовые явления.

---

<sup>1</sup> См.: Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 300-396.

Таким образом процессуальные соглашения в арбитражном судопроизводстве представлены тремя основными видами: соглашение субъектов одной группы, скрытые (латентные) соглашения и процессуально-процедурные (банкротные) соглашения. Они обладают специфичным набором признаков, которые позволяют разграничить схожие правовые явления. Единым и первостепенным признаком для процессуальных соглашений является процессуальная цель и предмет – распоряжение процессуальными правами. На процессуальные соглашения в деле о банкротстве оказывают влияние три компонента – субъектный состав, темпоральность и судебная дискреция. Между тем, нельзя отрицать и тот факт, что для института процессуальных соглашений в деле о банкротстве характерно смешение материального и процессуального права в отдельных случаях, что порождает банкротное соглашение.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процессуальные соглашения являются необходимым инструментом управления процессом, в чем видится отражение как диспозитивных начал, так и императивных, поскольку стороны вольны избирать наиболее удобный порядок разрешения конфликта, который отвечает публичному интересу государства и ему не противоречит.

Для арбитражного судопроизводства по делам о банкротстве, процессуальные соглашения выступают не только элементом управления, но и главным фактором движения самого процесса по делу о несостоятельности. Отличительной чертой в этом смысле является то, что в ряде случаев, без состоявшегося процессуального соглашения в деле о банкротстве, дальнейшее судебное разбирательство может либо не состояться, либо потребует активного вмешательства суда путем дискреционных полномочий. В этом видится преимущественное значение и важность обладания полной доктринальной картиной о действии таких процессуальных явлениях.

Процессуальные соглашения в деле о банкротстве являются группой соглашений, которая имеет отличительные от общих положений о соглашениях в цивилистическом процессе критерии. По результатам выполненного исследования, можно утверждать, что процессуальные соглашения в деле о банкротстве подвержены влиянию трех основных факторов.

Субъектный состав процессуального соглашения в деле о банкротстве показывает, что такое явление может порождать соглашения субъектов одной группы. В привычном цивилистическом процессе обыденным является представление о заключаемом соглашении, как о договоренности между противоборствующими сторонами, теми, у кого имеется противоположный интерес в процессуальном и материальном контексте. Судопроизводство по делам о банкротстве показывает, что процессуальное соглашение может заключаться не только субъектами диаметрального интереса, но и лицами,

выступающими на одной стороне. Во многом, такая специфика объясняется специфичностью самого института несостоятельности (банкротства), но и тем, что в отношениях неоплатности обязательств присутствует множественность лиц. Несмотря на одинаковые (идентичные) интересы субъектов одной группы, они могут заключать процессуальное соглашение о порядке, способе и формах реализации своих процессуальных прав. Подобные соглашения объединяют усилия их участников для достижения главной цели процедуры банкротства.

В работе отмечается, что, будучи особо конфликтной категорией дел, сочетая в себе множественность лиц, банкротство, тем не менее, урегулировано и с помощью судебной дискреции. Судебная дискреция выступает неотъемлемым элементом для оценки процессуальных соглашений, поскольку еще одной группой такого явления оказываются соглашения скрытые (латентные). В результате анализа такого вида соглашений, было отмечено, что они по своей природе зачастую находятся вне судебного усмотрения, поскольку у них отсутствует явно выраженный признак письменной формы. Такое соглашение может создаваться для искусственного делегирования процессуального права, например, на оспаривание сделки должника. Скрытое соглашение тесно взаимосвязано со случаями злоупотребления правом. Критичной оценкой такого вида соглашений стало понимание того, что они должны отсутствовать в деле о банкротстве, поскольку практически не идентифицируются в рамках судопроизводства и не урегулированы в доказывании своего негативного эффекта.

Исследование затрагивает и темпоральный (временной) эффект таких процессуальных соглашений. Между тем, постепенно приходя к вопросу о сочетании материального и процессуального права, делается обоснованное утверждение о невозможности отнесения мирового соглашения как процедуры к категории процессуального соглашения в деле о банкротстве. Системный анализ критериев процессуального соглашения и реализации мирового соглашения в деле о банкротстве показал, что такое явление более

относится к процессуальной сделке в случае утверждения без выраженной воли всех участников.

Сопоставление процессуальной сделки с процессуальным соглашением, в судопроизводстве по делам о банкротстве позволяет сделать вывод о присутствии процессуально-процедурных соглашений. Однако отмечается, что нельзя сопоставлять до идентичности процессуально-процедурное соглашение и процессуальную сделку. Для последней характерно применение положений о недействительности, расторжении, как и для общегражданских договоров. Это объясняется подавляющим наличием в объеме так называемой процессуальной сделки материального права. Процессуально-процедурные соглашения, хоть в минимальном объеме и содержат материальные требования, однако они являются лишь сопутствующими основной цели таких соглашений – процессуальной.

Явление и тонкая грань процессуально-процедурных (банкротных) соглашений позволили констатировать близость частного и публичного, материального и процессуального в судопроизводстве по делам о банкротстве. Результатом полученных выводов стало формирование положений, которые возможны к применению для модернизации, более точной унификации норм, регулирующих законодательство о несостоятельности (банкротстве). Подобные предложения способны привести действующее законодательство в соответствие с актуальными запросами социума, государства и экономики.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

### I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

#### 1.1. *Международные правовые акты*

1. Директива № 2019/1023 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «Об основах превентивной реструктуризации, погашении задолженности и дисквалификациях, о мерах по повышению эффективности процедур, касающихся реструктуризации, несостоятельности и погашения задолженности, а также об изменении Директивы (ЕС) 2017/1132 (Директива о реструктуризации и несостоятельности)» [рус., англ.] (Принята в г. Брюсселе 20.06.2019) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=dos&base=INT&n=66844#Yqa04XVuCrTurVXJ1> (дата обращения: 30.01.2026).

#### 1.2. *Нормативные правовые акты Российской Федерации*

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации ([www.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru)). – 2022. – 06 окт. – № 0001202210060013.

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2025. – № 14, ст. 1587.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2026. № 33 (ч. I), ст. 4933.

5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. №43. Ст. 4190.

6. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и статью 223 Арбитражного

процессуального кодекса Российской Федерации"» от 29 мая 2024 г. № 107-ФЗ // СЗ РФ. 2024. №. 23 (часть I). Ст. 3045.

7. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

8. Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ – 2026. – № 30. – Ст. 4812.

### ***1.3. Правовые акты, утратившие силу***

9. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ // СЗ РФ. 12 января 1998 г. № 2. Ст. 222.

## **II. Научная и специальная литература**

### ***2.1. Монографии***

10. Груздев, В.В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву / В. В. Груздев. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 253 с.

11. Гукасян, Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве / Р.Е. Гукасян. – М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Саратов. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. – Саратов: Приволж. кн. Изд-во, 1970. – 185 с.

12. Иванова, Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально-правовой аспект / Е.А. Иванова; Уральский государственный юридический университет. – М.: Статут, 2020. – 178 с.

13. Кован, С.Е. Предупреждение банкротства организаций / С.Е. Кован. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 219 с.

14. Орлова, Л.М. Права сторон в гражданском процессе / Минск: Изд-во БГУ, 1973. – 192 с.
15. Телюкина, М.В. Совместное банкротство супругов. Некоторые проблемы. В книге: Семейный бизнес в правовом пространстве России / М.В. Телюкина. Ответственные редакторы И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. – М., 2020. – 370–380 с.
16. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 5-е изд., доп. М: Городец. 2018. – 304 с.
17. Файзуллин, Р.В. Категория должника по праву несостоятельности (банкротства) России и Германии / Р.В. Файзуллин. – М: Проспект, 2022. – 504 с.
18. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве / А. В. Юдин. – СПб.: Издат. Дом С.–Петербур. гос. Ун-та, 2005. – 357 с.

## ***2.2. Учебная и справочная литература***

19. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 1998. – 681 с.
20. Васьковский, Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васьковский. М.: Изд-во Бр. Башмаковых. 1913. – 661 с.
21. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – М.: Изд-во Бр. Башмаковых, 2003. – 698 с.
22. Громов, А.А., Егоров, А.В. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки / А.А. Громов, А.В. Егоров. Юрист компания, Арбитражная практика – М.: Акцион – Медиа, 2014. – 176 с.
23. Гражданский процесс России: учебник / [Афанасьев С.Ф., Бахарева О.А., Викут М.А. и др.]; под ред. М.А. Викут. – М.: Юристъ, 2004 – 459 с.

24. Карелина, С.А. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. – М.: Статут, 2019. – 848 с.
25. Лебедев, С.Н. Международный торговый арбитраж / М.: Междунар. отношения, 1965. – 219 с.
26. Мазур И.И., Шапиро В.Д. и др. Реструктуризация предприятий и компаний / И.И. Мазур, В.Д. Шапиро и др. Справочное пособие / Под ред. И.И. Мазура. – М.: Высшая школа, 2007. – 452 с.
27. Новицкий, И.Б. Римское частное право: учебник / Под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. – М.: Юриспруденция, 2000. – 448 с.
28. Покровский, И.А. История римского права: учебник / И.А. Покровский. – М.: Юрайт, 2025. – 447 с.
29. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский; [вступ. ст. А. Л. Маковского, с. 3-32]. – М.: Статут, 1998. – 352 с.
30. Телюкина, М.В. Основы конкурсного права / М.В. Телюкина. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 506 с.
31. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.
32. Шершеневич, Г.Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 1. Общая часть / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2025. – 148 с.
33. Шершеневич, Г.Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Юрайт, 2025. – 453 с.
34. Шершеневич, Г.Ф. Конкурсный процесс / Г. Ф. Шершеневич. – 3-е изд. – М.: Статут, 2021. – 475 с.
35. Щеглов, В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение / В.Н. Щеглов. – М.: Юрид. лит., 1966. – 168 с.

### ***2.3. Статьи в научных журналах и иных изданиях***

36. Асташкин, А.Ф. Недействительная сделка должника при банкротстве: последствия, правовая природа, подходы к рассмотрению подобных сделок / А.Ф. Асташкин // Современное общество и право. – 2024. – № 5 (72). – С. 92-98.

37. Боннер, А.Т. Применение закона и судебное усмотрение / А.Т. Боннер // Советское государство и право. – М.: Наука. – 1979. – № 6. – С. 34-42.

38. Будылин, С.Л. Стандарты доказывания в банкротстве / С.Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 11. – С. 130-157.

39. Габов, А.В. Институт кумулятивного голосования в российском праве / Габов А.В. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 40. – С. 186-224.

40. Габов, А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института / Габов А.В. // Гражданское право. – 2022. – № 3. – С. 11-21.

41. Голубцов, В.Г. Темпоральные коллизионные нормы как юридические средства преодоления временных противоречий между правовыми нормами / В.Г. Голубцов // Российский юридический журнал. – 2022. – № 1 (142). – С. 20-33.

42. Гонгало, Б.М. Признаки исковой давности и их отражение в законе / Б.М. Гонгало // *Ex Jure*. – 2021. – № 3. – С. 120-129.

43. Горбашев, И.В. Материальная консолидация: Pro et contra с точки зрения российского правопорядка. / И.В. Горбашев // Экономическое правосудие в Уральском округе. – 2021. – № 3 (59). – С. 145-164.

44. Григорьева, Т.А. Судебная защита прав предпринимателей в современной России / Т.А. Григорьева // Взаимодействие власти, бизнеса и общества в правотворческой деятельности: сб. науч. ст. XIII Международной научно-практической конференции. Саратов, 2020. С. 78-82.

45. Грель, Я.В. Соглашение о подсудности в гражданском процессуальном праве / Я.В. Грель // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 8. – С. 34 – 41.

46. Груздев, В.В. Установительные и преобразовательные охранительные правомочия в составе субъективного гражданского права / В.В. Груздев // Евразийская адвокатура. – 2012. – № 1 (1). – С. 139-148.

47. Долганичев, В.В. Групповой иск: сравнительный анализ нормативных конструкций АПК, ГПК и КАС РФ / В.В. Долганичев // Закон. – 2021. – № 2. – С. 36-45.

48. Дорохина, Е.Г. Характер полномочий арбитражного суда в деле о банкротстве / Е.Г. Дорохина // Журнал российского права. – 2007. – № 8 (128). – С. 45-52.

49. Иванов, А.А., Митрахович, А.С. Добросовестность при получении контроля в деле о банкротстве / А.А. Иванов, А.С. Митрахович // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 3 (17). – С. 27-31.

50. Иванова, Е.А. Соглашения в сфере гражданской юрисдикции: процессуально–правовой аспект / Е.А. Иванова // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2018. – № 1 (16). – С. 467-471.

51. Илистинова, М.Х., Одинцов С.В. Особенности оспаривания решений собрания кредиторов / М.Х. Илистинова, С.В. Одинцов // Имущественные отношения в РФ. – 2017. – № 9 (192). – С. 34-44.

52. Исаенкова О.В. Пределы коррекции гражданской процессуальной формы / О.В. Исаенкова // В сборнике: Судебная защита прав предпринимателей. сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Тверь. 2021. С. 52-57.

53. Карелина, С. А. Соглашение о досудебной санации / С.А. Карелина // Предпринимательское право. – 2007. – № 1. – С. 22-24.

54. Карелина, С.А. Группа компаний как правовая форма множественности лиц на стороне должника / С.А. Карелина // Право и бизнес. – 2023. – № 2. – С. 2-10.

55. Карелина, С.А. Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с несостоятельностью (банкротством), – сфера взаимодействия частно-правовых и публично-правовых средств / С.А. Карелина // Законодательство. – 2008. – № 8. – С. 52-60.

56. Карелина, С.А. К вопросу о пределах вмешательства государства в процесс несостоятельности (банкротства) (на примере банковского сектора) / С.А. Карелина // Вестник арбитражной практики. – 2018. – № 2 (75). – С. 3-9.

57. Князев, Д.В. Характерные черты процессуального соглашения, его виды / Д.В. Князев // Российское правосудие. – 2014. – № 4 (96). – С. 34-40.

58. Комиссаров, К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе / К.И. Комиссаров // Советское государство и право. – 1969. – № 4. – С. 49-56.

59. Кострова, Н.М. Развитие публичности судебной власти в современной России / Н.М. Кострова // Современная научная мысль. – 2015. – № 2. – С. 191-200.

60. Кузбагаров, А.Н. Гражданские процессуальные правоотношения как сущность гражданского судопроизводства / А.Н. Кузбагаров // Судебная власть и судебское сообщество: история развития и современность: сб. науч. ст. научно-практической конференции, посвященной 100-летию Верховного Суда Республики Башкортостан. Уфа, 2023. С. 63-68.

61. Курочкин, С.А. Соглашения в цивилистическом процессе / С.А. Курочкин // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 3. – С. 52-72.

62. Курочкин, С.А. Соглашения в системе гражданского судопроизводства / С.А. Курочкин // Вестник Тюменского государственного университета. – 2012. – № 3. – С. 164-169.

63. Любимова, Е.В., Суханова, М.Г. Темпоральные нормы института банкротства / Е. В. Любимова, М.Г. Суханова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 240-251.

64. Михайлова, Е.В. К проблеме правовой природы «процессуальных соглашений» / Е.В. Михайлова // Журнал российского права. – 2019. – № 2 (266). – 144-151.

65. Морхат, П.М. Правоотношения и юридическая ответственность в сфере несостоятельности / П.М. Морхат // Цивилистика. – 2021. – Т. 2. – № 4. – С. 121-134.

66. Мрастьева, О.С., Юсупова, А.Н. Развитие института мирового соглашения в арбитражном процессе / О.С. Мрастьева, А.Н. Юсупова // Правовая культура. – 2018. – № 1 (32). – С. 98-102.

67. Муратова, Н.Г., Челышев, М.Ю. О межотраслевой теории процессуальных соглашений: вопросы гражданского права, цивилистического и уголовного процесса / Н.Г. Муратова, М.Ю. Челышев // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 4. – С. 10-27.

68. Некрасов, С.Ю. Инициатива суда и судебское усмотрение в гражданском и арбитражном процессе / С.Ю. Некрасов // ГлаголЪ правосудия. – 2017. – №2 (14). – С. 19-23.

69. Никитин, Е.О., Лютикова, Е.С. Независимость арбитражных управляющих при проведении процедур несостоятельности (банкротства) / Е.О. Никитин, Е.С. Лютикова // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. – 2021. – № 4 (23). – С. 45-50.

70. Огородов, Д.В., Челышев, М.Ю. Смешанный договор и вопросы теории правового регулирования / Д.В. Огородов, М.Ю. Челышева // Законодательство и экономика. – 2007. – № 3. С. 49-55.

71. Одинцов, С. В. Гармонизация регулирования трансграничного банкротства в странах ЕС / С.В. Одинцов // сб. ст. междунар. научно-практической конференции памяти профессора В.К. Пучинского. М., РУДН. – 2014. С. 109-116.

72. Османова, Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? / Д.О. Османова // Lex russica. – 2024. – Т. 77. – № 5. – С. 144-161.

73. Петров, Д.А. Проблемы исчисления сроков исковой давности при оспаривании конкурсным кредитором сделок, совершенных должником, по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве / Д.А. Петров // Арбитражные споры. – 2018. – № 2 (82). С. 89-96.

74. Попондопуло, В.Ф. Некоторые проблемы совершенствования законодательства о банкротстве / В.Ф. Попондопуло // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 1. – С. 44–52.

75. Потапенко Е.Г. К вопросу о роли материального права в специализации цивилистического процессуального права / Е. Г. Потапенко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 126-133.

76. Потапов, Ю.А. Судейское (судебное) усмотрение как правовой феномен / Ю.А. Потапов // Судебная реформа как этап правовой реформы: внутригосударственный, наднациональный и международный уровни. СПб., – 2020. – С. 29-38.

77. Раздьяконов, Е.С. Особенности реализации принципа гарантированности судебной защиты при обращении в суд по делам о несостоятельности (банкротстве) / Е.С. Раздьяконов // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. Сост. и ред. Л.В. Войтович. – СПб., – 2021. – С. 193-206.

78. Резолюция Байкальского юридического форума / подгот. А.П. Суходоловым, Т.Л. Музычук, А.А. Протасевичем, И.Г. Смирновой, Д.А. Степаненко, Д.В. Жмуровым, Е.М. Якимовой, Ю.В. Виниченко, Т.М. Судаковой // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 844-849.

79. Реутов, В.П., Ваньков А.В. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства / В.П. Реутов, А.В. Ваньков // Право и современные государства. – 2013. – № 3. – С. 16-20.

80. Решетникова, И.В. Стандарт доказывания / И.В. Решетникова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 8. – С. 26-27.
81. Риччучо, В. Кауза и договорная справедливость / В. Риччучо // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2016. – № 5 (328). – С. 86-94.
82. Рожкова, М.А. Теория процессуального договора в соотношении с концепцией сделок, направленных на защиту прав / М.А. Рожкова // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2007. – № 6. – С. 184-208.
83. Рожкова, М.А. Материальные и процессуальные соглашения, поименованные в Арбитражном процессуальном кодексе РФ / М.А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2004. – № 1 (324). – С. 75-85.
84. Соловых, С.Ж. Арбитражный суд и стороны: судебное управление или взаимодействие субъектов арбитражного процесса / С.Ж. Соловых // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14. № 5. С. 77-98.
85. Суворов, Е.Д. Банкротство связанных лиц на условиях материальной консолидации как альтернатива субсидиарной ответственности / Е. Д. Суворов // Судья. – 2018. – № 4 (88). – С. 21-27.
86. Телюкина, М.В. Системный анализ процедуры наблюдения и практические проблемы ее реализации / М.В. Телюкина // Хозяйство и право. – 2018. – № 5 (496). С. 3-25.
87. Титков А. А. Проблемы процессуальных сроков по делам о банкротстве / А.А. Титков // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – №1. – С. 269-275.
88. Трезубов, Е.С., Звягина, Н.С. Проблемы правового статуса участников группы лиц при рассмотрении коллективных исков / Е.С. Трезубов, Н.С. Звягина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27. – № 4. – С.1065-1078.

89. Уксусова, Е.Е. Возбуждение производства по делам о банкротстве в арбитражных судах / Е.Е. Уксусова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 9. – С. 70-79.

90. Федан, М.Ю. Судебная дискреция в контексте проблематики злоупотребления правом / М.Ю. Федан // Проблемы права. – 2011. – № 1 (27). – С. 53-57.

91. Фокина, М.А. К вопросу о процессуальных соглашениях в гражданском процессе / М.А. Фокина // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина: сб. науч. ст. и тезисов по материалам Международной научно-практической конференции. Великий Новгород, – 2017. – С. 497-503.

92. Фокина, М.А. Злоупотребление процессуальными правами: соотношение духа и буквы закона / М.А. Фокина // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 1. – С. 48-62.

93. Фокина, М.А. К вопросу о некоторых концептах гражданского процесса: итоги двух десятилетий / М.А. Фокина // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 1. – С. 15-43.

94. Фокина, М.А. Судебный контроль за мировыми соглашениями: пределы и ограничения / М.А. Фокина // Закон. – 2023. – № 4. – С. 72-79.

95. Фокина, М.А. Сотрудничество в современном гражданском судопроизводстве и примирительных процедурах / М.А. Фокина // Вестник гражданского процесса. – 2026. – № 1. – С. 31-44.

96. Фомичева, Н.В. Решения собрания кредиторов в делах о банкротстве, как основания возникновения гражданских прав и обязанностей / Н.В. Фомичева // Цивилистика: право и процесс. – 2019. – № 1. – С. 27-34.

97. Фролов, И.В. Конфликт интересов в делах о банкротстве: значение, виды, функции и правовые последствия / И.В. Фролов // Вестник арбитражной практики. – 2021. – № 6 (97). – С. 3-11.

98. Шевченко, И.М. О применении последствий недействительности сделки в отношении должника, находящегося в процедуре банкротства. / И.М. Шевченко // Российский судья. – 2020. – № 2. – С. 3-8.

99. Шеменова, О.Н. Дискуссионные вопросы концепции процессуальных соглашений в трудах российских ученых / О.Н. Шеменова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: право. – 2016. – № 2. – С. 110-120.

100. Шишмарева, Т.П., Енькова, Е.Е. К вопросу о соблюдении баланса частных и публичных интересов при удовлетворении требований кредиторов в процедурах банкротства / Т.П. Шишмарева, Е.Е. Енькова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 8 (120). – С. 44-52.

101. Юрин, А.В. Сроки оспаривания сделок должника в деле о банкротстве / А.В. Юрин // Современные исследования в гуманитарных и естественнонаучных отраслях: сб. науч. ст. М., – 2019. – С. 90-93.

102. Ярков, В.В., Кудрявцева, Е.В., Малешин, Д.Я., Туманов, Д.А., Смола, А. и др. Групповые иски в цивилистическом процессе России / В.В. Ярков, Е.В. Кудрявцева, Д.Я. Малешин, Д.А. Туманов, А. Смола // Закон. – 2019. – № 8. – С. 24-43.

103. Ярков, В.В. Мировое соглашение в конкурсном производстве / В.В. Ярков // Юрист. – 2002. – № 11. – С. 36-38.

#### ***2.4. Диссертации и авторефераты диссертаций***

104. Абушенко, Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе: дис .... докт. юрид. наук. / Д.Б. Абушенко. – Екатеринбург, 2014. – 415 с.

105. Ахмеров Р.А. Система субъектов гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. / Р.А. Ахмеров. – Саратов, 2022. – 236 с.

106. Елисеев Н.Г. Договорное регулирование гражданских и арбитражных процессуальных отношений: автореф. дис .... докт. юрид. наук. / Н.Г. Елисеев. – М., 2016. – 41 с.

107. Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: автореф. дис .... докт. юрид. наук. / Г.А. Жилин. – М., 2000. – 69 с.

108. Ковтун Д.В. Источники частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Д.В. Ковтун. – Казань, 2007. – 29 с.

109. Махнева Е.А. Развитие гражданских правоотношений в процедурах банкротства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Е.А. Махнеева. – М., 2003. – 24 с.

110. Минимулин Н.В. Меры по предупреждению банкротства организаций: дис. ... канд. юрид. наук. / Н.В. Минимулин. – М., 2025. – 180 с.

111. Налбандян Е.Л. Мировое соглашение как реабилитационная процедура в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук. / Е.Л. Налбандян. – СПб., 2023. – 398 с.

112. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в делах о несостоятельности (банкротстве): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Ю.Д. Подольский. – Екатеринбург, 2018. – 24 с.

113. Протасов В.Н. Теоретические основы правовой процедуры: дис .... докт. юрид. наук. / В.Н. Протасов. – М., 1993. – 397 с.

114. Рожкова, М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... докт. юрид. наук. / М.А. Рожкова. – М., 2010. – 418 с.

115. Шеменева, О.Н. Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. / О.Н. Шеменева. – Воронеж, 2017. – 432 с.

116. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... докт. юрид. наук. / В.В. Ярков. – Екатеринбург, 1992. – С. 396.

## **2.5. Зарубежная литература**

117. Шапп Я. Система германского гражданского права: Учебник / Пер. с нем. С.В. Королева. М.: Международные отношения, 2006. – 357 с.

118. Wolf M., Neuner J. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. 11. Aufl. C.H. Beck, 2016. § 20, Rn. 29. – 237 с.

119. Seckel E. Die Gestaltungsrechte des Bürgerlichen Rechts // Festgabe der Juristischen Gesellschaft zu Berlin zum 50 jährigen Dienstjubiläum ihres Vorsitzenden, des wirklichen geheimen Rats Dr. Richard Koch. Otto Liebmann, 1903. – 208 с.

120. Tim Lassen. Right to change a legal relationship by unilateral declaration (gestaltungsrechte) under German law / Tim Lassen // Вестник гражданского права. – 2018. – Т. 18. – № 5. – 139-168.

### **III. Материалы правоприменительной практики**

121. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним", пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона "Об ипотеке (залоге недвижимости)" в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации"» / [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_114541/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114541/) (дата обращения 30.01.2026).

122. Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О «О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества "Энергопромкомплект" на нарушение конституционных прав и свобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы"» / [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы

«КонсультантПлюс» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=19516#ATatd4UG6IyVXxsr> (дата обращения: 18.02.2024).

123. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» / [Электронный ресурс] Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_286130/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286130/) (дата обращения: 08.08.2024).

124. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2023 г. № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве» / [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/32615/> (дата обращения: 12.01.2026).

125. Постановление Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 г. № 35 (ред. от 23.12.2025) «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» / [Электронный ресурс] Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_132825/e75d16d1cac754b72893c378050f73824a2f73e1/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132825/e75d16d1cac754b72893c378050f73824a2f73e1/) (дата обращения: 12.01.2026).

126. Определение Верховного Суда РФ № 301-ЭС18-13818 от 28 января 2019 г. по делу № А28-3350/2017 / [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-28012019-n-301-es18-13818/> (дата обращения: 28.02.2024).

127. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020 / Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции / [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301524982> (дата обращения: 08.08.2024).

128. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 мая 2020 г. № 305-ЭС15-11067 по делу № А41-

4420/2009 / Архив решений арбитражных судов и судов общей юрисдикции. / [Электронный ресурс] // URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/565002311> (дата обращения: 09.08.2024).

129. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24 октября 2018 г. № 305-ЭС18–10166 по делу № А41–48945/2017 / [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24102018-n-305-es18-10166-po-delu-n-a41489452017/> (дата обращения: 10.01.2026).

130. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 августа 2016 г. № 308-ЭС16–4658 по делу № А53–2012/2015 / [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15082016-n-308-es16-4658-po-delu-n-a53-20122015/> (дата обращения 12.01.2026);

131. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17 марта 2021 г. № 302-ЭС20–19914 / [Электронный ресурс] // URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da754bf9-8f92-4ea7-9d8b-27fb71543afd/5bd2ec81-b10b-4914-b001-fa7255834931/A19-14083-2015\\_20210317\\_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da754bf9-8f92-4ea7-9d8b-27fb71543afd/5bd2ec81-b10b-4914-b001-fa7255834931/A19-14083-2015_20210317_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения 13.01.2026).

132. Определение Верховного Суда РФ от 27 апреля 2023 г. № 305-ЭС22–9597 / [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27042023-n-305-es22-9597-po-delu-n-a41-736442020/> (дата обращения: 18.02.2024).

133. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 февраля 2020 г. № 300-ЭС19–26826 по делу № СИП–809/2018 / [Электронный ресурс] Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=617453#mbIsm9VtazNc8pVV>. (дата обращения 13.01.2026).

134. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 28 мая 2025 г. № 307-ЭС21-27840(7) по делу № А56-61659/2017 / [Электронный ресурс] // URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28052025-n-307-es21-278407-po-delu-n-a56-616592017/> (Дата обращения: 16.01.2026).

135. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 сентября 2023 г. № 308-ЭС20-3526(9,10,12-14) по делу № А32-26161/2019 / [Электронный ресурс] // доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=780212#BCIJ6EVvDbW8hXb7> (дата обращения: 17.03.2025).

136. Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023) / [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_459286/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/) (дата обращения: 15.08.2025).

137. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ от 18 июня 2025 г / [Электронный ресурс] // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_507941/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507941/) (дата обращения: 20.07.2025).

138. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2023 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.05.2024) / [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_476305/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476305/) (дата обращения 17.03.2025).

139. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 января 2023 года 5АП-22516/2022 по делу № А01-2647/2017 / [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/bkDAaDDoE2Ya/> (дата обращения: 15.01.2026).

140. Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП–79097/2024, № 09АП–82749/2024, № 09АП–82754/2024 от 17 февраля 2025 г / [Электронный ресурс] // URL: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eda269d1-d44a-4647-875c-b4a579ccdfb8/ecf0ab66-1f6a-4f40-bafe-35f37cbfb602/A40-122102-2024\\_20250217\\_Postanovlenie\\_apelljacionnoj\\_instancii.pdf?isAddStamp=True](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/eda269d1-d44a-4647-875c-b4a579ccdfb8/ecf0ab66-1f6a-4f40-bafe-35f37cbfb602/A40-122102-2024_20250217_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True) (дата обращения: 17.01.2026).

141. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 20 декабря 2005 г. № 97 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)» / [Электронный ресурс] Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_58107/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58107/) (дата обращения: 17.03.2025).

142. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 сентября 2005 г. по делу № Ф04– 448/2005(15179–А75–21) / [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/18798527/> (дата обращения: 20.01.2026).

143. Постановление Арбитражного суда Северо–Кавказского округа от 4 марта 2025 г. по делу № А53–35916/2022 / [Электронный ресурс] // URL: <https://base.garant.ru/40890025/> (дата обращения: 15.01.2026).

144. Письмо ФНС России от 29 июня 2017 г. № СА-4-18/12520@ «О направлении обзора судебных актов» / [Электронный ресурс] Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс» // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_279967/de44bfaf52b1aea63579038c00e3aa489842b737/#](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279967/de44bfaf52b1aea63579038c00e3aa489842b737/#) (дата обращения: 12.01.2026).

#### IV. Электронные ресурсы

145. Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) / под ред. Д. С. Лихачева и др. – СПб.: Наука, 1997–. / Т. 4: XII век. – 1997. – 685, [2] с. [Электронный ресурс] Сайт «Азбука Ру» // URL:

[https://azbyka.ru/otechnik/Istorija\\_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14](https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/14). (дата обращения: 17.04.2024).

146. Устав о банкротах [Утвержден] Декабря 19 дня 1800 г. СПб., – [СПб.: Сенат. тип., 1800]. – [2], 48, [5] с.; [Электронный ресурс] Сайт «Руснеб. Ру» URL: [https://rusneb.ru/catalog/000200\\_000018\\_RU\\_NLR\\_A1\\_23633/](https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_A1_23633/) (дата обращения: 02.10.2024).